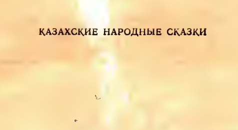

КАЗАХСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

КАЗАХСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ҚАЗАҚ ХАЛЫҚ ЕРТЕГІЛЕРІ

ҮШ ТОМДЫҚ

Үшінші том

«ЖАЗУШЫ» БАСПАСЫ
АЛМАТЫ — 1971

КАЗАХСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

В ТРЕХ ТОМАХ

Том третий

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЗУШЫ»
АЛМА-АТА — 1971

Каз 2
К 14

Оформление и иллюстрации художников:
С. АЙТБАЕВА,
А. АКАНАЕВА,
И. ИСАБАЕВА.

7—3—3
Доп. 71

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

ПРОДАВЕЦ РАЗУМА

В прежние времена был один царь. Каждый день он садился у окна и наблюдал, что делает его народ. И вот как-то он заметил, что народ собрался в одну кучу, а потом разошелся. Царь спросил своего визиря:

— Почему вон на том месте собрался народ?

Визирь ответил:

— Туда каждый день приходит один человек и продает разум, а собравшиеся покупают у него этот разум.

Царь был озадачен. «Если бог не дал разума,— подумал он,— то как же его купишь?» И вот он пришел к продавцу разума и сказал:

— Есть ли у тебя подходящий для меня разум?

— Кто вы такой?— спросил продавец.

— Я царь!— ответил повелитель.

Тогда продавец сказал:

— Если вы царь, то у меня есть подходящее для вас нравоучительное слово, но вы прежде должны дать мне тысячу дилла.

Царь дал ему тысячу дилла. Тогда продавец сказал:

— Всякое дело начинай подумавши; не подумаешь — пожалеешь.

Слова эти царь приказал написать на всех стенах своего дома для того, чтобы каждый мог их прочесть.

Однажды царь позвал к себе цирюльника. Когда цирюльник шел к царю, то его встретил визирь и спросил:

— Какой бритвой ты будешь брить царя?

Цирюльник показал свою бритву с деревянной ручкой.

— Вот этой,— сказал он.

— Для волос царя не годится такая бритва,— сказал визирь и дал цирюльнику золотую бритву.

Цирюльник заткнул свою бритву за пояс и взял в руки золотую бритву. Но когда он вошел к царю, то обратил внимание на надпись. Цирюльник был грамотный. Он прочел: «Всякое дело начинай подумавши; не подумаешь — пожалеешь...» Цирюльник достал свою бритву и стал брить царя, а золотую положил перед ним на стол. Царь с гневом спросил его:

— Слушай, цирюльник! Ты, должно быть, нашел золотую бритву для меня неподходящей? Золотую выставил перед моими глазами, а волосы мне сбрил бритвой с деревянной ручкой?

— О таксыр! Сами же вы написали: «Всякое дело начинай подумавши; не подумаешь — пожалеешь...» Вот я и решил взять свою бритву, так как золотую дал мне визирь и я не знаком с ее секретом.

Царь потребовал к себе визиря и сказал:

— Сейчас же сбрей этой бритвой свои волосы!

Цирюльник взял золотую бритву и стал брить голову визиря. Пока он брил, визирь отдал богу душу.

Оказалось, что этот визирь ненавидел царя. Он обмакнул золотую бритву в яд и дал ее цирюльнику. Если б цирюльник не прочитал надписи, то сбрил бы царю волосы отравленной бритвой.

Царь поблагодарил цирюльника за находчивость и сообразительность, одарил его и отправил домой.

Когда царь пошел разыскивать продавца разума, то его уже не было: он куда-то исчез бесследно.

САПОЖНИК И ХАН

дин хан задумал проверить, как народ исполняет его повеления. Он приказал своим визирям объявить, чтоб его подданные ничего не делали и не зажигали по ночам огней.

Визири доложили хану, что приказ объявлен и народ точно выполняет его. Хан переоделся нищим и отправился ночью по городу. Вот идет он по темной улице, заметил огонек. Подошел к дому, открыл дверь и попросил милостыню.

В этом доме жил сапожник. Он сидел за работой. Когда вошел нищий, сапожник встал с места и подал ему маленькую лепешку.

— Ведь от хана последовало распоряжение, чтобы никто ничего не делал и по ночам не зажигали свечей,— ска-

зал нищий.— Почему ты не исполняешь волю своего повелителя?

— Ты получил милостыню,— сказал сапожник,— ну и иди себе с богом. Хан, который отдал такое повеление,— дурак! Посуди сам: если б я не работал, как бы стал существовать? Человек я бедный. От работы своей ежедневно получаю четыре таньги пользы и четыре убытку.

Хан ничего не возразил на слова сапожника и вернулся в свой дом. Он потребовал к себе визирей и сказал им:

— Я полагал, что вы умнее обыкновенных людей, и потому выделял вас от прочих, осыпал милостями. Теперь задам я вам вопрос, на который вы должны ответить. От занятий своих я получаю ежедневно четыре таньги убытку и четыре таньги прибыли. Так вот, сколько я имею прибыли и сколько пользы? Даю вам три дня сроку: если вы не ответите мне на этот вопрос или не найдете такого человека, который смог бы ответить на него, я вас прикажу казнить.

Прошло три дня, а визири так и не могли разгадать загадки. Они собрались уже было бежать от гнева хана, как в это время к ним пришел сапожник и заявил, что он отгадает вопрос хана, если ему дадут за это хорошее вознаграждение.

Визири с большой радостью дали сапожнику четыре тысячи дилла и повели его к хану.

— О таксыр,— сказал сапожник.— Четыре таньги убытку и четыре таньги прибыли я получаю следующим образом. Отдаю одну таньгу — новый долг плачу, отдаю другую таньгу — старый долг плачу, третью таньгу в колодец бросаю, а на четвертую таньгу сам с женой живу.

— Что одну таньгу тратишь на себя и жену, то всякому понятно,— сказал хан.— А ты вот разъясни нам, куда остальные три таньги деваешь.

Сапожник сказал:

— Одну таньгу я даю взаимообразно своему сыну для того, чтобы он меня кормил на старости лет. Одну таньгу плачу как старый долг отцу и матери за то, что они меня вскормили и вырастили, наконец, одну таньгу бросаю в колодец, то есть кормлю дочь.

Хану понравился такой ответ сапожника, и он сделал его своим визирем.

ЖАНАДИЛ

ил смелый человек по имени Жанадил. У него была красавица сестра. В эту девицу был влюблен хан. Хан несколько раз просил брата отдать за него замуж сестру, но тот не соглашался. Девушке тоже нравился хан. И вот она притворилась больной. Брат был очень огорчен и не знал, что делать. Хан позвал к себе одну старуху и сказал ей:

— Иди и скажи Жанадилу, что ты лекарка и что его сестре может помочь «ангельская вода». Если спросит, где взять такое лекарство, ты скажи, что там-то и там-то, и отведи его туда, где много бед, где по дороге он мог бы встретиться с жалмауыз-кемпир. Сделай так, чтобы он не вернулся назад.

Старуха пошла к сестре Жанадила и стала врачевать. Она трясла больную, шептала что-то, а потом сказала Жанадилу:

— Есть «ангельская вода». Только ею можно вылечить твою сестру. Но лекарство это трудно найти. Я знаю, где оно находится.— И старуха рассказала, как идти за этой водой.

Жанадил отправился. Хан забрал к себе сестру Жанадила, а его жену сделал рабой.

Долго ехал Жанадил, повстречался ему дом. Возле дома сидела страшная женщина. Она в котле с сорока ушками вскипятила масло, бросила в масло человека и, сделав из него куырдак, стала есть. Это была жалмауыз-кемпир.

Жалмауыз-кемпир увидела Жанадила и подбежала к нему, чтобы поймать и бросить в котел. Жанадил стал бегать вокруг котла, жалмауыз-кемпир — за ним. У старухи закружилась голова, она споткнулась и упала. Жанадил поднял ее и бросил в огонь. После этого он вошел в дом жалмауыз-кемпир и увидел много людей. Они ждали своей участи. Жанадил освободил их всех, роздал им богатство старухи и отпустил домой. Один из освобожденных сказал Жанадилу:

— Вы сами избавились от жалмауыз-кемпир и нас освободили. Да пошлет вам бог благополучия на вашем пути! Куда вы идете?

— В этой стране есть «ангельская вода»,— сказал Жанадил.— Она помогает от болезней. Вот я и иду за этим снадобьем.

Тогда человек сказал:

— До этой воды — трудный путь. Недалеко отсюда живут дяу — братья жалмауыз-кемпир. Когда дойдете до них, увидите собаку, а перед ией — жантак. Возьмите у собаки жантак и бросьте его верблюду, который будет лежать тут же. У верблюда отнимите кость и бросьте ее собаке. Далее три мальчика будут играть в бабки. Если они станут ссориться, вы их помирите. Потом вы встретите караульщика — дяу с белым пятном на лбу. Он погонится за вами, но мальчики его задержат. Вы пойдете дальше и встретите каменные двери, за ними — «ангельская вода». Скажите: «Ах боже!» — и дверь откроется. Наберите воды и отправляйтесь обратно.

Жанадил проделал все так, как ему было сказано. Он взял у собаки жантак и бросил верблюду, а кость — собаке; помирил подравшихся мальчиков. Подъехал к двери, сказал: «Ах, боже!» Дверь открылась, он набрал воды и отправился обратно. Когда Жанадил приехал домой, то не застал сестры и жены. Ему рассказали, что произошло во время его отсутствия. Жанадил убил хана и вериул свою жену. Сестру он привязал к хвостам сорока лошадей и пустил в поле. Кобылицы разорвали ее на сорок частей.

АТУМТАЙ И НАШАРВАН

или когда-то два друга. Одного из иих звали Атумтаем, а другого — Нашарваном. Атумтай был щедр, а Нашарван — справедлив. Жили они оба в большой дружбе и согласии. Так бы и прожили до конца своей жизни без ссор, если б не было на земле шайтанов. Шайтаны позавидовали такой дружбе и решили нарушить ее.

Однажды старый шайтан спросил своего сына:

— Остался ли иа свете человек, не сбитый нами с истинного пути?

— Да, отец!— сказал сын.— Есть еще такие праведные люди, которые не поддались нашему искушению, это Атумтай и Нашарван. Если взяться за них, то, думаю, нам удастся сбить их с истинной дороги. Для этого нам необходимо влезть в их души и раздружить так, чтобы они питали друг к другу вражду...

Так они и сделали. Через некоторое время друзья стали непримиримыми врагами.

Как-то справедливый Нашарван отправился в поле на прогулку. Шайтан уже сидел в его душе и тотчас же сообщил своему сыну, влезшему в душу Атумтая, чтобы он внушил ему также выехать в поле. Атумтай вооружился шашкой и поехал на прогулку в поле.

Соперники встретились. Атумтай заметил, что Нашарван не имеет никакого оружия, и решил убить его. Но Нашарван угадал желание своего прежнего друга и воскликнул:

— О Атумтай! Ты всегда был щедр, отдай мне твою шашку и докажи этим, что ты остался таким же!..

«Что делать?— подумал Атумтай.— Если отдать шашку, значит, подвергнуть себя опасности быть изрубленным собственною шашкою; если же не удовлетворить просьбу противника, значит, навсегда лишиться чести и быть в глазах Нашарвана скупым». Подумал так Атумтай и решил отдать шашку.

— Возьми мою шашку,— сказал он,— но помни, ты также должен доказать мне свою справедливость!..

Получив оружие, Нашарван хотел было изрубить Атумтая, но тотчас же изменил свое решение, вспомнив намек Атумтая на справедливость. И вместо того, чтобы умертвить бывшего своего друга, он бросился к Атумтаю и крепко сжал его в своих объятиях.

Само сердце подсказало друзьям, что они поддались искушению шайтана.

УДАВ-ЖЕНЩИНА

древние времена жил один богатый человек Абдулла. Он имел единственного сына-красавца. Настало время юноше жениться, отправился он искать себе жену. Три года путешествовал юноша по разным землям и нигде не мог встретить женщину, которая бы ему понравилась. Потеряв всякую надежду, он уже возвращался в родной аул, как вдруг на пути встретил девушку, которая поразила его своей красотой. Юноша страстно влюбился в нее и не замедлил жениться. Первые годы он прожил с молодою женой очень счастливо. Но потом стал быстро чахнуть и превратился в скелет. Лицо его стало желтым, как шафран.

Юноша имел все, но не было у него здоровья. Решил он послать во все стороны людей, чтобы разыскать опытного табиба или кудесника.

Через некоторое время его люди привели кудесника. Юноша обратился к нему с такими словами:

— О кудесник! Я нахожусь во власти злого недуга. Исцели и спаси меня!..

Кудесник раскрыл свою книгу, долго всматривался в нее, потом произнес:

— О мой друг! О болезни твоей я прочел в этой книге. Ты страдаешь от своей жены. Хотя жена твоя и носит человеческое подобие, но она не человек, а змея-удав. Можешь убедиться в этом. Ложась спать, убери из юрты всю воду, не оставляй ни капли и не смыкай очей всю ночь. Ты увидишь чудеса.

Юноша в точности исполнил требование кудесника. Подошла глубокая ночь. Жена юноши лежала, лежала, вдруг осторожно подняла голову, стала вытягиваться и постепенно превратилась в змею. Змея поползла по юрте, отыскивая воду. Воды не оказалось. Тогда змея стала быстро удлиняться и выползать из юрты по направлению к речке, протекавшей недалеко от аула. Оставив хвост в юрте и достигнув головой берега, она напилась, обратилась вновь в красавицу и легла возле мужа.

Юношу охватил ужас. Он то обливался холодным по-

том, то его бросало в жар. Наконец ночь прошла, стало светать.

Утром позвал он кудесника и рассказал ему, что видел ночью. Кудесник посоветовал собрать всех мастеров и немедленно выстроить железный дом о семи стенах, снабдив его крепкими замками. Когда будет все готово, заманить туда жену и запереть, а затем, скупив у всех хлебопашцев солому, обложить дом и поджечь. Огонь должен пылать до тех пор, пока стены не накалятся докрасна и не погибнет в огне удав-жена. При этом кудесник предупредил, что если юноша не последует его совету, то жена его через два года окончательно обратится в удава и проглотит всех жителей аула.

Собрал юноша многочисленных мастеров, и скоро железный дом был готов.

— О моя дорогая!— сказал юноша жене.— Какие хоромы я выстроил тебе! Не хочешь ли полюбоваться ими.

Повел он жену в отстроенный дом. И как только жена вошла в него, он быстро запер двери на замок и распорядился, чтоб дом обложили соломой. Спустя час железный дом был в пламени, а вслед за этим послышалось такое страшное шипение, что задрожала земля.

Так юноша спас себя и жителей аула от удава...

ЩЕДРЫЙ И СКУПОЙ

Однажды Щедрый и Скупой вздумали вместе идти на поклонение. Скупой всю дорогу пользовался хлебом и водой Щедрого. Наконец у Щедрого все запасы истощились. Он стал просить у Скупого, но тот ему сказал, что не желает оказаться в таком же положении и поэтому ничего не даст. Щедрый не мог следовать дальше и остался в пещере, до которой они дошли. Скупой пошел один.

В пещере, чтоб утолить голод, Щедрый взял в рот какую-то травку и с этой минуты стал понимать язык всех растений и животных.

К вечеру в пещеру вбежали волк и лисица, прилетела сорока. Лисица спросила сороку, что она ела сегодня. Та ответила, что до сих пор голодна.

— А вот под этим тополем есть мышонок,— сказала лисица. — Он постоянно играет золотыми монетами и, любуясь ими, насыщается.

Волк указал на противоположные горы и рассказал, что там есть бай, имеющий тысячу баранов и одного золотого козла, благодаря чему он, волк, сыт. Если голову козла отдать слепому, он станет зрячим.

— А вот под теми деревьями хранится казна, оставшаяся после семи царей,— сказала лисица,— и я по милости аллаха сыта.

Рано утром звери ушли из пещеры. Щедрый направился к мышиной норке и нашел там золотые монеты. Затем Щедрый пошел к баю и купил у него козла. Щедрый знал, что у царя есть слепая дочь. Пошел он к царю и вызвался вылечить его дочь. Царь согласился. Голова козла тут же была сварена и подана слепой дочери царя. Она съела и тотчас же стала видеть.

Обрадованный царь выдал дочь за Щедрого и устроил той. Царь сказал зятю, что готов исполнить любое его желание. Щедрый попросил у царя тот самый родник, где под деревьями хранилась казна. Царь согласился отдать ему тот родник. Достал Щедрый казну и стал жить со своей женой в веселье и в довольстве.

Вернулся Скупой и позавидовал Щедрому. Он спросил его:

— Как ты сумел стать богатым? А я скитаюсь, переношу голод и холод...

Щедрый рассказал ему все без утайки. Скупой отправился в пещеру. Спрятался, ожидая зверей и сороку. Ночью они появились. Первой вошла лиса. Она стала говорить, что кто-то слышал их разговор и похитил все достояние, надо быть осторожными. Лисица предложила обыскать пещеру, нет ли в ней кого. Стали искать. Вдруг лисица закричала:

— В пещере человек!..

Волк схватил Скупого и растерзал...

СЧАСТЬЕ КАДЫРА

Жили два брата. Старший был разумный и работящий, а младший — бестолковый, ленивый и завистливый. Звали его Кадыр.

Пришел Кадыр к брату и говорит с досадой:

— Почему так получается, брат, скажи, сделай милость! Одного мы с тобой рода-племени, одного отца дети, а доля у нас разная. Тебе удача во всем, мне ни в чем нет удачи. Твои овцы плодятся и тучнеют, мои — дохнут одна за другой, твой конь первым доскакал в байге, а мой сбросил меня на полдороге, у тебя за столом всегда мясо и кумыс, а у меня незаправленной похлебки не вволю, у тебя ласковая жена, а на меня ни одна девушка не смотрит, тебя уважают даже старики, а надо мной без стыда глумятся подростки...

Улыбнулся старший брат и отвечал:

— Не иначе мне счастье мое помогает.

— Почему же оно не помогает мне?

— У каждого свое счастье, Кадыр. Мое любит трудиться, твое, видно, спит себе где-то под карагачом.

«Постой же,— думает Кадыр,— разыщу и я свое счастье, заставлю работать на себя».

И в тот же день пустился он в странствие на поиски того карагача, под которым надеялся найти свое счастье.

Идет да идет. Далеко забрел. Выскочил из-за камня косматый лев, стал впереди на дороге, ждет. Испугался Кадыр, а бежать — все равно никуда не убежишь: голая степь кругом. Что будет?

Лев говорит:

— Ты кто такой?

— Я Кадыр.

— Куда идешь?

— Иду искать свое счастье.

— Ну, тогда слушай, Кадыр,— сказал Лев,— когда найдешь счастье, спроси у него, что мне делать, чтоб у меня прекратилась резь в животе. Никакие травы не помогают. Замучился я, совсем пропадаю. Обещаешь исполнить мое поручение — не трону тебя, не то — загрызу.

Кадыр поклялся раздобыть для льва совет или лекарство, и тот уступил ему дорогу.

Идет дальше Кадыр. Видит: среди выжженного солнцем поля сидят старик, старуха и девушка чудной красоты, все горько плачут, точно по покойнику.

Остановился Кадыр.

— О чем вы плачете, люди?

— Велико наше горе,— отвечает старик. — Три года назад купил я это поле, отдал за него все, что имел за душой. Не щадя сил, возделываем мы землю, как мать за младенцем ухаживаем за посевом. А урожая еще не собрали ни разу. Дружно поднимаются всходы, буйно зеленеет поле весной, суля обильную жатву, но к середине лета, сколько ни поливай землю, посев сохнет и сгорает до самых корней. В чем причина такой беды, никто сказать не может. Помирать приходится, добрый человек. Нет у нас счастья.

Говорит Кадыр:

— А у меня хоть и есть счастье, да оно спит где-то под развесистым карагачом. Вот иду его разыскивать.

Тут старик стал упрашивать Кадыра:

— Душа моя, да не подует тебе ветер в лицо, да не уместятся твои успехи за пазухой! Если поможет тебе случай найти свое счастье, не откажи, спроси у него, не знает ли оно, отчего погибают наши посевы. Век буду тебе благодарен.

Кадыр пообещал старику вернуться на это место с ответом и снова тронулся в путь.

Через сколько-то дней Кадыр пришел в большой город, который оказался столицей хана. Едва он появился на улицах среди шумной толпы, как на него набросилась стража и за шиворот потащила в ханский дворец. Кадыр от такой неожиданности совсем потерял голову и, не ведая, в чем его вина, приготовился к самому худшему. Но хан встретил его милостивой улыбкой и ласковыми словами.

— Будь моим гостем, чужеземец,— сказал хан,— и расскажи, кто ты и куда идешь.

Кадыр упал на колени и, путаясь в словах, рассказал о себе хану.

Выслушав его, хан приказал:

— Встань и подойди ко мне, Кадыр. Не бойся меня. Я обращаюсь к тебе не как к рабу, а как к другу. Есть у меня просьба к тебе. Когда ты встретишься со своим счастьем, спроси его, почему я, владыка обширного, богатого и могущественного ханства, не испытываю радости и

горько тоскую в золотом дворце. За ответ, какой бы он ни был, я щедро вознагражу тебя.

И вот Кадыр снова в пути. Три года пространствовал он по свету, пока не нашел то, что искал. Пришел он к высокой черной горе и видит: у отвесной скалы стоит развесистый карагач, а под ним спит в тени мертвым сном раздетое и разутое, немытое и нечесаное какое-то существо, похожее на человека.

«Неужели это и есть мое счастье?»— подумал Кадыр и принялся будить лежебоку:

— Вставай, проснись, пора приниматься за дело! Вон счастье моего брата трудится на него не покладая рук. Что ж ты не хочешь служить мне? Проснись, поднимайся скорее!

Долго он кричал и тузил под бока кулаками лежащего. Наконец счастье пошевелилось, потянулось, приподняло голову и, зевая, стало протирать глаза.

— Это ты, Кадыр? Напрасно ты таскаешься по свету, ноги бьешь. Лежал бы ты лучше вот так под развесистым карагачом, спокойнее бы тебе было. Счастье помогает умным да трудолюбивым, как твой брат, а таким, как ты, глупцам и бездельникам, и счастье не в прок. Ну да раз уж ты пришел ко мне, то садись и говори, чего от меня хочешь, как нашел сюда дорогу, что видел, с кем встречался, о чем беседовал.

Начал Кадыр рассказ, а счастье, позевывая, его слушает. Дослушало до конца, научило, что кому отвечать на обратном пути, и потом говорит:

— Сужу я по твоим рассказам, Кадыр, что много в тебе плохого, однако есть и хорошее. За хорошее и хочу наградить тебя. Ступай домой. Большое счастье ждет тебя впереди. Не всякому такое дается. Смотри только, не упусти его по своему ротозейству. Прощай!

Растянулось опять Кадырово счастье на траве под карагачом и захрапело на всю долину. Принялся было Кадыр тормошить его, чтобы узнать толком, что же именно ждет его впереди, да куда там — весь вспотел, а счастья так и не добудился. Постоял он, повернулся и зашагал по собственному следу туда, откуда пришел.

Добрался до столицы, явился к хану. Хан обрадовался ему, выслал прочь всех слуг и телохранителей, усадил гостя рядом с собой:

— Говори, Кадыр!

И Кадыр сказал:

— Счастье мое открыло мне причину твоей печали. Ты правишь страной, и все называют тебя ханом, думая, что ты мужчина. А ведь на самом деле ты женщина. Тебе тяжко скрывать истину и не под силу одной нести воинские труды и заботы правления. Избери себе достойного мужа, и веселье снова вернется к тебе.

— Правду сказало твое счастье, Кадыр,— промолвил в смущении мнимый хан и снял с головы драгоценную шапку: черные косы упали на цветной ковер, и увидел Кадыр перед собой девушку прекрасную, как полная луна.

Закрасневшись, хан-девица сказала:

— Ты первый, жигит, узнал мою тайну. Будь же моим мужем и ханом моей страны.

Остолбенел Кадыр от таких слов, но вдруг замотал головой и замахал руками:

— Нет, нет, не хочу быть ханом, ничего мне от тебя не надо. Мое счастье ждет меня впереди!

И пошел он дальше.

Вот встречают его с поклоном и приветствиями старик, старуха и их красавица-дочь.

— Что скажешь нам в утешение, дорогой Кадыр?

— Скажу я вам,— ответил Кадыр,— что в древние времена на месте вашего поля один богач, напуганный набегами иноземцев, зарыл сорок корчаг с золотом. Оттого-то и не родит ваша земля. Выройте золото, и почва опять станет плодородной, а сами вы будете богаче всех в этом краю.

Закружились от радости бедные люди, смеются и плачут, обнимают Кадыра.

Старик говорит:

— Ты осчастливил нас, Кадыр. Оставайся же с нами. Помоги нам вырыть золото. Бери себе половину клада, бери в жены нашу дочь. Будь моим сыном и зятем.

Понравились Кадыру старики, еще больше понравилась ему их дочка, и все-таки он покрутил головой и сказал:

— Нет-нет. Счастье мое еще ждет меня впереди.

И пошел дальше.

Шел, шел — истоптал сапоги, растер ноги, чуть ковыляет по пустынной тропе. Увидел камень, присел и задумался:

«Вот уж скоро конец пути, а где же мое обещанное счастье?»

И только он подумал так, глядь — а перед ним стоит лев.

— Ну,— говорит лев,— принес ли ты мне, Кадыр, совет или лекарство?

— Лекарства не принес, но есть верное средство избавиться тебе от хвори. Съешь мозги самого глупого на свете человека — и сразу станешь здоров.

— Спасибо, Кадыр. Буду повсюду теперь искать такого глупца. Может, ты мне поможешь в этом? Расскажи-ка, каких людей видел в странствии, о чем говорил с ними. Пока не расскажешь, не отпущу тебя домой.

Делать нечего, стал Кадыр рассказывать и про свой разговор со счастьем под старым карагачом, и про хан-девицу, и про стариков с их красавицей-дочкой.

Засверкали у льва глаза, защелкали зубы, поднялась грива. Говорит он:

— Ну и дурак же ты, Кадыр! Такое счастье было у тебя в руках, а удержать ты его не смог. Ты отказался от власти и почета, ты отказался от богатства и благополучия, ты отказался от двух прекрасных невест... Да если я трижды обойду всю землю, все равно не найду человека глупее тебя. Твои-то мозги и исцелят мою утробу!..

И, разбежавшись, лев кинулся прыжком на Кадыра. Кадыр с перепугу, как заколотый баран, повалился на землю. Это его и спасло: лев, не рассчитав прыжка, ударился грудью о камень и тут же околел.

— Какое счастье! — вне себя от радости, вскричал Кадыр. — Смерть угрожала мне, а я остался жив! Какое счастье!

Когда Кадыр возвратился в аул, никто не узнал его: точно второй раз родился жигит, новым человеком стал. Всегда веселый, со всеми приветливый, он больше ни на что не жаловался, никому не завидовал. С утра до вечера он работал, распевая песни, и все наперебой хвалили его за рассудительность и добрый нрав. День ото дня умножался достаток Кадыра, обзавелся он семейством и зажил в радости и почете.

— Как поживаешь, Кадыр? — спрашивали его друзья.

— Счастливее всех на свете! — отвечал с улыбкой Кадыр.

ТРИ МУДРЫХ СОВЕТА

У одного богатого казаха был единственный сын. Он постоянно пас лошадей. Однажды к нему подошел неизвестный человек и говорит:

— Дитя мое! Дай мне лошадей, я тебе за это дам три мудрых совета.

Юноша согласился и отдал целый косяк лошадей. Неизвестный сказал:

— Дитя мое! Где ты отведал хлеб-соль, не будь тому соперником; от ранней готовой пищи не отказывайся[1]; и если правая рука твоя начнет драку, то левая должна разнимать.

Сказал неизвестный человек эти слова, забрал лошадей и скрылся.

Когда юноша вернулся домой, то все рассказал отцу. Отец разгневался на сына, стал его ругать, а потом выгнал вон.

Долго скитался юноша по разным местам. Пришел он как-то в город и подошел к ханскому двору. Заметили его ханские охранники.

— Что ты здесь делаешь? Не хочешь ли быть полезным человеком? — обратились они к пришельцу.

— Отчего же? — сказал юноша. — Ведь я не калека. Если есть дело, то почему же не заняться? Праздного бог убьет!..

Стража пришла к хану и доложила, что появился в городе юноша чужестранец, видимо, очень умный, и изъявляет желание служить ему. Хан попросил привести этого чужестранца. Когда юношу привели, он очень понравился хану. Хан назначил его своим телохранителем.

Юноша выполнял службу исправно. Прошло некоторое время. Жена хана влюбилась в юношу и как-то говорит ему:

— Я буду твоей... Будем же любить друг друга, шутить, веселиться!

Юноша вспомнил совет неизвестного человека: «Где ты

[1] У мусульман было принято: если угодишь утром на готовую пищу, то должен непременно отведать ее, даже если не хочешь есть.

отведал хлеб-соль, не будь тому соперником»,— и отказал жене хана. Тогда ханша решила отомстить юноше. Она пожаловалась хану, что юноша груб с ней, не дает проходу.

— Я велю его убить,— сказал хан.

Тайно он приказал своим истопникам бросить утром на горячие угли того, кто к ним придет первым. Затем подозвал юношу и сказал ему, чтоб он утром отправился к истопникам и принес мешок углей. Юноша сказал: «Слушаюсь, таксыр»,— и на другой день отправился к истопникам.

По дороге он встретил старушку.

— Дитя мое! — сказала старушка. — Отведай у меня хлеба-соли!..

Юноша поблагодарил старушку и сказал:

— У меня спешное дело, я иду по приказанию хана.

На это старушка заметила ему, что еще рано и он успеет сходить по важному делу. Тогда юноша вдруг вспомнил второй мудрый совет неизвестного человека: «От ранней готовой пищи не отказывайся» — и вошел в юрту к старушке.

В это время ханская жена, узнав об ожидающей юношу страшной смерти, в отчаянии прибежала к истопникам, чтобы в последний раз посмотреть на него, но была тут же схвачена и брошена в огонь. А юноша, закусив у старушки, отправился к истопникам, взял у них мешок угля и принес хану.

Увидав юношу совершенно невредимым, хан пришел в изумление. В то же время хану доложили, что его жена исчезла из дворца. Куда она девалась — никто не знал. Хан послал узнать к истопникам, какими судьбами юноша остался жив. Истопники ответили, что они в исполнение повеления хана бросили в огонь его жену, так как она пришла к ним первая.

Когда хану принесли такой ответ, он назвал юношу колдуном и хотел весь свой гнев выместить на нем. Видя это, юноша сказал:

— Таксыр! Если вы пощадите меня, я вам доложу всю истину.

— Хорошо, говори,— сказал хан.

— Я был сыном богатого отца и пас своих лошадей. Однажды ко мне подошел неизвестный человек и сказал: «Дитя мое! Дай мне косяк лошадей, я тебе за это скажу три мудрых совета». Я исполнил его просьбу, а он мне сказал:

«Где ты отведал хлеб-соль, не будь тому соперником», «От ранней готовой пищи не отказывайся» и «Если правая рука твоя начнет драку, то левая должна разнимать». Выучив это, вечером я пришел домой и за расточительность был изгнан из дому. После долгих скитаний я пришел в этот город и стал служить вашей милости...

Все это время и днем и ночью ханым не давала мне покоя и просила, чтобы я ее полюбил. Если полюбить ее, подумал я, значит, идти против первого мудрого совета: «Где ты отведал хлеб-соль, не будь тому соперником». Поэтому я всегда уклонялся от искушения. Когда вы послали меня за углем, мне встретилась старушка. Она пригласила меня к себе в юрту отведать готовую пищу. Тогда я вспомнил второй мудрый совет: «От ранней готовой пищи не отказывайся». Я вошел в юрту к старушке и на скорую руку закусил, потом пошел к истопникам и принес вам углей. А где ханым и что с ней стало, я не знаю. Вот и все, что я хотел вам сказать.

Хан выслушал юношу внимательно, а потом сказал:

— Ты, юноша, не виновен! Жена же моя сама себя наказала.

После этого хан щедро наградил юношу, дал ему коня и отпустил домой.

Долго ехал он. Наконец показался родной аул. Юноша стал думать: «Да, порядочно прошло времени с тех пор, как я ушел из дому. Интересно, что теперь делает моя жена?!» С этою думой он ночью вошел в свою юрту и застал там незнакомого жигита. Он вынул саблю и замахнулся, чтобы нанести удар, но в этот миг вспомнил третий мудрый совет: «Если правая рука начнет драку, то левая должна разнимать»,— и схватил левою рукою свою правую, в которой была сабля. Жена проснулась и стала кричать, но, увидев мужа, замолкла. Муж стал укорять жену в неверности. Но она на это ему сказала:

— Когда ты покинул дом, я осталась в положении... Юноша не кто иной, как твой сын!..

Отец бросился к сыну, стал его крепко обнимать. Потом извинился перед женой.

Так странник вернулся в родной аул к своей семье.

ДОЧЬ ХАНА И ВИЗИРЬ

У дочери одного хана были гусь с гусыней и четыре гусенка. Както раз случился пожар, и золотой дворец, где жила дочь хана, сгорел. Во время пожара гусь улетел, а гусыня, защищая детей, сгорела. Узнала об этом дочь хана и сказала отцу, что она никогда не выйдет замуж.

В соседнем ауле жил другой хан. У него был визирь, которому он доверял все свои тайны и давал самые ответственные поручения. Однажды этот хан видел сон, будто он влюбился в ханскую дочь и держал ее в своих объятиях. Но сон был неожиданно прерван: вошел визирь и разбудил его. Хан схватил саблю и хотел отрубить визирю голову. Но визирь быстро убежал. Когда хан несколько опомнился, визирь вошел к нему с приветствием. Хан принял его, но не так ласково, как прежде. Тогда визирь сказал хану:

— Вы же сами разрешили мне входить к вам в любое время. Я к вам пришел по важному делу, а вы сердитесь на меня, не имея на то никаких оснований.

Хан сказал ему на это:

— Я не скажу тебе причины моего гнева, потому что ты не сможешь исполнить того, что могло бы потушить гнев.

— Скажите, таксыр,— попросил визирь.— Если я не исполню вашего желания, отрубите мне голову.

Хан рассказал ему сон.

— А вы помните лицо девушки? — спросил визирь.

— Помню,— сказал хан.

— Я обещаю найти ее, только соберите мне всех искусников и ремесленников,— сказал визирь.

Когда искусники и ремесленники собрались, визирь описал им наружность девицы. Художники написали ее портрет. Затем визирь приказал обнести аул стеной, поставить двое ворот — с одной стороны аула и с другой, вкопать столбы и к столбам прикрепить портрет дочери хана. Сторожам был дан наказ: кто подойдет к столбам и удивится, глядя на изображение, того схватить и вести к визирю.

Однажды к портрету подошел прохожий. Посмотрел он на портрет и удивился:

— О! Откуда это?

Схватили его сторожа и привели к визирю. Тот ласково встретил путника, угостил и спросил:

— «Откуда?» Почему ты произнес эти слова, когда увидел изображение девицы?

Тот сказал:

— Это изображение похоже на дочь нашего хана. Поэтому я очень удивился: почему оно здесь?!

Визирь спросил, есть ли жених у девушки. Человек ответил, что она дала слово никогда не выходить замуж.

— Почему? — спросил визирь.

— У нее было два гуся,— рассказал прохожий. — Во время пожара золотого дворца гусь улетел, а гусыня, спасая своих детей, сгорела. Ханская дочь решила, что мужчина не бывает другом женщины.

Выслушав рассказ, визирь отправился к хану и передал ему то, что услыхал от прохожего. Потом он вернулся к прохожему и пообещал ему большой подарок, если тот отведет его в свой аул и покажет, где живет девица. С собой визирь повел искусников и ремесленников. Когда они пришли, человек сказал:

— Нужно подождать ханскую дочь. Скоро она выйдет с сорока подругами на прогулку, тогда вы сможете ее встретить.

Визирь сказал:

— Иди сейчас к ханской дочери и скажи ей, что ты был в таком-то ауле, набрал там много ремесленников и искусников и возвратился. И если кому надо что-то сделать, то они все исполнят искусно.

Человек сделал так, как велел ему визирь. Он сказал ханской дочери, что был в одном ауле и привел оттуда много ремесленников и искусников, которые могут все делать.

Девица велела поместить их в своем дворце — она даст им задание. Ремесленники расположились во дворце ханской дочери. С ними пришел и визирь. Он спросил девушку, что надо делать, и попросил все записать на бумажке. Когда ремесленники закончат работу, то позовут ее. Девушка записала все и ушла.

Люди визиря провели канал, нарисовали дворец, сделали изображение двух сайгаков и изображение хана. Еще написали четырех сайгачат. Эти сайгачата утонули в реке.

за ними бросился отец-сайгак и тоже утонул. А мать осталась. Когда все было готово, пригласили девицу — ханскую дочь. Она пришла, увидела портрет хана, спросила:

— Что это за изображение?

Визирь ответил:

— Это изображение нашего хана!

— А зачем вы изобразили его? — спросила она. — Мы должны каждый день смотреть на вашего хана?

Потом она увидела сайгаков и тоже спросила:

— Зачем они здесь?

Визирь ей на это сказал:

— У нашего хана было два сайгака. Их дети стали тонуть в канале, и самец, спасая своих детей, тоже утонул. Самка убежала.

Тогда девица заметила:

— Ваш хан подходящий для меня!

Визирь спросил:

— Почему вы так говорите?

И она рассказала ему то, что произошло с гусями в ее дворце во время пожара.

— Значит,— сказала она,— я напрасно думала, что только женщина думает о детях.

— Наш хан,— сказал визирь,— тоже думал, что одни мужчины думают о детях, и решил не жениться.

Тогда девица пошла к своему отцу и сказала, что хочет выйти замуж за этого хана, и показала его портрет и изображение зверей.

Отец согласился. Устроили свадьбу. Было сорокадневное празднество по этому поводу. Визирь дал тому прохожему дорогие подарки.

ДОЧЬ ВИЗИРЯ

Был хан. Он много слышал о женской неверности и потому не решался жениться. Через каждые три дня он брал девицу, а потом убивал ее.

Однажды очередь дошла до дочери одного визиря. Этот визирь, придя домой, стал плакать. Дочь спросила его:

— О чем ты плачешь?

Рассказал отец, что ее ожидает смерть. Тогда дочь и говорит:

— Не плачь! Бог даст, я или умру, или избавлю всех девиц от такого хана.

Визирь отвел свою дочь к хану. С самого начала девица стала занимать хана всевозможными интересными рассказами. Хан в течение тридцати дней все слушал и не казнил девушку. Народ обрадовался: казни прекратились.

Как-то раз хан сказал дочери визиря:

— Я поеду на охоту и вернусь через год, а ты за это время роди мне сына, похожего на меня. Кобыла моя должна принести жеребенка, похожего на моего черного жеребца.

Когда хан удалился, дочь визиря вызвала своего отца, рассказала ему все. Отец заплакал. Но девушка успокоила его и сказала, что и она намерена идти в поход. Собрала ханша множество служанок, переодела их в мужское платье и сама надела ханское платье. И все поехали вслед за ханом. Встретились они с ним на охоте. Люди дочери визиря оказались лучшими стрелками-охотниками, чем люди самого хана.

Хан спросил их:

— Кто вы такие?

Они сказали, что сын их хана приехал на охоту, они из его свиты. Хан познакомился с сыном хана. Девица пригласила хана в гости. Она угощала его, разговаривала с ним. Потом они стали играть в шахматы. Девица обыграла хана: выиграла у него золото, серебро и черного жеребца. Все это она отправила к своему отцу, наказав, чтоб он пустил черного жеребца в косяк. Сама девица осталась на охоте. Как-то раз она сказала хану:

— Вы мне очень понравились. У меня есть сестра, которую я не хочу ни за кого выдавать замуж. Я познакомлю вас с ней.

Хан согласился. Поставили палатку. Девица, переодетая в женское платье, пришла к хану. Хан сразу же влюбился в нее. Он не хотел отпускать от себя девицу, но она не оставалась долго. Так повторялось несколько дней. Когда девица уходила от хана, она переодевалась в мужское платье и отправлялась на охоту.

Через некоторое время девица возвратила хану золото, серебро и черного жеребца.

— Мне,— сказала она,— ничего этого не нужно!..

Тогда хан стал просить ханского сына выдать за него свою сестру, но тот отказался, отговариваясь тем, что он дал обет не выдавать ее ни за кого.

Хан умолял ханского сына привести с собою сестру, когда он к нему соберется в гости. Тот обещал.

Девица вернулась домой раньше хана. Прошло несколько дней, и она родила сына, а черная кобыла принесла жеребенка.

Пришла весть, что хан возвращается. Дочь визиря встретила его. Хан спросил ее, исполнила ли она его приказание. Она ответила:

— Исполнила!..

Дочь визиря попросила привести жеребенка — его нельзя было отличить от черного жеребца, на котором хан приехал. Она попросила принести своего сына — его нельзя было отличить от хана. Не поверил хан. Стал он сердиться, что дочь визиря обманула его.

Тогда ханша спросила его:

— Когда вы были в степи на охоте, не встречались ли там с сыном такого-то хана?

— Встречался,— сказал хан,— и охотился с ним.

— Не выигрывал ли он вашего черного жеребца?— спросила дочь визиря.

— Выигрывал.

— А не знакомил ли он вас со своей сестрой? — спросила дочь визиря.

— Да, и это было,— сказал хан.

Тогда дочь визиря сказала:

— Ханский сын, с которым вы познакомились, это была я; его сестра — это тоже была я.

Тогда хан сказал ей на это:

— Такой глупой женщины, как ты, я еще не видел! Неужели ты хочешь обмануть меня? Уходи отсюда!..

Дочь визиря вышла, переоделась в то мужское платье, в котором она была на охоте и виделась с ханом, а также переодела в мужское платье людей, с которыми ездила на охоту, и послала сказать хану, что приехал его друг. Хан вышел навстречу и поздоровался. Потом хан сказал гостю:

— Моя коварная жена хочет обмануть меня и выдумывает разные небылицы.

И он рассказал своему другу, что с ним произошло за время приезда его домой.

Гость на это сказал хану:

— Та — ваша жена и есть.

И дочь визиря сняла свое мужское платье. Хан очень удивился, сознался в своей глупости и стал жить с ней.

НАГРАДА МУДРОСТИ

ил когда-то Знаменитый человек, имени которого теперь уже никто не помнит. Славился он своей красавицей дочерью. Многие хотели взять ее в жены, но старик ни за что не желал расставаться с ней.

Однажды девушку похитили. Знаменитого человека охватило отчаяние. Не зная, что предпринять, чтобы найти дочь, он созвал всех своих соседей и сказал:

— Горе мне! Дочь мою похитили. Не найдется ли среди вас смельчак, который бы отыскал и вернул мне дочь?

Но все молчали. И вдруг из толпы раздался голос:

— Мы, здесь сидящие, не в силах помочь тебе. Но я знаю того, кто может это сделать. Недалеко отсюда живет Учитель восьми братьев. Обратись к нему.

Обрадовался Знаменитый человек и тотчас же отправился к Учителю восьми братьев. Тот принял его хорошо и, узнав о его несчастии, молвил:

— Только мои ученики могут тебе помочь.

И он позвал своих учеников. Когда юноши явились, Знаменитый человек обратился к ним с вопросом:

— Что вы умеете делать?

Старший брат сказал:

— Я могу и днем и в самую темную ночь идти по следам любого живого существа.

Второй юноша сказал:

— Я умею видеть любые предметы на самом далеком расстоянии.

Третий юноша сказал:

— Я умею переправляться через моря и реки на своей шапке.

Четвертый юноша сказал:

— Я умею вырывать добычу из когтей хищной птицы так, что она это не сразу заметит.

Пятый юноша сказал:

— Я умею выстрелом из ружья разделять обнявшихся в полете птиц, не причинив им вреда.

Шестой юноша сказал:

— Я умею на лету ловить падающие сверху предметы.

Рассказали о своем умении и последние два брата. Выслушав юношей, Знаменитый человек сказал:

— Найдите мне мою дочь. Тому из вас, кто это сделает, я отдам ее в жены.

Братья охотно отправились на поиски. Старший брат быстро нашел след девушки в лесу, где она гуляла. Все дружно пошли по следу. Но вот след кончился. Вдали раскинулась бескрайняя степь.

Тут проявил свои способности второй юноша. Он быстро оглядел местность на десятки тысяч шагов вокруг. Невдалеке он увидел реку с нависшими над нею скалистыми берегами. По ту сторону реки на скале сидел огромный двуглавый орел, держа в своих когтистых лапах девушку. Братья поспешили к реке. Посредством шапки третьего юноши они переправились на другой берег. Четвертый юноша, незаметно подкравшись к хищнику, высвободил девушку из его страшных когтей и поспешил назад к ожидавшим его братьям. Но едва он спустился со скалы и присоединился к братьям, как орел понял, что его провели. Он взмахнул могучими крыльями, закрыв ими полнеба. Покружив над растерявшимися юношами, он выхватил из их рук девушку и снова взвился высоко-высоко.

Первым опомнился пятый брат. Он вскинул ружье — раздался выстрел. Девушка отделилась от орла и камнем полетела вниз. Но не дремал шестой юноша. Он поймал девушку на лету, не дав ей разбиться об острые скалы.

Орел не желал расставаться со своей добычей. Он снова погнался за братьями. Но седьмой юноша мгновенно выстроил огромную железную крепость. Братья и девушка укрылись за толстыми неприступными стенами. Теперь погоня их не страшила. Но как добраться до аула, где живет Знаменитый человек? Стоит им покинуть крепость, как враг снова настигнет их. Тут выступил вперед самый младший брат и сказал:

— Сейчас мы будем у юрты Знаменитого человека!

И он трижды ударил ногой о землю. В ту же минуту

они оказались перед Знаменитым человеком. Горячо обнимая дочь, он спросил у юношей, кто из них спас девушку.

Юноши сказали, что они все спасали его дочь, что ни один из них без помощи остальных не возвратил бы дочь отцу.

Задумался Знаменитый человек. Ведь он обещал выдать девушку замуж за того, кто ее вернет ему. Кому же отдать предпочтение? Поразмыслив, он сказал:

— Ваши таланты одинаково достойны награды, но ее еще больше достоин Учитель, давший вам мудрость. Поэтому я отдам свою дочь в жены вашему Учителю.

КАРАГЛЫШ

Жили-были пять братьев. Они засеяли полдесятины пшеницы около одного большого дерева. Когда пшеница поспела, братья стали замечать, что кто-то по ночам приходит и ест ее. И вот они стали караулить пшеницу. Первым остался караулить старший брат, но он никого не видел. Затем стали караулить другие три брата, а на пятый день — младший брат, по имени Караглыш.

Когда он караулил, к пшенице слетела с неба черная кобылица и стала ее есть. Караглыш поймал кобылицу. Тогда она вдруг заговорила:

— Пусти меня, Караглыш. У меня есть пять жеребят. Если ты меня отпустишь, то я их всех отдам тебе и твоим братьям.

Караглыш отпустил кобылицу. Она привела жеребят и раздала их братьям. Самого младшего жеребенка отдала Караглышу.

Когда братья пустили жеребят наперегонки, то первым пришел жеребенок Караглыша.

Однажды ехал Караглыш на своем коньке, увидел дым. Подъехал он ближе — а перед ним дом ведьмы. У этой ведьмы было пять дочерей. Караглыш вошел в жилище ведьмы: на полу сидели ее дочери и играли. Увидели они Караглыша и все разбежались. Караглыш спрятался под

ковер. Когда дочери ведьмы вернулись, то он их всех переловил: четырех взял под мышки, пятую — на плечо, сел на коня и ускакал. Но ведьма догнала его и сказала:

— Караглыш, я завтра тебе отдам своих дочерей, а сейчас ты сам у меня заночуй.

Караглыш возвратился к ведьме и отдал ей дочерей. Ночью ведьма поставила Караглышу юрту, принесла постель. Через некоторое время Караглыш вышел и видит, что жеребенок его плачет:

— Ведьма в эту ночь хочет убить тебя и уже пошла в кузницу точить железный зуб.

Выслушал Караглыш своего жеребенка и вернулся в юрту. Со страху он не мог заснуть. Вдруг кто-то подошел. Это была ведьма. Она проверяла, заснул ли Караглыш. И когда увидела, что он еще не спит, сказала.

— Спи, молодец!

Но Караглыш не смог спать.

Через некоторое время ведьма опять подошла к юрте Караглыша, глянула в щель. И когда увидела, что он еще не спит, сказала:

— Спи, молодец!

Так она приходила несколько раз до самого утра, но Караглыш не спал. Тогда ведьма вынуждена было отдать своих дочерей братьям, которые вскоре прибыли к Караглышу. Отдавая дочерей, ведьма сказала:

— Недалеко отсюда есть три горы. Не вздумайте ночевать на средней.

Когда наступил вечер, братья Караглыша расположились на ночлег на средней горе, а сам Караглыш остался ночевать на крайней.

На другой день поутру слышит Караглыш, что братья его плачут, а им кто-то говорит:

— Приведите ко мне Караглыша, тогда я вас отпущу!

Караглыш вошел в юрту братьев и увидел там змея, который не выпускал братьев. Караглыш остался у змея, а братья ушли. Змей и говорит Караглышу:

— У одного сильного царя есть бессмертная дочь, приведи ее ко мне! Приведешь — я тебя отпущу!

Караглыш согласился и отправился в путь. По дороге он встретил человека, который на одну гору надвигал другую. Караглыш спросил его:

— Что ты тут делаешь?

Тот ответил ему:

— Я хочу быть спутником Караглыша и ожидаю его.

Караглыш отправился дальше с этим великаном. Когда они ехали, то их встретил еще один человек, который мог забрать в рот всю воду из озера. Они его тоже взяли с собой. Затем встретили человека, обладавшего прекрасным слухом; потом попался им хороший стрелок и, наконец, бегун. Последний был настолько ловок, что у двух сорок, сидевших на дереве, незаметно менял хвосты.

Все они сели на коня Караглыша и отправились на поиски царевны. Ехали они долго и вдруг увидели две горы: с одной ручьем кровь текла, а с другой — нечистоты. За этими горами расположен был аул того самого царя, у которого была бессмертная дочь. Горы эти состояли из костей тех, кто приходил за царской дочкой и, не достигнув цели, погибал. Караглыш пошел прямо к царю и сказал:

— Я приехал за твоей дочкой!..

— Хорошо,— сказал царь.— Я дам тебе пять поручений. Если ты их выполнишь, то получишь мою дочь, если нет — то я велю тебя убить.

Караглыш согласился на эти условия.

Сначала пустили лошадей наперегонки: и вот оказалось, что первой пришла лошадь Караглыша. Затем устроено было состязание в беге людей. Караглыш пустил своего спутника-бегуна, а царь — какую-то старуху. Старуха эта взяла с собой ведро меду. Дорогой она давала мед своему противнику и таким образом напоила его допьяна. Бегун заснул. Старуха поставила возле него ведро и побежала...

Караглыш велел своему слухачу узнать, сколько человек бежит по дороге. Тот прислушался и говорит:

— Бежит только один человек!

Караглыш велел своему спутнику-стрелку выстрелить в ведро. Тот выстрелил, и бегун проснулся. А когда он увидел, что старуха убежала вперед, взял горсть песку и стал ее догонять. Догнал бегун старуху и говорит:

— А ну-ка, старуха, взгляни сюда!..

И как только она оглянулась в сторону бегуна, то он бросил ей в глаза песку. Она закрыла рукою глаза и не могла бежать дальше. Бегун прибежал первым. Опять победил Караглыш.

Наконец царь велел всем отправиться в железный дом, построенный на горячих углях, и стал дуть со всех сторон мехами. Второй спутник Караглыша набрал в рот воды из

озера. И когда дом стал сильно нагреваться, он выпустил всю воду и таким образом спас всех от гибели.

Царь вынужден был отдать свою дочь Караглышу. Он взял ее и вернулся к змею, а его спутники остались там, где впервые с ним встретились. На прощанье Караглыш предложил им свою одежду, но они отказались, не взяли ее.

Караглыш отдал змею дочь царя, а сам благополучно вернулся к братьям.

ЗОЛОТОЙ НОЖ

старину жил один торговый человек. У него был сын. Как-то раз собрался торговец ехать в город на базар. Сын попросил отца купить для него золотой нож. Отец обещал выполнить просьбу сына.

Приехал купец в город, разыскал самого лучшего мастера и заказал ему сделать золотой нож. Скоро нож был готов. Купец взял его, справил все свои торговые дела и поехал домой. В пути на него напали сорок разбойников. Они убили купца и взяли его имущество. А когда стали делить все между собой, то произошел спор из-за ножа. Нож всем понравился, и никто не желал уступить его другому. Долго они спорили, и наконец один из разбойников сказал:

— Не следует нам ссориться из-за какого-то ножа, по нему нас могут разыскать. Оставим его в груди убитого.

Все согласились с этим охотно. Вонзили золотой нож в грудь убитого купца и разошлись по домам.

Печальная весть дошла до сына. Он тотчас же отправился на поиски и через некоторое время нашел отца. Вытащил он нож из груди отца, а труп его схоронил.

Спустя два года сын купца обеднел и стал заниматься хлебопашеством. В это время в аул приехал наместник хана. Он когда-то был знаком с погибшим купцом. И вот сейчас он решил проведать друга, справиться о его здоровье. В ауле рассказали, что купец умер два года назад, а сын его живет очень плохо и занимается хлебопашеством.

Гость пожелал видеть сына своего друга и отправился к нему. Тот тепло принял наместника, зарезал барана и долго беседовал с ним. Наутро гость стал собираться домой. Сын купца вспомнил про золотой нож и сказал гостю:

— У меня есть золотой нож. Я хочу его подарить вам в память об отце.

И он достал нож. Гость осмотрел внимательно нож и сказал:

— Дам тебе три совета: во-первых, никогда не говори своих тайн жене; во-вторых, никогда ни с кем не спорь; в-третьих, никому не показывай этого ножа.

Купеческий сын обещал помнить эти советы и исполнять их в точности.

Гость уехал. Купеческий сын отправился на бахчи посмотреть, как растут арбузы. Он увидел много арбузов. На каждом стебле росло по два арбуза, что по народным приметам считалось дурным предзнаменованием. Чтоб предотвратить беду, надо по обычаю принести в жертву барана и его мясом угостить соседей.

Вернулся купеческий сын с бахчей, рассказал все жене и собрался на базар за бараном. Но жена остановила его:

— Не торопись на базар, успеешь!..

Жена давно была знакома с одним человеком. Она тайно от мужа встречалась с ним. И теперь все рассказала ему про арбузы и про то, что муж идет на базар за бараном.

— Когда муж появится на базаре,— сказала она,— ты спроси его, зачем он пришел? И когда он расскажет обо всем, ты скажи ему: «Разве у такого человека могут арбузы расти попарно?» Тогда он тебе ответит: если у него выросли арбузы попарно, то ты уступишь ему свою жену. А ты на это скажи: а если не попарно, то ты уступишь свою жену.

После такого сговора любовник отправился на базар. Там он встретил купеческого сына и спросил его, зачем он приехал на базар?

— Хочу купить барана,— сказал сын купца.

— Зачем тебе баран?

— У меня выросли арбузы попарно, и я хочу принести в жертву барана и угостить соседей,— сказал купеческий сын.

— Разве у такого человека могут расти арбузы попарно?— удивился любовник.

— Пойдем посмотрим,— сказал купеческий сын.— Если у меня арбузы уродились попарно, то ты отдашь мне свою жену, а если нет, то я тебе — свою.

Тот согласился, и они отправились на бахчи. А когда пришли, то увидели на каждом стебле только по одному арбузу. И пришлось купеческому сыну уступить свою жену. Жена, конечно, была очень довольна. Это она срезала со стеблей по одному арбузу.

Еще хуже стал жить купеческий сын. Вспомнил он про друга своего отца и пошел к нему за советом. Пришел, рассказал обо всех проделках жены и о своем несчастии. Тот посоветовал силою привести в дом жену и подать жалобу хану.

— Хан пошлет тебя ко мне, а я придумаю, как сделать лучше,— сказал он.

Так купеческий сын и сделал: привел свою жену в аул и подал жалобу хану. Жалоба попала к тому наместнику, который давал ему советы и наставления.

Наместник сказал:

— Я воткну кол, и кто из вас добежит первый до кола и выдернет его, тому будет принадлежать женщина.

А купеческому сыну сказал, пусть он немного приотстанет, и когда его противник подбежит к колу, пусть обнимет свою жену.

Так и случилось: для разрешения спора оба мужа явились к судье — наместнику. Судья воткнул кол и велел спорящим бежать вперегонки. Когда один схватил кол, а другой — женщину, судья прокричал:

— Кто что схватил, пусть тем и владеет!

Купеческий сын должен был взять жену, а его соперник — палку.

СТАРИК И ДЯУ

Жил старик Баяшал со своей старухой. Ловил рыбу и тем питался. Но старик был так бессилен, что даже лиса обижала его: она отнимала у него половину улова.

Как-то раз пришел к нему дяу.

— Что ты за человек?— спросил старик.

Дяу рассказал, кто он такой, и предложил старику попробовать силу, побороться. И если старик окажется сильнее, то получит от него кусок золота с конскую голову и кусок серебра с баранью голову.

— Бороться не стоит,— сказал старик,— при борьбе можно порвать друг на друге одежду.

И Баяшал предложил испробовать силу другим способом. Дяу согласился. Пошли они в лес. Вот старик и говорит великану:

— Давай дергать деревья с корнем! Посмотрим, выдернешь ли?

Стал великан дергать деревья и много повыдергал. Осталась одна большая лесина.

— Ну и эту выдерни,— сказал старик.

Великан попробовал, но выдернуть не смог. Тогда он обратился к старику:

— Если выдернешь это дерево, значит, ты сильнее меня.

Подошел старик к лесине и стал щупать корни.

— Что ты делаешь?— спросил дяу.

— А вот смотрю, глубоко ли в землю ушли корни у этой лесины,— ответил старик.

Баяшал пощупал корни, порыл землю около них и говорит:

— Далеко ушли корни — через семь почв. Около корней много животных и насекомых живет. Если я выдерну эту лесину, то всех придется потревожить. А если это дерево свалится, то или солнцу, или луне глаза может выбить. Если луне глаза выбьет, то по ночам будет темно — и воровство на земле усилится, а если солнцу глаза вышибет, то вечная тьма настанет.

Выслушал великан старика и сказал, что нехорошо, если ночи станут безлунными, а солнечный свет исчезнет.

— Ну, в таком случае давай иначе силу попробуем,— сказал старик.— Вот посмотрим, кто из нас воду из камня выдавит.

Дяу согласился. Тогда старик взял незаметно в одну руку яйцо и камень и сжал изо всей силы. Яйцо раздавилось, и великан подумал, что это из камня потекла вода.

Затем дяу взял камень и стал давить, но сколько ни давил, воды не было.

— А теперь,— сказал Баяшал,— кто из земли кишки выдавит?

У старика оставались бараньи кишки, он их зарыл в землю. На это место и привел он дяу, говоря, что здесь брюхо земли находится. Стал Баяшал топтать землю и вытащил кишки. Великан был удивлен: такой силы он никогда не видал. Затем сам стал давить землю ногами, но кишок не было. И пришлось ему тогда признать, что старик сильнее его. Дал он старику кусок золота величиной с конскую голову и кусок серебра величиной с баранью голову. Баяшал не смог унести домой золото и серебро и опять пустился на хитрость:

— Если я принесу золото и серебро домой сам, то, пожалуй, могут сказать, что я украл его. Если уж ты хочешь сделать мне подарок, то дари мне золото и серебро, когда мы придем домой.

Согласился великан. Вот пришли они в юрту. Старик сказал старухе:

— Ну-ка, старуха, вари мясо.

— Что ты,— сказала старуха,— ведь ты сам знаешь, что у нас нет ничего.

— Как нет ничего?— удивился Баяшал.— А положи-ка в казан голову вчерашнего великана и грудинку тогдашнего. Но если будет мало, то положи и вот этого всего.

Как услыхал дяу этот разговор, испугался, бросил золото и серебро и бросился бежать из юрты, да так быстро, что унес на плечах двери от юрты. Бежит он, а навстречу ему лиса.

— От кого ты так бежишь?— спрашивает лиса дяу.

Тот рассказал ей, что старуха и старик хотели его сварить. Засмеялась лиса: какая у старика сила, если она отбирает у него половину улова. Великан не поверил лисе. Тогда лиса сказала ему:

— Не веришь, пойдем! Я покажу тебе. Держись за мой хвост, чтобы не отстать.

Согласился дяу. Ухватил он лису за хвост, и они пошли к старику. Увидала их старуха и говорит:

— Ойбой, старик, конец нам пришел! Лиса ведет дяу к нам в юрту. Что делать?

— Ничего,— говорит старик,— сейчас что-нибудь придумаем.

Вышел он из юрты и закричал громко:

— А-а! Ты, лиса, в первый раз заплатила долг великаном и теперь великана привела! Хорошо!..

И старик побежал к дяу. Тот испугался, поднял лису за

хвост и стал размахивать ею, защищаясь от старика. И так он размозжил лисе голову, что из нее дух вон. А сам великан убежал.

ЖИГИТ И БОГАЧ

В давние времена жили старик со старухой. У них было три сына и пять коз. Вот старший сын решил отправиться в чужие края на промысел да поучиться различным ремеслам. Зарезал он одну козу, забрал все мясо с собой в дорогу, не оставив родителям ни кусочка, и пошел. Шел он, шел — пришел к одному богатому ремесленнику и нанялся к нему в работники.

Богач этот был злым человеком. Он обманом заставил жигита лечь в сундук, где и уморил его голодом.

Средний сын старика также решил отправиться по той же самой дороге, по которой ушел старший брат. Он также зарезал козу, взял все мясо и ушел от родителей. И с ним случилось то же, что и со старшим: богач уморил его голодной смертью.

Настала очередь младшего сына. Он также решил учиться различным ремеслам на чужой стороне. Зарезал он козу, половину мяса оставил родителям, а другую половину взял себе на дорогу. Навалил он на спину ношу и с родительского благословения отправился в путь.

Идет он дорогой, и вот навстречу ему попадается большое стадо баранов. Поговорил жигит с пастухом и узнал, что бараны эти принадлежат богачу-ремесленнику. Пастух спросил жигита:

— Сынок, куда ты путь держишь?

— Иду, дедушка, учиться разным ремеслам,— ответил ему жигит.

— Смотри, сынок,— сказал пастух,— никому не говори об этом. Есть пословица: «Себя не обманывай, другим не открывай своей тайны...».

Распрощался жигит с пастухом и пошел дальше. На ночлег он остановился в доме богача-ремесленника. Пере-

ночевал юноша, стал утром собираться в путь. Спрашивает его богач:

— А куда ты, жигит, путь держишь?

— Да вот ищу такого человека, у которого, подобно тебе, нет сына, я бы хотел ему заменить его.

Тогда богач:

— Что же, оставайся у меня, будь моим сыном. Выбери большого белого барана, зарежь его и поешь мяса с берцовой кости. А я отправлюсь в путь.

С этими словами бай уехал. А жигит остался дома за сына.

У богатого ремесленника была дочка. Она увидела жигита и сказала ему:

— Брат мой! Не ешь берцовой кости, а повесь ее на решетку. Когда подойдет к ней белая гончая собака и бросится на нее, ты ударь ее топором и убей.

Зарезал жигит большого белого барана, устроил той, пригласил соседей. Мясо от берцовой кости он повесил на решетку. Подбежала к решетке белая гончая собака, схватила мясо. Жигит тут же бросил в нее топором, но промахнулся. Собака убежала.

Вернулся богач. Он знал, что жигит не выполнил его наказа. Гончая белая собака — это был сам богач. Рассердился хозяин на своего приемного сына и запер его в сундук. Он решил его уморить голодною смертью, как уморил братьев жигита. Дочь богача видела все это и решила тайно от отца кормить жигита через проделанное в дне сундука отверстие.

Спустя несколько дней приходит к богатому ремесленнику отец жигита и спрашивает:

— Не было ли здесь моего сына? Не видели ли вы его?

— Нет, не видел,— сказал богач.

Разговор этот слышал жигит. Он закричал из сундука:

— Неправда! Я здесь!..

Старик по голосу узнал своего сына, открыл сундук, взял его и увел из дома богача.

Идут они по дороге, сын и говорит отцу:

— Я превращусь в большого черного барана, а ты поведи меня на базар и продай за хорошую цену, только веревку не отдавай.

Отец согласился. Сын превратился в большого черного барана, а отец повел его на базар и продал там.

А сын превратился в человека и пришел к отцу.

— Теперь я сделаюсь вороным конем,— сказал он.— Ты поведи меня на базар и продай, но только захвати назад чембур.

Сказано — сделано. Сын стал вороным иноходцем, отец повел его на базар, продал там за хорошую цену и, захватив чембур, вернулся домой.

Через день сын вернулся домой.

— Теперь я сделаюсь верблюжонком,— сказал он,— вместо веревки у меня будет цепь. Ты поведи меня на базар, продай, а цепь возьми обратно.

Превратился жигит в верблюжонка, и отец повел его на базар. Дорогой встретился ему богатый ремесленник, который узнал о проделках жигита. Он купил у старика верблюжонка за сто рублей. Старик отдал верблюжонка, забыв снять с него цепь.

Богач привел верблюжонка домой, дал дочке своей подержать повод, а сам пошел за ножом, чтоб зарезать верблюжонка. Но дочка быстро разгадала намерения своего отца, сняла цепь и выпустила верблюжонка на свободу. Верблюжонок убежал. Богач бросился за ним в погоню. Тогда жигит превратился в лису, а богач — в гончую собаку и стал преследовать лису. Жигит превратился в утку, а богач — в ястреба; из утки жигит превратился в жаворонка, а богач в пустельгу. Наконец жаворонок не выдержал преследования, сел на круг юрты и превратился в тряпку. Тут богач обратился в человека и только было хотел схватить тряпку, как она быстро превратилась в просяное зерно, а богач — в петуха. И только петух собрался склевать это зерно, оно превратилось в кошку. Кошка прыгнула на петуха и загрызла его.

Расправившись с богатым ремесленником, жигит вернулся в юрту и женился на дочке злого колдуна.

ДУЙСЕН И ДЯУ

ил некогда жигит Дуйсен. Он пас своих коз. Однажды Дуйсен отправился с козами в степь, намаялся, устал и уснул подле стада. Пробегали мимо волки и угнали все стадо. Когда Дуйсен проснулся, то не нашел ни одной

козы. Загоревал он: что делать? Подумал и решил идти куда глаза глядят. Долго он скитался по степи и напал на след дяу. Страшно испугался Дуйсен, но делать нечего: придется встретиться с дяу. Вот и дяу. Подошел Дуйсен к великану. Дяу ласково обошелся с ним и пригласил к себе в юрту. Как только Дуйсен вошел в юрту, дяу набросился на него и связал. Огляделся Дуйсен и увидел много таких же связанных, как он.

Дяу откармливал своих пленников, чтобы потом зарезать их и съесть. Каждое утро дяу съедал одного из связанных и уходил в степь.

Однажды дяу рано ушел в степь и долго не возвращался. А когда вернулся, то крепко заснул. Дуйсен высвободил кое-как руки и, раскалив проволоку, выжег дяу глаза. Взревел дяу, вышел из юрты, сел на край колодца. Дуйсен подошел к нему незаметно и столкнул в колодец.

Расправившись с дяу, Дуйсен вернулся в юрту, развязал пленников и отпустил всех по домам. Все богатство дяу он взял себе и отправился к своим родным. Когда он пришел, то узнал, что за время его скитаний по степи умер отец. Забрал Дуйсен мать-старуху, братьев и вернулся в юрту дяу. Поселился в ней.

Не сказал Дуйсен никому про свою расправу с дяу, но просил не подходить к колодцу.

Однажды мать Дуйсена, разбираемая женским любопытством, не выдержала и подошла к колодцу. Дяу увидал старуху и попросил принести длинную веревку, по которой он мог бы выбраться из колодца. Принесла старуха веревку и вытащила дяу. Она привела его в юрту, накормила и спрятала. Детям ничего не сказала, боясь гнева Дуйсена.

Так прошло много времени. У старухи родился сын. Детей в это время не было дома. Мать завернула ребенка в лохмотья и положила на той дороге, по которой обычно дети возвращались домой. Идут вечером Дуйсен с братьями и видят на дороге ребенка. Взяли они его, принесли к матери. Та приняла ребенка и стала кормить его.

Шло время. Мальчик быстро рос. Он полюбил своих братьев. Когда ему исполнилось четыре года, он однажды услышал, что старуха и дяу собираются убить его братьев. Матери надоело постоянно прятать дяу от своих детей. Мальчик выбежал из юрты и сел на дороге, по которой братья всегда возвращались домой. Братья встретили мальчика, взяли его на руки и пошли вместе с ним. Мальчик

дорогой рассказал им, что в юрте живет какой-то страшный великан, которого старуха прячет перед их приходом, и что этот великан со старухой задумали отравить братьев, подсыпав яд в кислое молоко.

— Вы не пейте этого молока,— сказал мальчик,— а дайте мне, и я разолью его.

Братья так и сделали. Когда мать поставила на стол молоко, мальчик разлил его. Старуха страшно рассердилась и стала бить мальчика. Дуйсен заступился за брата. Дяу не выдержал, выскочил из своего убежища и повалил Дуйсена. Он хотел зарезать его и попросил у старухи нож. Но мальчик опередил старуху, схватил нож и воткнул его в грудь дяу. Великан свалился набок. Дуйсен высвободился из-под дяу и зарезал его. Убил он и злую старуху. Освободились братья от дяу и злой старухи и зажили спокойно.

ЕРМАГАМБЕТ

В давние времена жил один богатый казах. Детей у него не было.

Как-то раз хан отдавал свою дочь замуж и по этому поводу устроил большой той. На этот той он пригласил только семейных. Бездетным не велено было приезжать на праздник.

Вот стали съезжаться гости. Приехал на празднество и казах, у которого не было детей. Привез он с собой много кумыса, на семи верблюдах. Но хан не впустил его. Разгневанный казах вылил весь кумыс на землю и вернулся домой.

Дома он зарезал вола, принес его в жертву аллаху, а сам отправился со своей женой искать себе детей. К вечеру они остановились возле могилы и заночевали. Во сне жена увидела какого-то человека, и тот спросил ее: сколько она желает иметь детей — сто или одного. Она ответила, что довольно было бы и одного. Утром она рассказала сон мужу.

Вернулись супруги домой, и через месяц жена родила сына. Назвали его Ермагамбетом.

Быстро рос Ермагамбет. На шестом году он уже охотился на диких зверей. Однажды он возвращался с охоты домой вместе со своими товарищами. Встретился им один человек и сказал Ермагамбету:

— У твоей матери родилась дочь. Но родители хотят убить ее.

Ермагамбет быстро погнал своего иноходца в аул. Приехал домой, вошел в кибитку и попросил разрешения у родителей посмотреть на сестру. Ермагамбет взял сестру, вскочил на коня и скрылся в степи.

Стали они жить вдвоем. Брат занимался охотою, а девочка быстро росла и превращалась в красавицу.

Однажды девушка пошла по воду и увидела плавающее бревно. Она решила написать записку и вложить в середину бревна. Написала она так: «Я очень красивая девушка. Возле меня нет никого, кроме брата». Оттолкнула она это бревно, и оно поплыло дальше.

Долго плавало бревно и наконец подплыло к берегу. В это время одна казашка мыла белье и увидела бревно.

— Ну-ка вытащу бревно,— сказала она,— пригодится на дрова.

Вытащила она бревно, принесла его домой, и когда стала колоть дрова, из него выпала записка. Взяла она записку и пошла к грамотею. Грамотей прочел ее и оставил у себя, а на другой день доставил записку хану. Хан прочитал записку и отправился на поиски красивой девушки, захватив с собой свиту слуг. В степи они встретили Ермагамбета. Хан спросил его:

— Если это твоя сестра, то согласен ли ты добровольно отдать ее мне в жены? Или ты хочешь, чтоб я взял ее силою?

Ермагамбет рассердился на хана, побил его вместе со свитой и отправился в свою юрту. А когда приехал, то сразу же заснул крепко.

Увидала сестра, что брат ее спит, взяла иноходца и отправилась на нем в степь прогуляться. Поднявшись в гору, девушка увидела много убитых. Решила она осмотреть всех: нет ли среди них живого. Нашла одного. Девушка привезла его в юрту и спрятала в сундук. Этот человек оказался самим ханом. Когда брат уезжал на охоту, она выпускала хана, разговаривала с ним.

Девушка понравилась хану, да и хан полюбился краса-

вице. Решили они извести Ермагамбета. Но как? Думали, думали, девушка и говорит:

— Я притворюсь больной и буду просить брата отправиться в чужие края за знахарем.

Вернулся как-то брат с охоты. Девушка легла в постель, притворившись больной.

— Слушай, брат,— сказала она.— Где-то есть человек, который умеет лечить. Съезди, привези его ко мне, больна я.

Жалко стало Ермагамбету сестру. Распростился он с ней и отправился в дальний путь.

Разъезжая повсюду, Ермагамбет натолкнулся на бедную юрту. Жила в ней старуха. Она спросила жигита, куда он путь держит. А когда узнала, то стала отговаривать его. Но Ермагамбет настоял на своем и попросил старуху указать ему дорогу к знахарю. Старуха согласилась и сказала:

— Дверь, что ведет к этому знахарю, отворяется ровно в полдень; в это время только и можно его захватить.

Ермагамбет так и сделал: ровно в полдень он подошел к двери и, захватив с собой знахаря, вернулся к старухе. Переночевал у нее. Во время сна старуха заменила знахаря простым человеком. Ермагамбет не заметил этого. Утром он отправился к сестре. Вошел в юрту, видит, сестра здорова.

Брат снова стал охотиться, а сестра и хан все придумывали, как бы его погубить. Вот как-то она и говорит хану:

— Когда брат вернется, я приглашу его играть. Я свяжу ему руки, а ты в это время убьешь его.

Вернулся брат. Сестра пригласила его играть. Он согласился. Девушка связывала ему руки, но он легко их развязывал. Наконец сестра стала выпытывать у него: чем можно его связать, чтоб он не смог развязать рук. Ермагамбет сказал, что есть у него ремень из тигровой шкуры. Сестра быстро достала этот ремень, связала брату руки и дала хану меч:

— Теперь ты можешь его убить!..

Но хан перепугался и не смог выполнить ее просьбу. Тогда она сама решила это сделать. Но брат сказал ей:

— Можешь меня убить, сестра, но об одном прошу тебя: когда ты убьешь меня, тело мое сложи в мешок, привяжи этот мешок к седлу моей лошади и пусти ее в степь.

Так она и сделала, как просил брат. Лошадь ушла в степь и прибежала к той старухе, которая подменила Ермагамбету знахаря. Разными средствами старуха оживила

Ермагамбета. Он поблагодарил ее и отправился к сестре. Застал он ее с ханом. Убил Ермагамбет сестру, а хана привез в аул к отцу.

Обрадовался отец возвращению сына, устроил той, а хана убил за то, что он не пустил его на свадьбу своей дочери.

МУДРАЯ ДЕВУШКА

авно когда-то в степи жил богатый казах Едельбай. У него было три сына. Двух старших он женил. Пришла очередь младшего, Жандаулета.

Для самостоятельной жизни нужны сообразительность и изворотливость. Чтобы испытать сына, Едельбай приказал ему погнать на базар сорок козлов и, не продавая этих козлов, купить сорок аршин ситца. Долго думал Жандаулет, а решить задачу отца не смог. Добравшись до города, он попросился к одному казаху-бедняку на ночлег. Во время ужина он с сокрушением рассказал о задаче отца. Дочь хозяина, красивая девушка, выслушав его, сказала:

— Решить задачу очень легко. Нужно снять с козлов рога, продать их и купить ситцу.

Жандаулет так и поступил. Но отец не поверил, что сын сам решил задачу, и допытался, как было дело. Едельбай не постоял за калымом и женил сына на мудрой девушке, считая, что глупому мужу нужна мудрая жена.

Через некоторое время Едельбай отправился в город. Он спросил перед поездкой снох: кому что купить?

Старшая просила купить ей сундук с зеркальными стенками внутри, средняя — ковер с красивым узором, а младшая сказала:

— Мне подарков не надо. Об одном прошу — возьми эту сумку и, не рассматривая, что в ней находится, привези обратно.

Удивился Едельбай, но все же взял сумку снохи. На обратном пути он очень заинтересовался этой сумкой, но когда увидел в ней обглоданные локтевые кости овец, шиб-

ко рассердился на младшую сноху и разбросал кости по степи. Сейчас же на Едельбая напали разбойники. Едельбай предложил им выкуп: шестьдесят старых верблюдов и семьдесят молодых. Разбойники согласились освободить Едельбая и вернуть ему караван.

И вот когда разбойники отправились в аул за верблюдами, то их предводитель спросил Едельбая:

— Мы давно за вами следим, но вас было сорок один человек, и справиться было невозможно. Скажи, пожалуйста, куда девались сорок человек?

Тут только Едельбай понял, что кости в сумке были волшебными. Когда разбойники явились в аул за выкупом, младшая сноха разгадала намек Едельбая на молодых и старых верблюдов. Она позвала к себе шестьдесят аксакалов, и они решили не давать разбойникам выкупа, а на выручку Едельбая послать семьдесят лучших молодых джигитов.

Так, благодаря мудрости девушки, Едельбай был выручен, а разбойники перебиты.

КАРАЖАЙ

Жил-был казах. У него было два сына. Младшего звали Каражай. Он был батыром. Отец заказал для него у лучшего кузнеца оружие. Хорошее это было оружие, и отец заплатил за него большую цену.

Однажды отец послал своего младшего сына отыскать место для новой стоянки, куда бы они могли перекочевать со своими стадами.

Каражай отправился в степь. Долго он шел, и вот показалось вдали озеро. Он подошел ближе и увидел, что место это очень удобно для стоянки: много хорошей травы и вода подле. Подъехал Каражай к самому озеру и видит: стоит на берегу какая-то старушонка. Подошел к ней. Старуха и говорит ему:

— Не перекочевывай сюда. Если перекочуешь, то я возьму или тебя, или белую верблюдицу.

Эта старуха была мыстан.

Ничего на это не ответил ей Каражай и вернулся домой.

— Ну что, нашел?— спросил отец.

— Нашел,— сказал сын и рассказал подробно о новом месте, утаив лишь разговор со старухой.

Скоро юрты были сложены, и все отправились в путь. Приехали на место. Отец заметил, что Каражай проехал озеро и остановился далеко от воды. Не понравилось ему это.

— Разве ты не мог найти места рядом с озером. Посмотри, как там хорошо,— сказал отец.

Сын рассказал про свой разговор со старухой. Отец не послушал сына и поставил юрты возле озера.

В эту же ночь пропала белая верблюдица. Загоревал отец Каражая. Взял он оружие сына и отправился искать верблюдицу. Несколько дней ездил он по степи, но все напрасно. Вернулся домой. Переночевал одну ночь дома и снова отправился на поиски. Далеко отъехал старик от своих кибиток и вдруг видит — из ямы торчат горбы белой верблюдицы. Подошел он к ней, а рядом сидит старуха и держит верблюдицу за повод.

— Отдай мою верблюдицу,— сказал отец Каражая.

— Не отдам,— сказала мыстан.

— Возьми за эту верблюдицу самого лучшего верблюда,— говорит отец Каражая.

— Нет, мне не надо другого верблюда,— ответила ему на это старуха.

— Возьми весь мой скот,— умолял ее отец Каражая,— только верни мне белую верблюдицу.

И на это не согласилась мыстан. Тогда отец Каражая сказал:

— Если ты не хочешь весь мой скот за одного верблюда, то возьми моего любимого сына.

— Хорошо,— сказала старуха,— я согласна, но как же ты мне его отдашь?

— Я оставлю тебе его оружие, а сам перекочую на другое место. Сын мой вспомнит про оружие и придет за ним сюда. Тогда ты и схватишь его.

Старуха отдала белую верблюдицу. Отец Каражая вернулся домой, торопливо сложил юрты, навьючил все богатство и откочевал на новые места.

На новом месте сын вспомнил про свое оружие и стал спрашивать отца, где оно.

— Ах, сынок,— сказал отец,— твое оружие отобрала у

меня какая-то старуха, когда я искал верблюдицу. Она хотела меня зарезать, и я откупился твоим оружием.

Недолго раздумывая, сын быстро собрался и пошел искать старуху. Нашел он ее и потребовал свое оружие. Не дает старуха оружия. Два дня упрашивал Каражай старуху вернуть ему оружие, но та и не думала отдавать. Проголодался Каражай. Стал просить он оружие поохотиться, чтоб не умереть с голоду. Сжалилась старуха. Пошел Каражай на охоту. Убил он несколько зайцев, уток и вернулся обратно. Старуха стала ласковее с ним.

Через несколько дней Каражай снова отправился на охоту. Старуха дала ему оружие, но просила не охотиться на белой горе с тремя выступами.

— Ты не подходи даже близко к этой горе,— сказала она.— Там живут разбойники, и они убьют тебя.

На горе на той жили сыновья старухи — дяу. Каражай не послушался старухи и пошел к белой горе. Увидела это старуха и пошла за ним по пятам.

— Не подходи к горе, остановись!— услыхал вдруг Каражай голос из недр горы.

Но он не испугался и подошел ближе к горе. И вдруг видит, идет ему навстречу дяу.

— Ты зачем сюда пришел?— спросил дяу Каражая.— Воевать будешь со мной или только бороться?

— Давай бороться,— сказал Каражай.

Стали бороться. Каражай сразу же поборол великана: повалил и зарезал.

Подошел Каражай ко второму выступу и опять увидел дяу. Опять они стали бороться. И этого Каражай поборол и зарезал. Так он поступил и с третьим сыном старухи.

Увидала мыстан это и набросилась на Каражая. Завязалась борьба. Долго боролись они, и старуха не выдержала: убил ее Каражай.

Забрал Каражай свое оружие и отправился домой. Отец на радостях устроил большой той.

НАХОДЧИВОСТЬ ДЕВУШКИ

В прежние времена жил один богатый казах. Было у него двое детей: сын и дочь. Как-то он сказал сыну:

— Дитя мое, когда ты вырастешь большим, женись по собственному выбору. Жену бери из девушек.

Вот настало время жениться сыну, и он отправился по аулам разыскивать себе жену. Отыскал он одну женщину и явился к отцу.

— Вот я нашел себе невесту,— сказал он.

— Женщину или девушку?— спросил отец.

— Женщину,— ответил сын.

— Нет, не бери ее, возьми лучше девушку,— сказал отец.

Опять пошел искать сын невесту, и опять ему полюбилась женщина.

Отец опять стал возражать:

— Нет, не бери женщину.

Опять сын пошел искать невесту. Через некоторое время вернулся к отцу.

— Ну что же, нашел невесту?— спросил отец.

— Найти-то нашел, но опять женщина,— сказал сын.

— Ну что ж, женись,— смирился отец.

Сын женился.

Как-то богач заболел. Позвал он сноху и сказал ей:

— Слушай, сноха, у меня есть большое наследство для вас. Я никому об этом не говорил: ни сыну, ни дочери. Когда они будут в нужде, ты выдай им это богатство...

Богач указал на порог юрты.

— Там вы найдете зарытое состояние.

Сказал он это и умер.

А сноха не будь плоха. Она не сказала никому об этом наследстве. Где-то на стороне сблизилась она с одним человеком, достала наследство и обогатила этого человека.

Потом ей захотелось избавиться от мужа, и она послала его на базар с кладью.

Тот взял кладь и поехал в город. Там он узнал, что хан любит одну игру, и пошел к нему. Игра хана заключалась в следующем: он брал деньги, завязывал их

в узелок, а потом, поставив кошке на хвост свечу, пускал ее. Кошка бросалась бежать. Проигрывал тот, в чью сторону падала свеча.

Стал хан играть с пришельцем. Как только хан пустил кошку, свеча отлетела, а кошка побежала в сторону хана.

Таким путем он проиграл всю свою кладь, а потом и самого себя.

Узнала об этом его жена. Решила она извести и сестру мужа и послала ее в город. Но девушка была умная. Она узнала о проигрыше брата и решила перехитрить хана. Поймала она мышонка и отправилась в город. Пришла к хану, вызвалась играть с ним. Хан согласился. Как только он пустил кошку, девушка показала ей в рукаве мышонка. Кошка бросилась в ее сторону, свеча повалилась в сторону хана. Играли еще и еще раз. Хан проиграл не только свое состояние, придворных, но и самого себя.

Взяла девушка хана и поехала с ним домой. Подданные хана стали упрашивать ее вернуть им хана, уступить его за выкуп. Девушка ответила, что за выкуп не отдаст его, а пусть они вернут ей того человека, которого обыграл хан.

Подданные обрадовались и привели девушке ее брата. Девушка вернула им хана.

ЗОЛОТОВОЛОСЫЙ ТОТАМБАЙ

старину жил один бедный человек. У него было девять сыновей и одна дочь. Старшие братья ничем не выделялись, а у младшего были золотые волосы. Звали его Тотамбай. Была у них на всех одна кобылица. Жеребилась она каждый год, но каждый раз спускалось с неба черное облако и похищало жеребенка. Братья караулили поочередно, но ничего не смогли сделать.

Настала очередь караулить жеребенка младшему брату. Пошел он в степь за кобылицею и ждет, когда появится черное облако. К утру Тотамбай задремал, но был разбужен каким-то шумом: с неба спускалось черное обла-

ко. Тотамбай выстрелил в это облако. Облако задрожало, и из него что-то выпало на землю. Это оказался женский палец. Когда Тотамбай пришел домой, то увидел, что у сестры не хватает одного пальца. Тотамбай сделал вид, что не заметил ничего, а когда пришли братья, он им сказал, что сестра их колдунья. Братья не поверили и выгнали младшего брата из дому.

Тотамбай ушел в соседнее ханство и нанялся там в пастухи. Каждый раз, когда он пригонял стадо к реке на водопой, там купались дочери хана. Так случалось несколько дней. Младшая дочь заметила золотоволосого пастуха и влюбилась в него.

Старшие дочери вышли замуж за богатых и знатных. Много калыма получил за них отец. Младшая дочь выбрала себе пастуха, но отец не дал согласия. Дочь вышла замуж против воли отца и ничего от него не получила: в чем была, в том и пошла.

Живет Тотамбай с женой год, живет два... Хан не желает видеть своего бедного зятя. Но вот однажды хан заболел. В разные концы были посланы гонцы за знахарями и колдунами. Много наехало их. День и ночь они ворожили и гадали, призывали покорных им нечистых духов, но ничего не могли сделать — хан не поправлялся. Наконец один из них сказал хану, что он может поправиться, если поест мяса дикой козы. Позвал хан своих любимых дочерей с мужьями и сказал им, чтоб они достали ему мясо дикой козы. Собрались зятья на охоту. Попросился и Тотамбай, но хан посмеялся над ним. Тотамбай повторил свою просьбу, и хан дал ему лошадь, но самую захудалую.

Тотамбай вскоре убил несколько коз, а зятья хана ни одной. Стыдно им было, и они стали просить Тотамбая, чтоб он уступил коз им. Тотамбай согласился, но при одном условии: поставить каждому на спине тавро. Они согласились.

Вернулись охотники во дворец. Хан был доволен. Сварили мясо и накормили им хана. Он быстро поправился. Любимые зятья были награждены.

Однажды хан опять позвал своих любимцев и сказал им:

— У меня было пять дочерей, а осталось только три. Две дочери были украдены страшными великанами — дяу. Прошу вас отыскать и освободить их. За это вы получите все мое богатство.

Любимые зятья хана согласились выполнить просьбу хана и отправились искать дяу. Не отстал от них и Тотамбай. Долго они ехали пустынными местами, утомились и решили отдохнуть. Тотамбай легко вынес все эти трудности, он не остановился на пути, а продолжал ехать дальше.

Едет Тотамбай да посматривает. Вдруг он видит, стоят пять белых юрт. Подъехал Тотамбай, остановился. Зашел в первую юрту жигит и видит: сидит женщина. Она спросила Тотамбая, кто он, откуда? Рассказал Тотамбай обо всем. Тогда женщина и сказала, что она и есть дочь хана, а сестра ее живет в соседней юрте. Вскоре вернулись дяу и вступили с Тотамбаем в поединок. Долго они бились, наконец Тотамбай убил дяу. Сестры стали благодарить своего избавителя. Затем они собрались и отправились с Тотамбаем к отцу.

На обратном пути Тотамбаю встретились любимцы хана, усталые, голодные. Тотамбай накормил их и пригласил отдохнуть с ним. Они согласились. Тотамбай обыкновенно спал сорок дней и сорок ночей. И пока он спал, зятья хана забрали женщин и уехали вперед, чтоб получить от хана обещанное.

Хан сдержал свое слово. Он был рад возвращению дочерей, устроил той, отдал все свое богатство зятьям. Про Тотамбая зятья сказали, что он умер в дороге.

Той продолжался сорок дней, и к концу тоя вернулся Тотамбай. Он рассказал хану, как убил диких коз, дяу и что его любимцы ничего не сделали. Хан не поверил. Тогда Тотамбай назвал его любимцев хвастунами и попросил хана, чтоб он заставил их раздеться и посмотрел под рубашками тавро. Хан так и сделал. И когда он убедился в правоте Тотамбая, то прогнал обманщиков от себя, а богатство передал Тотамбаю.

ЗЕНГИ-БАБА

обр был к людям Зенги-баба, покровитель рогатого скота. Многие хитрецы в былые времена пользовались из корысти его простотой и щедростью. Ведь если Зенги-баба на кого взглянет, тот сразу сделается богачом. Вот и лезли к нему на глаза толпами без всякой совести разные проходимцы. Зенги-баба рассердился наконец и стал отворачиваться при приближении людей.

Жил на свете бедняк. Только и было у него скота, что единственный верблюд. Захотелось бедняку хорошей жизни. Стал он думать, как заставить Зенги-баба хоть разок поглядеть на него. И придумал. Заколол он последнего верблюда, снял с него шкуру, набил ее сеном, взвалил чучело на спину и начал кружить по степи.

Увидели его люди и закричали:

— Смотрите-ка, какое чудо: человек верблюда несет!

Услышал это Зенги-баба, и разобрало его любопытство: как так, неужто и вправду человек поднял верблюда? Не стерпел старик, глянул на бедняка. А тому того и надо. Ушел он из дому с верблюжьим чучелом, а вернулся с целым стадом коров.

РАЗУМ, НАУКА И СЧАСТЬЕ

азум, Наука и Счастье поспорили между собой: кто из них лучше, кто сильнее? Решить сами они не смогли и пошли к биям, чтоб те их рассудили.

Бии сказали так, обращаясь к Счастью:

— Ты, Счастье, изменчиво и неразборчиво, часто появляешься там, где не надо; осчастливишь человека, заставишь его волноваться, страдать, а потом покинешь. Познакомься лучше с Разумом, будешь долго жить.

— А ты, Наука,— сказали бии,— сильна во всем мире. Ты можешь заставить черный камень расплавиться, сверкать на весь мир, иногда делаешь что-то из ничего, многое превращаешь в ничто. Ты можешь и создавать и разрушать. Познакомься и ты с Разумом, тогда долго проживешь в почете.

Разуму судьи сказали:

— Нет в мире лучшего друга у человека, чем ты. Но когда человек в гневе, ты появляешься и исчезаешь, уступив место злу. Возвращаешься лишь тогда, когда зло уже сделало свое дело. Ты принимаешься исправлять его ошибки, но не всегда тебе удается это сделать. Если бы ты с самого начала не покидал человека, то зло не заняло бы твоего места.

Обращаясь ко всем, судьи сказали так:

— Ты, Разум, будь человеком, ты. Наука, будь конем, а ты, Счастье,— кнутом. И если вы объединитесь, то всем будет хорошо.

ЖЕЗТЫРНАКИ, ПЕРИ И МАМАЙ

В давно прошедшие времена три жигита отправились в далекий путь. В дороге они встретили пастуха.

— Чей это аул видиеется вдали? — спросили они.

— Это аул батыра Мамая,— ответил пастух.

Жигиты поехали дальше и встретили другого пастуха. Опять спросили:

— Чей это аул?

— Это аул батыра Мамая,— ответил пастух.

Так они спрашивали девять пастухов в девяти аулах и получали один и тот же ответ: «Это аул батыра Мамая». К вечеру жигиты добрались до десятого аула. Они слезли с коней и подошли к белой юрте на краю аула. Возле юрты стоял молодой казах. Они спросили его:

— Чей это аул и можно ли здесь переночевать?

— Это аул батыра Мамая,— ответил жигит. — Пойду спрошу аксакала: разрешит ли он вам остановиться.

Путники удивились: кто же такой батыр Мамай? Один это человек или целое селение так называется? Но вот возвратился жигит и сказал, что батыр Мамай разрешает им остановиться на ночлег. Жигиты вошли в юрту, поздоровались по обычаю. Пол юрты был устлан стегаными одеялами, на них лежали подушки. А на подушках сидел бледный старик с длинной седой бородою.

Он заметил гостей и сказал:

— Проходите, проходите ближе!

Гости прошли и сели на почетное место. Когда они сели, старик спросил:

— О жигиты, что в мире нового?

Гости ответили ему:

— А в пути то новое, что мы проехали девять аулов и приехали в десятый. Всюду нам отвечали, что это аул батыра Мамая. Скажите: этот батыр Мамай один человек или так называется все население?

Тогда старик сказал, обращаясь к старухе:

— Эй, байбише, постели мое одеяло поближе к гостям. Хочу рассказать им свою историю.

Байбише исполнила просьбу старика, и тот, сев поближе к гостям, начал свой рассказ.

— Эх, дети мои! — сказал он. — Я и есть тот батыр Мамай, о котором вы слышали. В девяти аулах — мои сыновья... Я расскажу вам о своей мечте. Посмотрим, что вы скажете о ней. Среди девяти сыновей,— начал он свой рассказ,— у меня была единственная дочь Бикеш. И первая моя мечта — это если б дочь моя была мужчиной, а сыновья женщинами.

— Почему вы так говорите, аксакал? — спросили жигиты.

Тогда Мамай продолжил свой рассказ:

— Когда-то мой дед и отец ушли охотиться в Ушарал и не вернулись. Они бесследно исчезли. Я рос один. И вот, когда я вырос, я подумал: дед и отец погибли на Ушарале. Почему? Что там за чудовища обитают? Поеду-ка туда и все разузнаю. В наших краях жил жаурынчи. Я пошел к нему и рассказал обо всем. Он долго играл на кобызе, а потом сказал:

— Если хочешь послушать моего совета, то не ходи туда. Там погибли твои дед и отец, погибнешь и ты.

— Но я не захотел и слушать его. Что б ни было там, я должен туда поехать и узнать: почему мои дед и отец

погибли. Был у меня гнедой иноходец. Оседлал я его и поехал на Ушарал. Через несколько дней я приехал на эти острова. Они были богаты растительностью, дичью, зверями. Там был непроходимый лес. Место опасное. Постоянно приходилось быть настороже. Но где те чудовища, которые пожрали моего деда и отца? Жил я там в постоянном ожидании опасности. Наконец мне стало все это надоедать, и я решил вернуться. Перед отъездом я подстрелил дичь и решил сварить ее, подкрепиться на дорогу. Развел костер и стал варить мясо. Вдруг мой конь зафыркал и забеспокоился. «Здесь что-то неладно»,— подумал я и решил: как закончу варить мясо, быстро соберусь в обратный путь. Вдруг листья зашелестели, и я увидел: прямо на меня движется какое-то существо. Когда существо приблизилось, я рассмотрел женщину темно-коричневого цвета, очень высокого роста. Она подошла к огню и присела. Не отрывая от нее глаз, я одной рукой держал ружье, а другой подкладывал хворост в огонь. Мясо сварилось. Женщина не уходила. Я, продолжая держать наготове ружье, доставал мясо из котелка. Потом взял жилик и протянул женщине. Она открыла рот. Я протолкнул мясо вместе с костью в открытый рот. Женщина мигом проглотила весь кусок и продолжала молча сидеть. Молчал и я, но не спускал с нее глаз. Я думал: стоит мне отвернуться на минутку, как она может меня ударить. Наконец она не выдержала молчания, поднялась и ушла.

Я решил ехать и уже оседлал коня. Вдруг у меня возникла мысль: а что скажут родичи, когда я вернусь? А ну-ка, останусь здесь ночевать. Будь что будет. Я срубил в свой рост осину, одел ее в свой чапан, под один конец бревна положил седло, как под голову. Сам зарядил ружье и взобрался на дерево. Конь остался в стороне привязанный.

Ночь была светлая, и все кругом хорошо просматривалось. Вдруг конь мой опять заржал, забеспокоился, как в первый раз. Смотрю, бежит коричневая женщина. Увидела чучело, бросилась на него и стала избивать. Чудовище решило, что это я сплю. Недолго думая, я прицелился и выстрелил. Женщина подпрыгнула и побежала, оставляя кровавые следы.

Я быстро слез с дерева, оседлал коня и — за ней. Чаща мешала двигаться на коне, я спешился и пошел по следам. Пройдя несколько шагов, я увидел лачужку, вошел в нее

и на полу увидел эту женщину. Она была мертва. Я отрезал у нее руки. Они были твердые и с железными когтями. Это была жезтырнак. В стене лачужки торчал белый топор. Я все прихватил с собой и отправился домой. Когда приехал, то сейчас же пошел к жаурынчи.

— Вот руки жезтырнак,— сказал я ему.— А этот топор я нашел в лачужке. Ты отговаривал меня ехать на Ушарал, а я не послушал твоего совета и убил своих врагов. Эта жезтырнак сожрала моих деда и отца.

Тогда жаурынчи сказал мне:

— Это чудовище — синий ноготь. Оно может изрубить человека на мелкие кусочки. К тому же их было двое: муж и жена. Ты убил женщину, теперь остался ее муж. Он найдет этот белый топор везде, куда бы ты его ни спрятал, и изрубит много людей в наших аулах. Не надо было тебе его брать. Но раз уж взял, то теперь слушай, что я тебе скажу. Тебе каждую ночь придется жить без сна и ждать это чудовище. А если ты уснешь и не убьешь его, то он перережет весь аул. Убить его можно только лишь его топором. Руби сразу голову.

Напуганный таким предсказанием, я стал каждый день ждать чудовища. Вскоре засватали мою дочь Бикеш. Когда я получил за нее весь калым, то поставил ей отдельную юрту, выделил скот. А затем спросил дочь:

— Бикеш, что тебе еще надо от меня? Я отдам тебе все, что ты попросишь!..

Тогда дочка сказала мне:

— Не нужен мне твой скот, не нужна мне твоя юрта. Если ты считаешь меня своей любимой дочерью, то отдай мне белый топор.

Я оторопел.

— О дочь моя,— сказал я,— если я тебе его отдам, то сам погибну.

Но она ничего не хотела слушать, настаивая на своем.

— Если не отдашь топор, то не считай меня своей дочерью,— говорила она.

Что мне оставалось делать? Я отдал ей топор.

Я отвез ее в выстроенный для нее шатер, а сам продолжал караулить жезтырнака, но со своим простым топором.

Что же сделала Бикеш? Для чего ей был нужен мой топор? Она тоже стала поджидать чудовище: каждый день и каждую ночь стояла возле юрты. Мужу она ничего не

рассказывала и лишь отговаривалась: «Потом узнаешь». Муж стал за ней следить.

Однажды ночью — а ночь была светлой — аульные собаки с лаем кинулись за аул. Бикеш посмотрела в ту сторону, куда побежали собаки, и увидела идущего человека. Он был высокого роста. Собаки кидались на него и лаяли, он приседал, а затем снова поднимался и шел. Так было несколько раз. Наконец человек дошел до первой юрты, вошел в нее, но быстро вышел, зашел во вторую и тоже быстро вышел. Так он заходил во многие юрты. И наконец очередь дошла до юрты Бикеш. Она приготовила топор и стала ждать. И как только чудовище приблизилось, Бикеш ударила его белым топором прямо по голове. Голова сразу же свалилась с плеч. Бикеш разбудила мужа и, указывая на мертвое тело, раскрыла ему свою тайну. Затем Бикеш зашла в те юрты, где побывал жезтырнак. Везде лежали умерщвленные им люди. Бикеш и ее муж сели на коней и приехали ко мне, прихватив белый топор и голову жезтырнака.

— Отец, я возвращаю тебе топор,— сказала Бикеш. — Когда я выпрашивала его у вас, я думала, пусть умру одна, а братья мои и отец останутся. Если б вы не отдали мне его, то погибли бы все ваши сыновья, а вы б спаслись. Кому тогда были б нужны? Вот он, топор, возьмите!..

Вот какая у меня Бикеш. Я тогда и подумал: почему Бикеш не мужчина?! Это моя первая мечта, дорогие гости... Как, по-вашему: хорошая эта мечта, и мечта ли это?

— Да, это мечта, и очень хорошая,— сказали жигиты.

— А вот моя другая мечта,— сказал аксакал. — После того, как не стало жезтырнаков, я жил спокойно. Но вот однажды решил развеяться и поехал к холму Кубажон. Был такой холм возле моего колодца, который носил название Шынырау. Вода в колодце была свежая, прозрачная и как будто бы целебная. Сев на своего скакуна Жайдаккера, я выехал на Кубажон. И когда я приехал и поднялся на этот холм, то увидел что-то странное: вокруг колодца стояли белые юрты, а возле них играли девушки, белые, словно березки. Что за чудо, подумал я. Ничего подобного раньше здесь не было. Как это могло случиться? Откуда все это? Долго я стоял в нерешительности и недоумении. Если туда поехать — могут убить. Соберу людей и тогда поеду. Но вдруг мне пришла мысль: батыр, а боится идти один. Гордость батыра взяла верх, и я решил по-

дойти к этим девушкам. И как только я приблизился к ним, они окружили меня с криками: «Жених приехал! Жених приехал!»...

Одни держали узду лошади, другие дергали меня за бороду, третьи мяли мне бока. И все время кричали: «Жених! Жених!»... Потом затащили меня в юрту, усадили на подушки, стали угощать всевозможными напитками и кушаньями. Сами тоже стали есть, приговаривая: «Кушай, милый женишок, кушай!»... И все время старались меня задеть, стукнуть, щипнуть. Я почувствовал себя тридцатипятилетним жигитом. Но вот подошел вечер, наступала ночь. Зашли две девушки и сказали, что жених должен пройти в большую юрту и вылить в огонь масло. Девушки вскочили, схватили меня и, тормоша и дергая, втащили в большую юрту. Затем дали мне ведро с маслом и приказали лить его в огонь. Я выполнил этот обряд жениха и сел на золотое сиденье рядом с девушкой писаной красоты. Она была прекрасна. Вся в светлых нарядах. И я в это время почувствовал себя уже двадцатипятилетним жигитом.

Девушки ухаживали за нами: приносили разные кушанья, напитки. Но тормошить меня они все же продолжали и кричали: «Жених! Жених!»

Я совсем помолодел! Когда кончилось пиршество, красавица приказала подружкам приготовить постель. И когда все было готово, она пригласила меня пройти к этой постели. За нами пошли и девушки. Затем они все вышли, и мы остались вдвоем. Красавица уложила меня, а сама села поодаль и сказала мне:

— Ты должен не спать до утра и смотреть в огонь.

Я принял это условие. Сел и стал смотреть в огонь, не моргнув глазом. Но в таком положении я не смог долго просидеть, забылся и заснул. А когда утром проснулся, то никого не было. Возле меня стоял мой конь и лежало ружье. Подо мной было одеяло, то, на котором я сидел и смотрел в огонь. Я быстро одумался, вскочил, поднял одеяло и вдруг заметил записку. Взял я эту записку и прочитал: «Я дочь царя пери. Зовут меня Мухирия. Я слышала, что ты батыр и убил на Ушарале жезтырнаков. Я была поражена твоей храбростью и полюбила тебя. Долго я искала встречи с тобой. Мне сказали, что у тебя есть холм Кубажон, колодец Шынырау и что ты бываешь там. И я решила, если ты жив, то я непременно тебя там увижу. Я поселилась возле этого колодца. Прошло восемь лет, и

вот ты, мой долгожданный, явился. Но ты постарел, и сильно. Я была в надежде, что у тебя есть силы подарить мне сына, и решила тебя испытать. Если б ты просидел до утра и не заснул, я б вышла за тебя замуж. Но ты, мой милый, стар, и я для тебя теперь не существую. Как память обо мне оставляю одеяло. Храни его как знак моей любви»

Вот это одеяло,— сказал аксакал. Затем он обратился к гостям с вопросом: «Как вы думаете: мечта ли это?» И сам же ответил: «Да, это мечта! Вот эти мечты и состарили меня»,— сказал аксакал, заканчивая свой рассказ.

На следующий день жигиты выехали из десятого аула батыра Мамая.

БАТЫР БОРАН

давние времена жил батыр Боран. У него был друг Каскарау, с которым он был в ссоре. У Каскарау была невеста из рода Ногай. Както раз ногайцы откочевали в другое место и увезли с собой девушку. Каскарау не поехал за ней, а собрал своих людей и спросил у них: как ему поступить? Место, куда перекочевали ногайцы, было очень далеко. Они перешли через море. А это море было очень широкое. Объехать его можно только за три месяца. Был и другой путь — это идти с одного берега до другого. На этот переход надо было затратить пятнадцать дней. Но короткий путь опасен. Он покрыт камышами. А в них водились страшные звери: медведи, тигры, волки и другие разные чудовища.

Каскарау обратился к своим людям, и они ему сказали так:

— О чем ты говоришь, Каскарау? В старину говорили: «Хоть тысячу раз каркнет ворона, не придет год, а гусь крикнет один раз — и год явится». Что из того, что мы собрались? Помочь тебе мы ничем не можем. Зачем ты ссоришься с Бораном? Кто тебя защитит, если нападут враги? Сам ты не сможешь выстоять против них. Прекрати ссору с батыром. Таков наш тебе совет! Мы заставим тебя преклонить перед ним колено!..

И они принесли в дар Борану дорогой ковер и черного нара. Привели к нему и Каскарау.

— Мы привели к тебе твоего друга,— сказали люди, обращаясь к Борану.— Мы заставили его преклониться перед тобой, сказав ему: «Не считай годы, а почитай людей». В народе говорят: «Честь родины — честь батыра». Разве не видишь, что запятнана честь нашего рода. Ногаи увезли нашу невесту. Вот мы и пришли сообщить тебе об этом.

— Я так и думал, что вы собрались сюда не зря,— сказал Боран.— И я знал, что вы об этом мне скажете. Но я в большом затруднении. Не ногайцев я боюсь! Было б не к лицу батыру об этом говорить. Путь туда далек и труден. Нельзя ехать в объезд в течение трех месяцев. Есть другая дорога: от одного берега к другому. Это расстояние можно преодолеть за пятнадцать дней. Но дорога идет через камыши. А в камышах бродят хищные звери.

Люди вздрогнули от страха, а потом сказали:

— Боран! Если тебя не страшит расстояние, то мы поедем с тобой. Мы будем сопровождать тебя.

— Нет!— сказал Боран.— Я не хочу, чтоб говорили: «Боран испугался трудного перехода и поехал в объезд моря». Лучше мне умереть, чем слышать это. Я поеду трудной дорогой, и много людей мне не надо. Дайте мне десять жигитов, которые смогут готовить обед. Дайте им двадцать самых лучших коней из табуна. А у меня есть свой конь, свое оружие. Чтоб не откладывать, мы отправимся в следующий понедельник. Вы должны в этот день нашего отъезда собрать весь народ и устроить той.

Как сказал Боран, так и было сделано.

Боран отправился в путь. Жигиты готовили ему горячую пищу. Где остановятся, там Боран лежит, сложив руки на животе. Лежат и девять жигитов, а десятый готовит пищу. Так они двигались. Но вот въехали в заросли камыша. Здесь было не до сна. Они ели только горячую пищу и медленно продвигались. Страшные звери то показывались, то удалялись. И вновь появлялись. И вдруг из зарослей вышел страшный медведь и заревел во всю свою пасть. Жигиты Борана, никогда не видевшие подобного зверя, попадали с лошадей. Но Боран не испугался и очень громко крикнул. Медведь исчез. Тогда Боран поднял своих жигитов и сказал:

— Что с вами? Зверь страшен? Но если он опять вы-

скочит и заревет, снова будете падать с коней? Так, что ли?

Но тут опять выскочил медведь и зарычал пуще прежнего. Боран рванулся к нему навстречу и крикнул громко. Медведь снова исчез в зарослях. На этот раз жигиты не попадали с коней. Они крепко держались за гривы.

— Видите, какой он страшный,— сказал Боран.— Несколько дней мы ехали без опаски, а тут на́ тебе!.. Наверно, он бросится в третий раз. Тогда я пойду на него. Может быть, сама смерть привела его ко мне. Прошу вас, не пугайтесь его рева. Если упадете с лошадей, то не унести вам костей. И не мешайте мне...

Боран не договорил. Из зарослей вышел медведь и крикнул изо всех сил. Боран не растерялся и тоже крикнул. Но на этот раз медведь не испугался батыра и кинулся на него. Боран соскочил с коня и пошел на медведя. Они сцепились в страшной схватке. И когда медведь собирался положить свои лапы на плечи Борана, батыр схватил медведя одной рукой за горло, а другой ударил его по голове. Удар был так силен, что голова сразу же разлетелась на куски.

Так они избавились от первой опасности, встреченной на своем пути. Прошло четырнадцать дней. На пятнадцатый день стали уже выходить на другой берег, как вдруг на пути встретились заросли. Обращаясь к жигитам, Боран сказал:

— То, что вы видите, называют загоном для овец. Я слышал, что здесь собирается нечистая сила. Нам надо остановиться, накормить коней, не снимая с них седел, а пораньше утром выехать в путь. Пока не наступила ночь, приведите в порядок свои доспехи и будьте готовы ко всему.

Сказал так Боран и прилег. Девять жигитов тоже прилегли, а десятый стал готовить обед. Он развел костер — дым пошел на него. Он удивился: «Почему дым идет в мою сторону?» Поднял жигит голову и видит: прямо перед ним сидит страшное волосатое чудовище. Жигит крикнул и разбудил товарищей. Все они прижались к Борану. То же самое, точь-в-точь, проделало волосатое чудовище. Оно было не одно, сзади него сидели такие же чудовища. Это были жезтырнаки. Вся их сила была в руках. Пальцы у них, как когти орла. Тело все покрыто густой шерстью.

Боран попросил своих жигитов сесть — и чудовище уса-

дило своих. Боран не знал, что делать дальше. Он не на шутку перепугался чудовища, которое его передразнивало. Боран решил прибегнуть к хитрости. Он подошел к костру и подбавил огня. И чудовище проделало то же самое. Боран подошел к мешку с продовольствием, вытащил кусок бараньего сала и насадил его на палку. Нож спрятал в мешок, подошел к костру и стал растапливать сало. И когда оно растопилось, Боран стал размазывать его по голому телу. Затем бросил жезтырнакам палку, обнял огонь и сказал: «Иди, батыр, померимся силами». Чудовище проделало то же самое. Но как только оно подошло к огню, сало загорелось и пламя охватило все волосатое тело чудовища. Жезтырнак бросился к своим. Пламя перекинулось на них. Все страшилища побежали в камыш — загорелся камыш. Жезтырнаки стали гасить огонь водою. Дым застилал их. Одно из чудовищ, убегая, крикнуло: «Подожди, Боран, мы еще встретимся!»

Боран воспользовался суматохой, вскочил на коня и вместе со своими жигитами тронулся дальше в путь. А огонь разгорался все сильнее. Ехали они спокойно целый день. К вечеру огонь стал утихать, дым рассеялся. Жигиты радостно проговорили:

— О господи! Кажется, счастливо мы отделались!

— Подождите радоваться,— сказал Боран.— Ведь вы слышали, что сказал один из них: «Подожди, Боран, мы еще встретимся». Значит, они не оставили нас. Вот управятся с огнем и догонят. И чем эта встреча кончится для нас, неизвестно.

Но вот дым совсем рассеялся, и они увидели пыль. Это двигались чудовища.

— Ну, друзья,— сказал Боран,— теперь они нас догонят. Если они придут сюда, вы не мешайте мне с ними сражаться, уходите. Я не обижусь.

Жигиты стали возражать Борану и говорить, что первый раз они испугались спросонок, не разобравшись, в чем дело. Их десять, и они могут противостоять десяти.

Так они ехали и спорили. И вдруг заметили приближение чудовищ. Жигиты забыли о своей храбрости и решили последовать совету Борана. Они поехали вперед, оставив батыра одного. Боран повернул коня на восток и стал ждать. Жигиты к вечеру добрались до высокого холма и стали наблюдать с высоты. Они плакали: «Если Боран погибнет, не видать и нам родины!». Потом вдруг они замети-

ли на дороге что-то черное. Одни говорили, что это Боран, другие — чудовища! Недаром в народе говорят, что «трусливому все двоится».

Но вот один из них крикнул:

— Да это ж наш Боран!..

Подъехал Боран. Все были очень рады его видеть. Батыр изменился в лице, побледнел, осунулся, глаза впали. Он и его конь были в крови. Когда жигиты обступили Борана, он сказал:

— От врагов мы счастливо отделались. Есть ли здесь вода? Надо переночевать, напоить коней, отдохнуть и завтра — в путь.

Боран слез с коня. Попросил подложить седло под голову и заснул богатырским сном. Жигиты от волнения не могли заснуть и всю ночь просидели возле костра, готовя обед Борану.

Утром они прибыли к ногайцам. Сваты не могли устоять перед батыром. Они делали то, что он им приказывал. И снарядив невесту Каскарау, они с почестями проводили гостей.

На обратном пути жигиты увидели трупы жезтырнаков, которых перебил Боран. Их было больше шестидесяти...

ЧУДЕСНАЯ ПТИЦА

очень давние времена жил хан. У него было трое сыновей: Асан, Усен и младший — Хасан. Хасан был красивый, умный и к тому же батыр. Однажды хан увидел во сне чудесную птицу. Когда птица смеялась, изо рта ее падали цветы, а когда плакала — из глаз сыпались бусинки жемчуга. Хан решил раздобыть эту птицу. Позвал он к себе Асана и Усена.

— Во сне я видел чудесную птицу. Когда она смеется, из ее рта сыплются цветы, когда она плачет, из ее глаз сыплются бусинки жемчуга. Найдите ее и доставьте мне, если не найдете, велю отрубить вам головы!— повелел он сыновьям.

Асан и Усен испугались угрозы отца.

— Мы найдем ее во что бы то ни стало и привезем вам,— сказали они и отправились в путь.

Хасан об этом ничего не знал. Только через сорок дней ему стало известно, что Асан и Усен отправились на поиски чудесной птицы. Опечаленный тем, что его братья отправились в такой опасный путь, а он остался дома, Хасан в слезах пришел к отцу и сказал:

— Отец, почему меня не отправили вместе с Асаном и Усеном, или вы не доверяете мне?

— Нет, сын мой. Асана и Усена я отправил на очень опасное и трудное дело, а ты еще мал для такого поручения.

Хасан стал упрашивать отца отпустить его на поиски чудесной птицы. Отец согласился, и Хасан поехал вслед за братьями. Хасан догнал братьев, уехавших на сорок дней раньше него, и втроем они продолжали путь по большой дороге.

Доехали братья до развилки трех дорог. Одна дорога шла вправо, другая — влево, а третья — прямо. У каждой дороги стояли три камня с надписями. На камне у первой дороги было высечено: «Поедет — вернется». На втором: «Поедет — может вернуться, а может не вернуться». А на третьем камне высечено: «Поедет — не вернется». Асан решил ехать по дороге «Поедет — вернется». Усен — «Может вернуться, а может не вернуться». Хасану досталась дорога «Поедет — не вернется».

И братья разъехались.

Едет Хасан несколько месяцев и несколько дней — впереди показался большой город. Вокруг города паслось много газелей. У Хасана уже давно кончилась пища, и он ехал голодный. Он решил подстрелить одну газель. Снял с плеча лук и только натянул тетиву, как газели сбежались, окружили его и жалобно заплакали. Хасан удивился: «Какие они разумные!»— опустил лук и направился в город. Подъехал он к большому дворцу, вошел в него и крикнул: «Эй, кто здесь есть?» Никто не отозвался. Посмотрел он по сторонам и увидел большое золотое блюдо, наполненное жареным мясом. Проголодавшийся до изнеможения Хасан протянул к блюду руку. Вдруг раздался повелительный голос: «Эй, человек, убери свою руку!» Потом появилась страшная старуха с торчащими зубами, вся в лохмотьях, что-то пробормотала себе под нос и топнула об пол ногой.

Хасан превратился в газель. Старуха схватила Хасана за шею, отвела и пустила к стаду.

Хасан потерял человеческий облик, но не потерял разума. Он отделился от других газелей и направился по дороге, которой приехал сюда. Прошло несколько дней — и он увидел большой красивый дворец. Хасан-газель вошел во дворец. Навстречу ему вышла красивая девушка и, вглядевшись в газель, сказала: «Ты же не газель, а человек. Если я превращу тебя снова в человека, ты женишься на мне?» Хасан-газель ничего не ответил. «Тебя в газель превратила моя мать, колдунья. Она отняла у тебя дар речи!» Девушка схватила горсть песку и бросила в морду газели. Газель обернулась в жигита. Когда к жигиту вернулся дар речи, он вежливо поклонился девушке, поблагодарил ее и рассказал все, что произошло с ним. Девушка также рассказала Хасану все, что с нею приключилось.

— Я единственная дочь той самой жалмауыз-кемпир, которая превратила тебя в газель,— сказала она.— Мне было тяжело видеть, как мать издевается над людьми, превращая их в животных, я взяла свое приданое и думала, что никогда больше не увижу человека, а тут сам аллах послал мне тебя. Теперь я от тебя не отстану.

— Я не могу жениться на тебе, я должен выполнить обещание, данное мною отцу,— ответил Хасан.

— Какое же обещание ты дал отцу?

Хасан рассказал, как его отец во сне увидел чудесную птицу и повелел отыскать ее.

Выслушала девушка слова Хасана и заплакала.

— Если ты и дальше будешь искать эту птицу, то я потеряю тебя,— говорила она.— Эта птица принадлежала мне и умела говорить человечьим языком. Дочь царя дяу по имени Кульжахмал пришла с войском и отобрала ее у меня. Ты, конечно, найдешь становище тех дяу, но добыть птицу тебе будет нелегко.

— Я готов на любые лишения. Я должен во что бы то ни стало найти птицу и доставить ее отцу. Если я достану птицу и вернусь живым и невредимым, то заеду и женюсь на тебе,— дал обещание Хасан. Девушка перестала плакать и указала Хасану дорогу.

— Ты должен ехать на запад девяносто дней. После этого встретишь гору. Через нее пройдешь тоже за девяносто дней. На другой стороне горы у подножия стоит одинокое большое дерево. На том дереве есть гнездо самрука,

может быть, птица доставит тебя до становища дяу,— напутствовала девушка.— А моя мать, пока жива, не даст нам жить спокойно, она сделает какое-нибудь зло. Смерть ее зависит вот от этого.— Девушка протянула Хасану стрелу.— Пустишь в любую сторону — она все равно попадет в лоб моей матери.

Хасан не замедлил взять стрелу и выпустить ее из лука. Стрела попала прямо в лоб жалмауыз-кемпир, и она тут же испустила дух.

Простился Хасан с девушкой и поехал на запад. Прошло девяносто дней, и он доехал до высоких гор, вершины которых упирались в небо. С большим трудом перевалил жигит через горы, потом доехал до большого одинокого дерева и присел отдохнуть в его тени. «Эй, человек, спаси нас, спаси!» — вдруг услышал он пискливые голоса птенцов самрука. «Что случилось с бедняжками?» — подумал Хасан и бросился в их сторону. Огромный удав полз по стволу дерева вверх, намереваясь проглотить птенцов. Хасан выхватил меч и изрубил удава на куски. Спасенные птенцы горячо благодарили своего избавителя. Они были голодны и вмиг проглотили куски тела удава.

Вдруг поднялся сильный ветер и пошел ливень.

— Откуда ветер, откуда дождь?— спросил Хасан у птенцов.

— Это не ветер, это летит наша мать. Ветер от ее крыльев, а дождь — ее слезы. Наша мать ежегодно на этом дереве выводила своих птенцов. Когда мать улетала за кормом для птенцов, удав, которого вы убили сейчас, выползал из своей норы, проглатывал вылупившихся птенцов и прятался в своей норе. Вот и сейчас наша мать возвращается с охоты и думает, что не увидит нас живыми. Мать очень любит человеческое мясо. Она может проглотить вас, спрячьтесь под нашими крыльями.

Хасан спрятался. Прошло немного времени, и самрук грузно опустилась на дерево. От тяжести птицы дерево изогнулось и достало до земли. Мать принесла оленей, газелей и много других зверей и сложила в большую кучу. Увидев, что ее птенцы живы и невредимы, птица перестала плакать. Ветер утих, засверкало солнышко. Самрук, глотая слюну, стала оглядываться по сторонам.

— Чую запах человека, вы не видели его?— спросила она у птенцов.

— Если вы не тронете, мы покажем человека,— ответи-

ли они. Самрук в знак согласия кивнула головой. Когда птенцы выпустили из-под крыльев Хасана, птица подхватила его и хотела проглотить. Но птенцы запищали и впились ей в горло. Самрук выпустила Хасана.

— Почему вы его жалеете? Какое добро сделал вам этот человек? — спросила мать.

— Он убил удава и спас нас от смерти,— запищали птенцы.

Самрук поблагодарила Хасана, расспросила, почему он пришел сюда и чем она может помочь ему. Хасан без утайки рассказал все и попросил доставить его в становище дяу. Самрук согласилась. Она посадила Хасана на спину и полетела к становищу дяу.

Летели они семь дней и семь ночей. Перелетели через океан, пустыню, и когда подлетели к большой огненной реке, у самрук от голода закружилась голова, помутнело в глазах, и птица не знала как быть.

— Эй, человек, боюсь, что мы не долетим до места, силы меня покидают, скоро упаду!— обратилась она к Хасану.

Хасан, не задумываясь, вырезал у себя из бедер два куска мяса и протянул птице. Самрук проглотила мясо и полетела дальше.

— Откуда такое мясо? Оно очень вкусное и придает большую силу!— сказала птица.

— Эти куски я вырезал из своих бедер,— ответил Хасан. Самрук быстро провела крыльями по ранам Хасана, и они вмиг зажили.

Прошло немного времени, и они прилетели в земли дяу.

— Когда дяу ложатся спать, они засыпают на сорок дней. Вот уже три дня как они спят. Я тебя буду ждать здесь еще три дня. Если за это время ты не вернешься, ждать дольше не стану и улечу,— сказала ему самрук.

Хасан обещал вернуться через три дня и направился в город.

Город дяу был очень красивый: тут все было построено из золота. Хасан, не видевший раньше такого чудесного города, забыл про чудесную птицу, про самрук, и стал осматривать все улицы. Переходя с улицы на улицу, он пришел к красивому дворцу и вошел в него. Во дворце спали сорок девушек, подальше от них в одной комнате спала еще одна девушка на золотой кровати. Он прошел вперед, переступил порог этой комнаты и увидел на скатерти разнообраз-

ную пищу. Он протянул руку к пище, но кто-то пронзительно взвизгнул.

— Эй, человек, почему без разрешения берешь чужую пищу?— услышал он голос. Хасан оглянулся и увидел в клетке птицу. Сказав эти слова, птица расхохоталась. Из ее рта посыпались цветы. Это была та самая птица, которую разыскивал Хасан. Его радости не было предела. Хасан решил взять птицу и только протянул руку к клетке, как птица снова завизжала.

— Ты меня не заберешь,— сказала птица,— если я запою громким голосом, все спящие дяу этого города проснутся. А один грамм твоего мяса здесь стоит тысячу дилла.

Хасан в слезах стал молить птицу. Он рассказал о своих мучениях в пути, об уговоре жениться на ее прежней владелице. Птица сжалилась над Хасаном.

— Хорошо,— пропищала она,— можешь забирать меня. Только о своих приключениях в пути напиши записку и вложи в карман девушки, спящей на золотой кровати.

Хасан выполнил все, что сказала птица. Потом взял клетку и вернулся к самрук. Самрук уже приготовилась было улетать. Жигит с клеткой сел на спину огромной птицы, и они без особых трудностей прилетели в гнездо самрука. Чтобы перелететь дальше, самрук дала Хасану одно свое перо. Это было волшебное перо. Хасан с птицей сел на перо самрука и прилетел к девушке. Не было предела ее радости. Отдохнули они там несколько дней, и Хасан с девушкой и птицей сел на перо самрука и полетел на свою родину.

Летят они несколько дней, видят: идет по дороге человек. Смотрит Хасан, а это его средний брат Усен. В пути у него кончилась пища, и он нанялся к одному баю в пастухи. Усен прожил скудную жизнь и теперь пешком пробирался на родину. Он был худой и в грязных лохмотьях.

Хасан переодел брата в новую одежду, накормил сытно, посадил на перо, и полетели они дальше.

В пути они встретили Асана, изможденного пуще Усена. Шея у него была, как палочка, лохмотья на нем еле держались. Хасан также накормил его, как и Усена, переодел и посадил на перо самрука.

Однажды они остановились на ночлег. Уснул Хасан богатырским сном, а Асан и Усен стали тайно совещаться:

«Наш отец и до этого больше любил Хасана, а теперь и вовсе будет любить. А если узнает, что мы нанимались в пастухи, оскорбится и велит повесить нас,— рассуждали братья.— Нам надо убить Хасана, и мы скажем, что сами нашли птицу.

Пришли они к Хасану.

— Достань нам из колодца воды.

Хасан послушался, привязал за пояс веревку и спустился в глубокий колодец. Когда Хасан достиг середины колодца, Асан и Усен перерезали веревку. После того они едва не подрались из-за девушки: каждый из них хотел взять ее себе. Девушка ни за кого не пошла и убежала в степь. Асан и Усен с птицей вернулись в родной аул. Поклонились они отцу и сообщили, что привезли чудесную птицу.

— Где Хасан?— спросил их отец.

— Хасан не послушался нас и когда купался в море, его проглотила акула,— ответили они.— Но мы отомстили за Хасана — убили эту акулу.

В это время проснулись дяу. Узнала дочь хана дяу, что исчезла ее птица в клетке, и подняла тревогу на весь город. По записке, оставленной в кармане, она узнала, что птицу увез человек. Собрала она свое войско и полетела на поиски своей любимицы.

Однажды отец Хасана захотел послушать пение птицы. Птицу посадили в золотую клетку и заставили петь. Она запела протяжным жалобным голосом. Услышали воины дочери хана дяу пение птицы, налетели на аул Хасана и, превратившись в людей, опустились прямо на аул. Увидели жители аула, что с неба падают люди, испугались и начали прятаться у своего хана.

Дочь хана дяу пришла на то место, где сидела птица, и вызвала к себе хана. Хан надел пояс, помолился аллаху и пришел к дочери хана дяу.

— Эй, хан людей!— обратилась к нему девушка.— Какой ваш сын привез эту птицу, покажите мне его. Я буду говорить с ним.

— О дочь дяу! Эту твою птицу я видел во сне, захотел хоть раз посмотреть на нее. Из трех сыновей, отправившихся на поиски этой птицы, вернулись двое. Они сообщили, что самого младшего и любимца моего где-то в пути проглотила акула. Из-за большого горя я заболел и только

сейчас впервые вижу эту птицу. Остальное спросите у тех сыновей, которые вернулись живыми.

Дочь дяу позвала Асана и Усена.

— Как вы привезли птицу, расскажите мне,— обратилась она к ним.

— О, что тут особенного, мы поехали на скакунах и привезли!— ответили братья.

— Вы лжете, я сейчас заставлю рассказать обо всем птицу, и если вы солгали, то велю сейчас же отрубить вам головы!— пригрозила дочь хана дяу.

Птица рассказала все.

— Хасан был жигитом великодушным и скромным. Он в слезах просил меня, и я согласилась сама ехать с ним. Со мной вместе Хасан приехал к моей прежней хозяйке. Когда мы направились сюда, в пути нам встретились голодные, совсем опустившиеся Асан и Усен. Хасан накормил их, а они учинили над ним злодеяние, обманули и оставили в колодце. После того они спорили из-за моей прежней хозяйки. Каждый из них хотел жениться на ней, а она убежала от них в степь. Они, должно быть, еще живы,— поведала птица.

У дочери дяу был быстроходный воин. Он мог за час облететь весь мир. Она вызвала этого воина и отправила его на поиски Хасана, а Асану и Усену отрубила головы. Хан не противился ее воле. Когда Асан и Усен были обезглавлены, быстроходный дяу доставил Хасана и девушку.

Дочь хана дяу осталась довольна отвагой и человечностью Хасана и своими руками подарила птицу его отцу. Хан поблагодарил дочь хана дяу и устроил той на сорок дней, на котором пировали люди и дяу.

СОВЕТ ГОЛУБЕЙ

Когда-то давно жила стая сизых голубей со своим ханом. Жили они дружно, не зная горя. Однажды несколько голубей залетели в чужие края. Встретился им в пути караван-сарай. Много лет там проживали люди, и в сараях было рассыпано несметное количество зерна. Но теперь никого не было.

— Теперь в этих сараях могли бы жить мы,— обрадовались голуби. Прилетели они домой и пришли к своему хану.

— Великий хан! Мы были в далеких краях и принесли хорошую весть. Мы нашли заброшенный караван-сарай. Там очень много зерна. И нет людей. Вот бы переселиться туда!

— Оставьте эти разговоры,— рассердился хан.— Будем жить здесь, где привыкли. Не зря говорят: «Где-то есть золото, а придешь — нет и бронзы», «В погоне за большим потеряешь и малое», «В поисках блага как бы не нажить скандала».

— Любимый хан,— загалдели голуби.— От имени всех ваших подданных просим вас. Люди бросили сарай, он совсем пустует. Теперь мы должны поселиться в том сарае. Пути туда три-четыре дня.

— Не нравится мне ваша затея. Но раз вы все решили перебраться, что ж, переселимся,— согласился хан, и все направились к тому караван-сараю.

Пролетели голуби два дня, на пути встретили рассыпанное зерно. Обрадовались голуби, приземлились и начали жадно клевать зерна. Не знали птицы, что это была приманка. Охотник расставил сети и рассыпал зерно. Наелись голуби, а подняться не смогли. Все они вместе с ханом попали в сети.

Охотника не было на месте. Увидел черный ворон, что голуби попали в сети, закаркал и полетел сообщить охотнику. Услышал охотник карканье ворона, подумал: «Ворон каркает, значит в сеть кто-то попал»,— и побежал на то место.

Хан голубей обратился к своим подданным:

— Останавливал я вас — не послушались, теперь видите, что случилось с нами из-за жадности. Сейчас придет охотник, отрежет нам головы. Мясо съедят, а из перьев сделают подушки.

Заплакали голуби, стали прощаться с жизнью.

— Пришла мне одна мысль,— заговорил снова хан голубей.— Давайте соберемся с силами и дружно вспорхнем. Быть может, мы разорвем сеть.

Так голуби и сделали. Рванулись они вверх и поднялись в воздух вместе с сетью. Полетели дальше, к караван-сараю. Охотник увидел голубей уже в воздухе. Предатель,

черный ворон, решил узнать, куда летят голуби, чтобы потом сообщить охотнику, и — вслед за ними.

Перепуганные голуби не останавливались в пути и приземлились только у караван-сарая. Ворон тоже прилетел и сел на площадь перед дворцом.

Голуби залетели во дворец. В полу было много мышиных нор.

— Проведите меня ближе к норам,— приказал хан голубей.

Голуби подвели его к норам.

— Эй, аксакал мышей, выйди из своей норы!— воскликнул хан голубей.

Из норы показался хан мышей. Цари поклонились друг другу, голубь сказал:

— О хан мышей, мы все попали в сети и переживаем горе. Окажите нам услугу, освободите нас от проклятых петель.

Хан мышей дал приказ своей армии, и мыши перегрызли петли и освободили голубей от сети. Голуби горячо благодарили хана мышей.

— О хан мышей, нет предела нашей вам благодарности. Пусть вознаградит вас аллах богатствами мира за вашу доброту. Говорят: «Добру отвечают добром». Я хочу послужить вам чем смогу,— сказал хан голубей.

— О хан голубей,— ответил хан мышей,— я не хочу считать вас обязанным мне за сделанное нами добро. Но и не желаю сближаться с вами. Ведь есть и другая известная пословица: «Добру отвечают злом».

— О хан мышей! Вы спасли нас от смерти. Как же я могу ответить злом за такое добро?!— сказал голубь.

— Эх вы, голуби, вы, вероятно, не слышали, как в прошлом добру отвечали злом.

— Какое же было сделано зло за добро, расскажите мне,— попросил хан голубей.

— Слушайте внимательно, я расскажу вам, как это было. В давние времена группа купцов отправилась в путь,— начал хан мышей.— Среди них был бедный человек на тощем коне. Когда купцы стали проезжать большой лес, конь бедного человека устал и не захотел идти. Тогда его попутчики-купцы обратились к нему:

— Мы не будем ждать тебя, покорми своего коня и один догонишь нас,— сказали они и уехали.

Бедный человек присел и горько подумал: «Если бы у

меня было богатство, разве я отстал бы от них?» Вдруг он увидел, что горит лес, огонь приближается к нему и слышится какой-то сильный шум. Он повернулся в ту сторону, откуда слышался шум, и увидел, как большая змея, спасаясь от огня, взобралась на дерево. Дерево загорелось снизу, и пламя постепенно поползло вверх. Испуганная змея извивалась и в отчаянии шипела.

«Эта змея попала в когти смерти. Ведь она тоже создание природы, ей тоже хочется жить. Я спасу ее, быть может, и мне кто-нибудь сделает добро»,— подумал путник и достал коржун. Подойти к дереву было невозможно, он привязал коржун к длинной палке и протянул змее. Змея залезла в коржун, и путник спустил ее на землю. Затем он отнес коржун подальше от огня.

— Эй, змея, ты тоже существо, созданное природой, и я решил спасти тебя, теперь ты можешь выйти из коржуна,— сказал человек змее.

Змея выползла из коржуна и обвилась вокруг шеи несчастного путника.

— Эй, змея, почему ты так поступаешь?— обратился к ней встревоженный путник.

— Я исполню свой обычай — ужалю тебя. Ты должен знать, что добру отвечают злом,— сказала змея.

— Почему ты должна жалить меня? Ведь я тебя спас от верной гибели,— удивился путник.

— Я укушу тебя за то, что ты спас меня от смерти. Говорят же: «Добру отвечают злом»,— ответила змея.

— Нет, змея, добру всегда должно последовать добро. Никогда я не слышал, чтобы добру отвечали злом,— сказал бедный путник.

— Еще никогда не было, чтобы добру отвечали добром. Всегда отвечали злом. Если ты не веришь, спроси у других. Если они скажут, что добру отвечают добром, тогда я отстану от тебя. Если же скажут, что добру всегда отвечают злом, то я ужалю тебя,— предложила змея, все еще не выпуская путника из своих колец.

Путник согласился, взял свой коржун, оставил на месте своего коня и со змеей на шее побрел искать, кто бы их рассудил.

Путник пришел к абрикосовому дереву, сел в его тень и горестно вздохнул:

— Из-за бедности своей и тощего коня я отстал от своих спутников. Решил сделать благородное дело и по-

пал в беду. Вся моя вина в том, что я спас эту змею от верной смерти.— Потом он взглянул на абрикосовое дерево.

— Эй, абрикосовое дерево, ты тоже создание природы, я попал в беду, рассуди нас, кто из нас прав?— взмолился он в слезах.

Дерево обрело дар речи и ответило ему:

— Тому, что сделал ты, ответить добром не могут. Я тоже убедилось — добру отвечают злом. Послушай, что я расскажу. Я ежегодно давало много плодов. Мой владелец всегда наслаждался ими и отдыхал со своей семьей в моей тени. Прошло два года, как я состарилось, высохло и не даю плодов. Вчера хозяин пришел, посмотрел на меня и сказал: «Это дерево плодов больше не дает, нужно его срубить и распилить на топливо». Я подумало: «Оказывается, добру отвечают злом: сколько лет я дарило ему свои плоды, а теперь он хочет срезать меня на топливо. Почему бы не дать мне постоять еще, пока придет мой конец и я свалюсь само. Это ответ злом за добро».

— Ты сказало неверно, добру не должны отвечать злом,— не согласился путник и пошел дальше.

Долго брел он, на пути встретил пасшегося на лугу вола. Подошел он к волу и рассказал ему о своем горе. Вол выслушал и ответил, что добру отвечают злом.

— Послушайте, что произошло со мной,— сказал вол путнику.— Когда я родился, меня с первых дней отняли от сосков матери, привязали за шею и не давали мне вдоволь сосать материнского молока. А когда я подрос, мне проткнули ноздри, посадили на меня мальчика и впрягли в работу. Потом я стал волом и пахал землю. Подвозку дров, воды — все делали на мне, и я не имел ни одного дня отдыха. Пшеница, просо без меня не возделывались, и никакая работа без меня не делалась. И вот я состарился. Я думал, что меня освободят от мук. Нет, меня еще долго гоняли. Вот исполнился год, как меня откармливают. Вчера мой хозяин пришел с мясником и сказал: «Посмотри, какой жирный стал мой вол, как думаешь, сколько пудов мяса даст?» — Лишь тогда я узнал, что меня откармливали, чтобы зарезать. Разве это не зло за добро? Сколько я трудился на него! Разве нельзя было освободить на старости и дать дожить спокойно до смерти?

— Слышишь, что говорит вол?— спросила змея путника.

— Нет,— запротестовал путник,— найдем еще кого-нибудь, третьего. Если еще третий скажет так же, я соглашусь с тобой.

Несчастный путник снова побрел дальше. Навстречу ему лиса.

— Эй, лиса, у нас к тебе просьба,— сказал путник. Лиса испугалась человека, отскочила подальше на пригорок.

— Что хотел?

— О лиса, скажи нам: следует ли за добро отвечать злом?— спросил человек.

— По какому же это случаю?— спросила лиса.

Человек рассказал о своем споре со змеей.

— До меня вы у кого-нибудь спрашивали об этом?

— Да, мы обратились к двоим. Они сказали, что добру отвечают злом, и привели примеры из своей жизни.

А лиса уже обдумывала свой ловкий обман.

— Да влезет ли змея в тот коржун, о котором вы говорите?— спросила лиса.

— Как же, я сидела в нем,— ответила змея.

— Мне что-то не верится, влезь обратно в коржун,— сказала лиса.

Змея сползла с шеи человека, влезла в коржун и высунула голову.

— Ты же сказала, что влезаешь в коржун, а у тебя голова торчит.

— Голова тоже влезает,— ответила змея и спрятала голову.

— Что ты стоишь, недогадливый человек, завяжи коржун покрепче да раздави змею вон тем камнем. Избавься скорее от нее,— сказала лиса путнику.

Путник поступил по совету лисы и камнем убил змею. С помощью хитрой лисы человек избавился от смерти.

— Если бы лиса ответила справедливо, то добру должно было последовать зло,— закончил свой рассказ хан мышей.

— Вы правы, мудрый хан мышей. Скажите мне, почему оставили этот дворец его владельцы?

— На то была важная причина,— ответил хан мышей.— В этом дворце когда-то жили люди. Когда они ели, мы не давали им покоя, уносили их пищу. Иногда они даже оставались голодными, их пища бывала очень испачкана мышами.

Однажды к ним приехал в гости чужестранец. Для него приготовили разные угощения. Чтобы в пищу не попали мыши, старшина каравана хлопал в ладоши.

— Эй, старшина каравана, хлопать в ладоши у нас считается нехорошей привычкой. Почему вы так поступаете?— спросил гость.

— В нашем дворце очень много мышей. Они даже попадают в пищу. Я хлопаю в ладоши — пугаю мышей.

— Если здесь так много мышей, то у них должны быть сокровища. Соберите своих людей и откопайте сокровища мышей,— посоветовал чужестранец.

Старшина каравана собрал своих людей, они вооружились кирками, кетменями, разорили наши норы и забрали все сокровища. После этого мы ни днем ни ночью не давали им покоя: портили продукты, прокусывали детям носы и уши. Люди убедились, что нас не одолеть и решили оставить дворец.

Хан голубей и хан мышей закончили беседу и разошлись.

Ворон, прилетевший вслед за голубями, видел, как мыши избавили голубей от петель, и слышал разговор голубя с мышью от начала до конца.

«С этими мышами нужно подружиться. Если я случайно попаду в силки, то они и меня могут спасти»,— подумал черный ворон и подошел к норам.

— Эй, мышь, выйди из норы!— крикнул он.

— Что хотел?— спросила мышь, выглянув из норы.

— Я хочу сдружиться с вами!

— Выслушай, черный ворон, мы молим аллаха, чтобы он близко не подпускал тебя к нам. На всей земле нет существа черней тебя. Твое нутро чернее, чем внешность. Не дай аллах сблизиться с тобой.

— Нет, милая, я не буду причинять тебе зла. Вы всегда должны оказывать нам помощь.

— Слушай, ворон, мне больше не о чем с тобой говорить, упаси аллах, чтобы видеть тебя,— сказала мышь и скрылась в норе.

Ворон остался жить во дворце. Мыши видели его ранними утрами, поздними вечерами и постепенно привыкли к нему. Однажды хан мышей обратился к ворону.

— Эй, ворон, у меня есть одна мечта. Если ты поможешь осуществить ее, я сдружусь с тобой,— сказал он.

— Скажите, великий хан, я готов служить вам.

— У меня есть подруга. Когда-то мы не могли расставаться с ней дольше чем на час. Но вот уже четвертый год, как я не видел ее. Большое горе постигло нас. По воле аллаха посредине наших поселений образовалась большая река, и мы не можем переправиться друг к другу. Я прошу тебя: если ты доставишь меня к моей подруге, я буду дружить с тобой.

— Хорошо, я готов помочь вам,— ответил ворон.

Посадил он на спину мышь и полетел через реку. Несколько дней летел ворон, наконец опустился на островок, чтобы отдохнуть. Оглядываясь по сторонам, хан мышей заметил у лужицы свою подругу-лягушку. С радостью встретились друзья, стали наперебой спрашивать друг у друга о житье-бытье. Лягушка спросила, как хан мышей добрался до нее.

— Я подружился с вороном и прилетел на его спине.

— О, как ты мог подружиться с вороном? Ведь на всем свете нет существа коварнее его.

— Верно говоришь, подруга, но я очень истосковался по тебе и был вынужден сдружиться с вороном. Только благодаря ему мы встретились с тобой.

— Но ты не должен был поступать так. Этот ворон из тех, кто добру отвечает злом. Как только он проголодается, в тот же миг склюет тебя. Разве ты не слышал, как в прошлом четыре друга пожертвовали жизнью один ради другого?

— Расскажи, я послушаю,— попросил хан мышей.

— В прошлые времена жили четыре друга. Это были: мышь, лягушка, газель и утка. Однажды сын хана со своими нукерами выехал на охоту. Долго ему ничего не встречалось. Но вдруг откуда-то выскочила лягушка. «Может быть, нам повезет на охоте, пусть тому будет приметой эта лягушка, поймайте и положите ее в коржун!» — приказал он нукерам. Его спутники поймали лягушку и посадили в коржун. Увидела это утка и быстро сообщила газели, а газель донесла мыши.

— Произошло несчастье, нашу верную подругу — лягушку поймал сын хана и увез,— сказала утка.

Тут три подруги задумались, как спасти лягушку.

— Газель, ты притворись хромой и пробеги перед сыном хана. Он увидит тебя, бросит коржун и погонится за тобой. Утка постарается меня доставить к коржуну, а я

прогрызу его и вызволю лягушку. Потом утка сообщит тебе и ты убежишь от хана,— предложила мышь.

Все согласились. Газель притворилась хромой и пробежала перед сыном хана.

— Смотрите, хромая газель!— воскликнул сын хана и, оставив все, бросился в погоню за добычей.

В это время утка доставила мышь к коржуну, мышь прогрызла мешок и вызволила лягушку. Когда они убежали, утка полетела и сообщила газели. Услышала газель, что лягушка спасена, и весело пустилась наутек.

Вот так они спасли свою подругу. Если дружить, то надо дружить, как они. А ворон, как только проголодается, сделает зло. У него нет верности!— закончила рассказ лягушка.

В это время проголодавшийся ворон озирался по сторонам в поисках какой-нибудь пищи, но ничего не нашел. Вдруг свой взгляд он остановил на хане мышей. Забыл он свою клятву, схватил мышь и съел. Лягушка отскочила и, спасаясь, прыгнула в воду.

ЖАЙЫК И ЕДИЛЬ

или на свете два брата-охотника Жайык и Едиль. Жайык был старший, а Едиль — младший. Тем, что добывали на охоте, они кормили бедных и сирых всего аула. По первой пороше уходили братья на охоту в разные стороны и сходились только к концу дня. Однажды Жайык, встретившись с братом вечером в шалаше, рассказал ему, что произошло с ним днем.

— Я видел такое, что диву дашься. Я напал на след босого человека. Пошел я по следу и пришел в густые заросли камыша. Долго петлял след, потом привел в шалаш, сделанный из камыша. Вошел я в шалаш, но там никого не было. Я вышел из шалаша и, не зная, сон это или явь, подошел снова к следу. Кроме моего следа и следа босой ноги, ничего вокруг не было. Я снова вошел в шалаш — и остановился в недоумении.

«Эй, Жайык! Зачем пришел сюда, кого ищешь?» —

раздался голос. Я огляделся. В шалаше по-прежнему никого не было.

— Во время охоты я встретил след босого человека и пришел сюда,— ответил я.

— Послушайся меня, тогда тебе будет сопутствовать удача. Если же не послушаешься, жалмауыз-кемпир съест тебя,— снова раздался голос.

Я зарядил ружье, зажег фитиль.

— Если ты жалмауыз-кемпир, попробуй подойди, съешь меня,— приготовился я.

Но и тут никто не явился. Тогда я повернулся и ушел.

Едиль не поверил брату.

Наутро они вдвоем пришли в тот камыш, но ни шалаша, ни следа не было. И камыш стоял нетронутый.

— Ты солгал,— сказал Едиль.

Жайык уверял, что все правда.

Едиль навьючил на коня всю свою добычу и поехал в аул. Жайык остался в степи. Через некоторое время Едиль вернулся к Жайыку, а того и след простыл. «Может быть, он поехал вверх»,— подумал Едиль и пошел по берегу реки. В густом темном лесу он убил кулана и к вечеру, разделав тушу, насадил на металлический штырь грудинку и стал жарить ее на костре. Когда стемнело, он увидел бегущего к нему со стороны леса человека, укутанного с головой в шекпен. Человек подбежал и сел у костра. Едиль отрезал кусочек грудинки и протянул пришельцу. Тот схватил грудинку — что-то лязгнуло.

— Несдобровать бы тебе, если бы ты не дал мне мяса!— рявкнул человек и ушел.

Едиль, опасаясь недоброго, отыскал бревно, положил его на землю и накрыл своим шекпеном. А сам зарядил ружье и притаился невдалеке. Когда огонь угас, тот человек выскочил из темноты и, что-то бормоча, бросился к бревну. Опять послышался лязг. Едиль выстрелил. Человек взмахнул руками и грохнулся на землю. Охотник подошел к убитому и увидел, что все ногти на пальцах неизвестного существа были медные. Пуговицы на одежде были золотые и серебряные, а на лбу сверкал один-единственный глаз. Это был жезтырнак. Охотник срезал у жезтырнака когти и положил их в сумку.

Едиль пробыл в лесу еще два дня. И убил еще двух жезтырнаков. После этого охотник вернулся в аул. Он никому не стал рассказывать, что убил жезтырнаков.

А Жайыка так и не было.

В ауле жил человек по имени Кара. Пришел к нему Едиль и сказал:

— Мы с Жайыком будем охотиться, а ты будешь возить в аул добычу.

Кара согласился. Поехали они искать Жайыка, долго искали, но не нашли. Друзья случайно набрели на большое стадо овец. Пастуха нигде не было видно. Невдалеке стояла белая юрта, охотники подъехали к ней.

— Эй, есть кто в юрте?— крикнули они.

— Заходите,— ответили изнутри.

Охотники спешились и, прихватив с собой на всякий случай оружие, вошли в юрту. Дверь с шумом захлопнулась за ними. В юрте сидела женщина спиной к двери и кормила грудью ребенка. Не оборачиваясь, она сказала:

— Едиль, ты убил трех моих невесток. Трех сыновей убил Жайык. Жайыка я сварила и съела. Я не искала вас, вы пришли ко мне сами. Теперь одного из вас я распорю, а другого повешу.

Это была жалмауыз-кемпир. Едиль всю ночь подстерегал жалмауыз-кемпир, чтобы расправиться с ней. И только утром он застрелил жалмауыз-кемпир, когда она вышла из юрты. Едиль кинулся к юрте, но дверь была наглухо закрыта и никакими силами ее нельзя было открыть.

Всех овец жалмауыз-кемпир Едиль пригнал в аул, роздал людям и рассказал все, что произошло. Рассказал и о гибели Жайыка от руки злой старухи. Были устроены поминки по Жайыку. Людям, собравшимся на поминки, Едиль сказал: «Поедем в юрту жалмауыз-кемпир и заберем остальное богатство». Но люди побоялись, не пошли. Тогда Едиль поехал один и забрал все богатство жалмауыз-кемпир.

Прошло два года. Едиль выдал свою дочь замуж. Дочь попросила у отца в приданое шолпы жалмауыз-кемпир.

— У жалмауыз осталась еще одна дочь, если ты возьмешь шолпы, она убьет тебя,— отговаривал отец дочь.

Но девушка настаивала на своем. И Едиль уступил. Тут же наказал он дочери, чтобы в течение двух-трех лет она не спала ночами.

Много времени прошло с тех пор. Однажды дочь жалмауыз-кемпир, убивая всех, кто попадался ей в пути, пришла в аул Едиля. Ночью она зашла в юрту дочери Едиля. Едва жезтырнак переступила порог, как дочь Едиля

сильным ударом рассекла нечистой силе голову. Так была убита последняя дочь жалмауыз-кемпир. С тех пор люди стали спать спокойно, нажили себе много скота и жили дружной семьей.

САПОЖНИК

В старину жил один бедный сапожник. У него было много детей. Сапожник работал от зари до зари, не разгибая спины, но его заработка хватало лишь на то, чтобы один раз покормить своих детей.

Когда не было работы в ауле, сапожник брал на плечи свой ящичек с шилом и гвоздями и отправлялся в соседние аулы.

Шел однажды сапожник в дальний аул. Дорога была незнакомая, и сапожник заблудился.

Долго шел он, устал. Наконец на пути ему повстречался дом. Сапожник постучал в окно, но ему никто не ответил. Тогда он вошел. Дом оказался пуст.

— Что ж, переночую, а завтра со свежими силами снова в путь,— сказал сам себе сапожник и расположился на ночлег.

Среди ночи послышался сильный шум и грохот. Сапожник поднял голову и увидел: втискивается в дверь огромное чудовище. На лбу у него сверкает один-единственный глаз. Это был дяу — великан.

— Кто в моем доме?— заревел дяу страшным голосом.

— Я, сапожник.

— Что ты умеешь делать?

— Я шью сапоги,— ответил сапожник.

— А, это хорошо. Как раз у меня сапоги износились. Спи, а утром будешь работать.

Сказав так, великан лег у самого порога и сразу же захрапел.

Лежит сапожник, притворился спящим, а сам думает: «Кончилась моя жизнь. Если я умру, то и дети мои умрут от голода».

Мало-помалу страх прошел, и сапожник стал думать, как спастись ему от великана. Долго думал он и наконец придумал убить дяу. Взял он в руки свой острый сапожный

нож, подошел тихонько к спящему великану и со всего размаху воткнул его в глаз чудовища.

Великан дико взревел от страшной боли и, ослепленный, стал метаться по комнате, раскинув руки, чтобы поймать своего врага.

Сапожник незаметно проскользнул на улицу и был таков.

Когда настало утро, запечалился сапожник.

— Что же я буду делать без ящика, без него я как без рук — не смогу работать.

Горевал, горевал, да и вернулся в дом великана за своим ящиком. В доме была тишина. Вошел сапожник, видит: растянулся среди комнаты великан и не дышит. Осмелел он, стал рассматривать при свете хозяйство дяу и нашел сундук, полный золота. Сапожник от радости забыл про свой ящик, поднял кое-как сундук с золотом на плечи и пошел домой.

С тех пор семья сапожника не знала бедности.

ИСКУССТВО ЕГЕЛЬМАНА

ил в Багдаде один мудрый человек по имени Егельман. Все люди страны знали Егельмана. Обиженные приходили к нему за советом, спорящие — чтобы мудрец рассудил их, больные шли избавиться от недуга, а умные любили побеседовать с мудрым человеком.

Прослышал хан о мудрости Егельмана и повелел позвать его к себе. Привели царские слуги Егельмана к хану, и стал он жить при дворе.

Хан часто совещался с мудрецом и не переставал восхищаться его умом.

Однажды хан позвал к себе своего верного визиря и сказал ему:

— А не сделать ли нам Егельмана визирем — уж очень он умен!

Не понравились визирю слова хана. Понял он, что царь хочет избавиться от него.

— О мой хан! — взмолился визирь. — Не делай этого. Не люблю я этого человека, он хитер, как сто чертей. Ему нельзя доверяться: он умеет делать то, чего не умеют другие. Я боюсь, что в один из дней он погубит нас всех и станет ханом.

Задумался хан:

— Да, ты прав. Только умные люди способны причинить хану вред. Что же нам делать с мудрецом. Ведь выгнать его мы не можем — он обидится и отомстит нам.

Обрадовался визирь.

— О хан мой! Поручи это дело мне, я как-нибудь найду способ извести Егельмана.

— Разрешаю, — ответил хан и удалился в свои покои.

С этого дня Егельмана не стали приглашать к хану.

Когда Егельман спрашивал, почему его не пускают к хану, ему отвечали, что хан занят.

Однажды визирь пришел к Егельману и сказал:

— Эй, Егельман, хан задаст тебе несколько вопросов Будешь ли ты отвечать на них?

— Я всегда готов с радостью служить хану, — ответил мудрец.

Первый вопрос: «Каким образом хан должен обогатить свой народ?» Второй вопрос: «Каким образом хан может вытравить злобу у своих подчиненных?»

Подумал Егельман и ответил:

— Дайте мне два года сроку.

Визирь:

— Даю тебе две недели. За это время ты должен написать на эти вопросы научные труды.

Понял Егельман, что его дни сочтены.

Сказал он визирю:

— У меня есть книга, написанная два года назад. В ней как раз есть ответы на эти вопросы. Я просмотрю книгу за эту неделю, исправлю кое-что и дам вам.

Нечего было сказать визирю, и он ушел.

Ровно через неделю Егельман пришел к визирю:

— Книга готова, но я хотел бы сам вручить ее повелителю.

Визирь привел Егельмана к хану.

Хан увидел мудреца, обрадовался.

— Угостите мудреца самыми лучшими винами и самыми вкусными блюдами, — приказал он визирю.

Вскоре перед мудрецом стоял стол, накрытый всевоз-

можными кушаньями. Егельман почувствовал, что в вино примешан яд — визирь решил отравить его.

«Ах так!— подумал мудрец.— В таком случае тебе даже жалеть не придется о сделанном».

Егельман незаметно достал из кармана какой-то прозрачный кристаллик и опустил его в чашу с вином. Когда кристаллик растворился, мудрец выпил вино как ни в чем не бывало.

— Хорошее вино,— проговорил он и поставил чашу на стол.

Затем он незаметно для других обмакнул пальцы в яд, отстоявшийся на дне чашки, и обратился к визирю.

— Дорогой визирь! Вот вам книга. Она очень полезна, особенно важны вот эти страницы.

С этими словами мудрец провел пальцами, обмоченными в яд, по страницам открытой книги. Затем он попросил у хана разрешения и удалился.

Как только за Егельманом закрылась дверь, хан и визирь взяли книгу и прочитали:

«Если хан хочет видеть своих людей незлобивыми, добрыми, пусть сначала сам освободится от злобы».

«Если хан хочет видеть свой народ богатым, пусть воспитывает в нем трудолюбие».

«Кто бы ты ни был, оближи эту страницу книги девять раз, и у тебя никогда не уменьшатся силы».

Обрадовались хан и визирь и стали в драку лизать книгу. Тут и пришел им конец.

НАХОДЧИВЫЙ МАЛЬЧИК

У одной вдовы было двое детей — сын и дочка. Жили они так бедно, что никогда не наедались досыта и одевались в лохмотья. Подросли дети, а бедность и не думала покидать дом вдовы. Однажды сын спрашивает у матери:

— Что такое счастье?

— О сын мой,— отвечает ему мать,— счастлив тот, кто всегда сыт, одет и никогда не печалится. А если у этого человека есть еще мудрый друг,

который может помочь ему советом в трудную минуту, то большего счастья и не надо.

Сказала так мать и горестно вздохнула. Но сын не отходил от матери, думая о чем-то своем. Потом снова обратился к ней:

— В одном предании говорится, что смелому батыру всегда сопутствуют счастье и удача. Как это понять, растолкуй мне.

— Это правда, сынок,— ответила мать.— Если стремиться к определенной цели, то счастье и удача не покинут тебя. Если будешь настойчивым и упрямым в достижении цели, то непременно добудешь счастье.

— В таком случае я сам должен найти свое счастье, а не ждать, когда оно придет ко мне.

Сказав так, сын попросил у матери позволения отправиться на поиски счастья. Мать приготовила сыну толокно на масле и проводила его в дальний путь.

Долго шел юноша, перевалил через несколько гор, перебрался через много рек, наконец повстречался ему на пути густой лес. В этом лесу жили пери — неземные существа.

— Эй, сын человеческий,— закричали в один голос пери,— зачем пришел сюда? Разве ты не знаешь, что здесь тебя ждет смерть?

— Не боюсь я смерти,— бесстрашно ответил юноша.— Если хотите помериться со мной силой — выходите.

— Мы готовы,— ответили пери.— Вот наши условия: кто выжмет масло из этого черного камня, тот победитель. А победителю принято повиноваться во всем.

— Согласен,— ответил юноша, а сам думает, как бы ему перехитрить пери.

Первыми взялись за дело пери, но сколько они ни давили камень, ничего у них не вышло — камень остался сухим. Бросили они камень на землю и повалились в изнеможении.

Настала очередь юноши. Стал он растирать руки, как бы готовясь взяться за трудное дело, сунул их незаметно за пазуху, где у него лежало жирное толокно, обмазал руки и снова стал растирать. Потом подошел к камню и сжал его. Показал он жирные руки пери:

— Вот я выжал из камня жир. Теперь вы все должны слушаться меня.

Нечего делать, согласились пери. Повели они жигита к себе домой, оказывая ему почет и уважение. Угостили, при-

готовили ему постель, уложили спать. Остался юноша один, не идет к нему сон. Еще за столом заметил он, что пери шепчутся о чем-то между собой, и догадался, что они хотят убить его. Взял парень постель, перенес ее в другой угол комнаты, а старое место прикрыл своим чапаном.

Глубокой ночью пери проснулись, влезли на крышу и сбросили сверху огромный камень на постель гостя. Утром они вошли в комнату — жигит жив и здоров. Растерявшиеся пери завопили в один голос:

— О дорогой гость! Как вам спалось?

Ответил им жигит:

— Спал я хорошо, только вот блох у вас много.

Задумались пери: как бы избавиться от гостя. Если его камень не взял, то он всех погубит. Решили пери наградить юношу богатыми дарами и выпроводить из своего царства. Так и сделали. Нагрузили они несколько пери золотом и дорогими подарками и наказали им проводить гостя до самого дома.

Идет юноша домой, позади него — пери. Лежит на дороге толстое бревно. Остановился юноша.

— О, это бревно будет очень кстати для веретена моей матери.

С этими словами он нагрузил бревно на пери и пошел дальше. Пери переглянулись между собой, мол, не только юноша, но и его мать такая же сильная.

Юноша благополучно добрался домой. Пери отправились назад.

С того времени вдова с детьми не знала нужды.

ЖЕНЩИНА-ЖУМСАУК

авным-давно жила женщина-жумсаук. Она доставляла много беспокойства людям, хитростью заставляя их работать на себя.

Один всеми уважаемый аксакал решил проучить женщину — устыдить ее. Но жумсаук, еще издали заметив аксакала, закричала:

— Кто бы ты ни был, прихвати со двора собачью миску!

Седобородый подумал: «Устыжу я ее»,— и принес собачью миску в дом. Жумсаук притворилась, будто только что увидела почетного аксакала, и затараторила:

— О боже! Это вы? Мне, право, стыдно. Будь проклята эта миска... Выбросите ее, пожалуйста!

— Наконец-то ты устыдилась!— и довольный аксакал пошел ставить собачью миску на место. Женщина-жумсаук громко захохотала ему вслед. Тут только седобородый сообразил, что простые люди услуживают для жумсаук один раз, а он услужил дважды.

РАБ КОНЮХ

У одного хана было три скакуна. Хан очень любил их и никому не доверял, кроме одного самого преданного раба. Только из рук этого раба он получал перед прогулкой одного из скакунов и, возвратившись, снова отдавал в его руки.

Как-то раз в беседе с визирями хан похвалил раба:

— Работящий у меня конюх,— сказал хан,— а главное — честный, никогда не лжет, что бы ни случилось.

Не понравились визирям слова хана.

— Э, не спешите с похвалой, таксыр! Нет такого бедняка, который не сумел бы лгать. Видно, вашему рабу не выпадал такой случай, чтобы он вынужден был солгать.

— Зачем напрасно наговаривать на доброго человека,— пристыдил хан визирей.— Я уверен, что конюх мой даже умирать будет — не солжет. Я верю в него, как в самого себя.

Тогда старший визирь говорит хану:

— Таксыр мой! Что дадите мне в награду, если я заставлю вашего раба солгать?

— Если мой раб солжет,— отвечал ему хан,— я уступлю тебе трон хана. Но если проспоришь ты — не сносить тебе головы.

Обрадовался визирь и сам установил себе срок — четыре дня.

У старшего визиря были три дочери красавицы. Ни с солнцем, ни с месяцем нельзя было сравнить их красоту.

Пришел визирь домой, позвал к себе дочерей.

— Дети мои,— сказал он им.— Я поспорил с самим ханом. Я уверял его, что заставлю конюха солгать своему господину. Если бы удалось сделать это, я стал бы тогда, с помощью аллаха, ханом. Или меня ждет смерть.

Задумались дочери: как же помочь отцу, как заставить конюха солгать хану?

Снова обращается визирь к дочерям своим:

— Вижу, дети мои, вы готовы помочь своему родителю. А это не трудно сделать. Я придумал уже, как следует поступить.

— Мы слушаем тебя, отец,— промолвили девушки и придвинулись ближе к визирю.

— Если так, то вот вам мой совет. С сегодняшнего дня каждая из вас по очереди будет ходить к конюху, когда он будет ночью пасти скакунов, и оставаться с ним до рассвета. Перед уходом он спросит, чем вас отблагодарить за визит. Вы попросите в награду голову одного из скакунов. Раб не посмеет отказать вам в просьбе, и таким образом, когда будут убиты все три скакуна, конюх не осмелится сказать хану такой правды и вынужден будет солгать.

Девушки согласились с решением отца.

В первый день отправилась к рабу старшая дочь. Она надела самую лучшую одежду и стала такая красивая, словно пери. Увидел ее конюх и растерялся, от восторга не смог вымолвить ни слова. Никогда еще к нему не подходила такая красавица. Наконец опомнился конюх:

— О ханым! Счастливого вам пути!

Дочь визиря улыбнулась и ласково так говорит:

— Я пришла сюда, чтобы разделить с тобой эту ночь. Я дочь главного визиря. Мне отбою нет от сыновей беков, ханов и визирей. Но ни один из них мне не по душе. Их любви навек я предпочитаю твою на одну ночь.

— О ханым!— раб от радости совсем потерял голову.— Вы правильно сделали, что пришли ко мне.

До самого утра девушка оставалась с конюхом. Когда она засобиралась домой, раб спросил ее:

— Ханым, какая у вас будет просьба на прощанье?

— Я хотела бы получить голову одного из скакунов.

Не раздумывая долго, конюх одним ударом свалил коня, отрубил ему голову и преподнес девушке. Взяла девушка голову коня и не спеша пошла домой.

Вечером явилась на пастбище средняя дочь визиря. Она была нежна, словно ангел, и конюх был очень рад ее приходу. Всю ночь она оставалась с рабом, а утром, как и ее сестра, получила в знак благодарности голову скакуна.

На третий день пошла к конюху младшая дочь визиря и вернулась утром с головой скакуна.

Три дня бедный раб не мог набраться духу рассказать хану о случившемся. Наконец он решился и пришел во дворец. Хана не оказалось на обычном месте, и конюх положил на трон свою шапку. На миг он вообразил шапку ханом, отошел к двери и вернулся к трону.

— Где ты пропадал целых три дня? Почему не докладывал мне, как чувствуют себя мои любимые скакуны?...— спросил конюха воображаемый хан.

— О таксыр мой! Кони ваши здоровы, накормлены и вымыты,— мысленно ответил раб и устыдился своих слов.

Он вышел за дверь и снова возвратился к трону.

— Почему тебя не было три дня? Как поживают мои кони?— снова спросил воображаемый хан.

Тогда раб:

— О таксыр! Скакуны сильно заболели, вот уже три дня не берут корма.

И опять раб устыдился своих слов, покачал головой и вышел из зала.

Еще и еще раз подходил конюх к мнимому хану и опять осуждал себя за ложь. Наконец — будь что будет!— решил он рассказать хану всю правду. Пришел он в ханскую ставку, где хан обычно совещался со своими визирями и беками.

— Эй, где ты пропадал эти три дня?— крикнул хан, завидев конюха.— Не случилось ли что с моими любимыми конями?

И ответил раб:

— О таксыр мой! Вот моя голова. Хотите снять ее — я готов. Нет у вас больше скакунов.

И раб рассказал хану все, ничего не скрывая.

Хан очень огорчился, узнав о гибели своих любимых коней. Он долго не мог вымолвить ни слова, потом обернулся к сидевшему рядом главному визирю. Визирь заплакал и упал хану в ноги, моля его о пощаде. Но хан был

неумолим. Он позвал палачей и приказал отрубить визирю голову. А на его место назначил раба конюха.

Так раб своей честностью достиг счастья.

СИЛА ИСКУССТВА

хана Хасена был единственный сын Идрис. Ехал он как-то своим аулом, повстречал красивую девушку и влюбился в нее. Дурия была дочерью простого крестьянина Сатбая. Потерял Идрис покой, и вот посылает он к Сатбаю сватов. Ответил старик сватам:

— Пусть дочка сама решает, за кого ей выходить замуж.

Уехали сваты ни с чем.

Приехал Идрис сам к Сатбаю. Вышла к нему Дурия, узнала, зачем приехал Идрис, и сказала:

— Что это тебе, сыну хана, пришло в голову жениться на крестьянке?

Ответил девушке Идрис:

— Душа моя Дурия, только тебя я люблю больше своей жизни.

Задумалась Дурия, потом спросила:

— А что ты умеешь делать?

— Ничего не умею делать,— ответил Идрис.

— Не решаюсь я выходить замуж за жигита, который ничего не умеет делать. Как же мы без труда будем жить? Нет, ошибся ты, Идрис,— не по пути нам с тобой.— Сказала так Дурия и повернулась, чтобы уйти.

— Не говори так, дорогая Дурия,— остановил девушку Идрис.— Зачем мне работать? Скоро я стану ханом — к чему хану ремесло?

Ответила Идрису умная девушка:

— Сегодня ты хан, а завтра, может быть, станешь ничем. Как можно предвидеть, что будет завтра. Несчастен тот, кто не владеет никаким ремеслом. Человек, обладающий ремеслом, и на вершину заберется, и против течения поплывет, а человек, ничего не умеющий делать, жалок, он только ропщет на судьбу.

Оскорбленный словами девушки, Идрис вернулся во дворец и все рассказал отцу.

Собрал хан подчиненных ему мастеров и говорит им:

— Моего сына нужно выучить за короткий срок какому-либо ремеслу. Сколько дней понадобится, чтобы обучить его?

Все мастера ответили по-разному. Одни сказали, чтобы научиться мастерству, нужно шесть месяцев, другие — три месяца, третьи — один месяц.

Среди собравшихся был скромный старик Токтыбай в красивом шерстяном колпаке. Он долго молчал. Когда все сказали свое слово, в круг выступил Токтыбай.

— О великий хан,— сказал Токтыбай.— Не обессудь, если я покажусь тебе хвастуном. Я могу выучить твоего сына ремеслу за пятнадцать дней.

Обрадовался несказанно хан и велел Токтыбаю немедленно начать обучать сына ремеслу.

Токтыбай славился на всю степь тем, что шил красивые шляпы. Стал он учить этому искусству Идриса. Идрис оказался очень прилежным учеником и уже через несколько дней самостоятельно сделал колпак.

Вернулся он домой и сразу же заявил отцу, что он намерен, не откладывая, ехать к Сатбаю и высватать его дочь.

— Поезжай, сын мой,— ответил хан.— Покажи девушке свое искусство.— И пожелал Идрису удачи.

На этот раз Дурия не посмела отказать жигиту: и собой он хорош и ремесло знает. Согласилась она выйти за Идриса замуж.

Привез Идрис домой невесту и устроил богатый пир.

Прошло сколько-то дней, говорит Дурия Идрису:

— Ну-ка, покажи свое искусство.

Принес Идрис шерсти и необходимые инструменты, быстро сделал красивый колпак.

Похвалила мужа Дурия:

— Хороший колпак. А теперь к твоему ремеслу мы добавим еще и мое ремесло. Мы разошьем колпак цветными нитками. Узоры будут обозначать буквы, а буквы в свою очередь — слова. Никто, даже ханы, не знают значения вышитых узоров. А нам это когда-нибудь пригодится.

Случилось так, что хан Хасен занемог, слег и скоро умер. Идрис занял место отца. Перевез он к себе родителей Дурии, и стали они жить одной семьей.

Молодой хан решил поближе познакомиться со своим народом, узнать о его нуждах. Переоделся он нищим, взял палку и отправился в странствие.

Скоро ли, долго ли шел Идрис, подходит к большому городу. В какой бы дом попроситься на ночлег? Видит, из одной трубы густой дым валит. «Готовят что-то вкусное»,— решил Идрис и вошел в дом. В доме было четверо мужчин. Все они были в фартуках, с ножами в руках. Они резали большими кусками мясо и кидали его в кипящий котел. Идрис поклонился хозяевам, отдал салем, но мужчины не ответили на приветствие — только переглянулись между собой, и в глазах их запрыгали радостные огоньки. Идрис не сразу заметил в темном углу пятого человека — увидел только тогда, когда все четверо накинулись на человека и втолкнули его в дверь в стене.

Понял Идрис, что попал в дом людоедов. Повернулся он, чтобы уйти, но не успел — схватили его людоеды и втолкнули в дверь в темном углу. В темнице сидело двое узников. Один из них горько плакал, другой смеялся.

— Почему ты плачешь?— спросил Идрис беднягу.

— Сегодня меня должны зарезать и съесть,— ответил плачущий.

— А ты чему смеешься?— спросил Идрис второго.

— Меня зарежут завтра. Еще целые сутки я буду жить — этому и радуюсь.

Потом плачущий обратился к Идрису:

— Может быть, сначала зарежут тебя — ты жирнее нас.

Испугался Идрис. «Что же придумать, если случится так, как сказал узник?» Вдруг вспомнил он о своем ремесле. «Вот единственное, что может меня выручить из беды!»

Прошло немного времени — пришли людоеды. Схватили они Идриса.

— Не убивайте меня,— взмолился Идрис.— Я принесу вам много пользы.

— Какая от тебя польза?— засмеялись людоеды и поволокли Идриса к двери.

— Я могу сделать красивый колпак. Если вы покажете этот колпак ханше, то получите за него две тысячи дилла. Дайте мне только шерсти и необходимые инструменты.

Послушались людоеды нищего, принесли ему шерсти и инструменты. Через четыре дня колпак был готов. На полях колпака были вышиты красивые узоры.

Взяли людоеды колпак, и двое из них отправились во дворец хана. Подали они колпак Дурии, и та, взяв его в руки и взглянув на узоры, сразу все поняла. Обрадовалась Дурия.

— Сколько вы хотите за шляпу?— спросила она пришельцев.

— Две тысячи дилла,— ответили разом людоеды.

— Вот вам деньги,— протянула она мешочек.

Как только разбойники вышли, Дурия приказала сорока нукерам вооружиться и ехать вслед за ней, не упуская разбойников из виду.

Когда людоеды въехали к себе во двор, жигиты Дурии окружили дом. Испугались разбойники, стали резать себя ножами. Двое умерли, а двоих удалось взять живьем. Дурия нашла ключ от темницы и открыла дверь.

Увидел Идрис свою жену, заплакал от радости, а потом приклонил голову к ее ногам. Засмеялась Дурия и, подняв мужа, сказала:

— Вот какую силу имеет искусство: если бы ты не умел ничего делать, то пропал бы в этом доме, съели бы тебя людоеды.

Хан Идрис приказал повесить оставшихся в живых людоедов, а найденные в их доме вещи и деньги раздать бедным людям.

ХРАБРЕЦЫ

авным-давно у богатого бая был единственный сын — надежда отца, его счастье, его настоящее и будущее.

Но как на беду, только мальчик немного подрос, стал ему сниться каждую ночь один и тот же сон: будто гонится за ним огромный черный волк. Зверь хочет съесть его и уже вот-вот схватит за ноги. С криком, весь в холодном поту просыпался несчастный... Он потерял покой и сон: днем его не интересовали игры, ночью он боялся заснуть.

Отец и мать стали расспрашивать сына: уж не заболел ли? Мальчик рассказал им о страшном сне. Родители очень испугались. Сзывает бай толкователей снов. Как ни

бились они — не могли разгадать сон мальчика. Но однажды к родителям пришел дряхлый старец, вещий пророк.

— Волк не отстанет, пока не съест вашего сына,— сказал он.— И никакая каменная крепость и железные засовы не спасут его.

Убитые горем, плачут бедные отец и мать.

— Помоги нам, достопочтенный, подскажи, как спасти наше дитя!

— Спасет он себя лишь сам, если сможет убежать и скрыться от волка,— ответил старец и тут же исчез.

Бай бросился искать коня для побега сына. Много дней он объезжал свои неисчислимые табуны, но так и не выбрал подходящего скакуна.

— Сын мой,— сказал отец,— иди в табун и сам выбирай себе спасителя.

Мальчик взял уздечку и пошел к старому пастуху, который много лет пас байские табуны. Поведал мальчик о своем горе и попросил:

— Дедушка, вы лучше всех знаете коней моего отца. Найдите скакуна, который бы спас меня от волка.

— Свет мой, всю жизнь я пасу этих коней, но ни на одного не могу положиться в такой беде. Есть тут один мухортенький пятилетний конек. Хоть он и тощ так, что ребра можно пересчитать, но по резвости в табуне нет ему равных. Днем он скачет — травки не щипнет, ночью резвится — даже на рассвете не вздремнет. Подсмотрел я за ним один секрет: в темноте от его копыт искры огненные летят. Вот я и думаю, что кроме мухортого ни один конь тебя не спасет. Взнуздай его да и скачи.

Мальчик попрощался с матерью и отцом, родными местами, оседлал мухортого и без промедления отправился в путь. Он опустил узду и дал коньку волю: пусть мухортый скачет, куда сам хочет. Так они ехали несколько дней. Однажды, оглянувшись, мальчик увидел еле заметную завесу пыли. «А вдруг это бежит волк, чтобы съесть меня»,— подумал мальчик и стал сильнее подгонять конька. Да и мухортый, за несколько дней объезженный, голову поднял выше, тверже начал ступать, шерсть на нем лоснится.

Скачет наш герой еще три дня, оглянулся и видит: завеса пыли приближается! Словно поняв седока, конь понесся еще быстрее. Так они скачут еще два дня. Сзади послышался гулкий топот. Оглянувшись, мальчик застыл в стра-

хе: черное чудовище, распластавшись, вынырнуло из столба пыли и нагоняет его.

Пот градом катится с мухортого, заливает ему глаза. Мальчик протирает глаза конька, пуще прежнего его подгоняет. Чем ближе топот чудовища, тем стремительнее, словно птица, летит мухортый, чуть касаясь копытами земли. Уносит конь мальчика от верной гибели. Казалось, никакому зверю не догнать его, но черное чудовище все ближе, ближе.

Напрягая последние силы, мухортый проскакал еще один день.

Оглянувшись в третий раз, мальчик обомлел: рядом с хвостом коня он увидел клыкастую пасть и свисший язык Черного волка, преследовавшего его во сне. Ростом волк был с теленка. Белой пеной клубится у него слюна. Зверь жаждет сожрать мальчика. Бедняга понял: сама смерть догнала его. Мухортый, весь подобравшись, будто понимая, что кроме него некому защитить малыша, летит выпущенной из лука стрелой. Казалось, ничто живое не могло бы выдержать, а мухортый бежит, не уступает. Как же не полюбоваться красотой бега мухортого конька, как не прославить его выносливость и храбрость!

Соленая влага ела глаза коня, он ничего не видел впереди... У мальчика не было сил вытирать пот с морды мухортого. Проклятый волк! Мухортый сделал все, что мог, больше нет сил. От пасти чудовища до мальчика один вершок.

Волк вытянул шею, приготовился впиться клыками в свою жертву. Мальчик считает последние минуты и прощается с белым светом. На коня больше нет надежды. Вокруг ни души. Все кончено.

— Вот она — смерть! Сейчас это чудовище сожрет меня!— закричал мальчик плача. Волк разинул пасть, чтобы сожрать несчастного! Вдруг в это время издалека послышался собачий лай. Зверь насторожился и чуть приотстал. Мухортый тотчас заметил это. Он почувствовал от радости прилив сил и понесся вперед, как истинный тулпар.

Волк оправился от замешательства и нагнал свою жертву. Только он раскрыл пасть, чтобы сожрать несчастного, как послышался собачий лай, на этот раз ближе. Волк насторожил уши и приостановился. Мухортому этого-то и надо было. Как ветер рванулся он вперед. С диким рыком, с горящими глазами, брызжа клубами пены, снова нагнал

свою жертву Черный волк. Только раскрыл он черную косматую пасть, чтобы сожрать мальчика, как раздался громкий собачий лай. Теперь он был совсем близко. Зверя будто ножом полоснули, он сразу остановился.

Тулпар летел, все дальше унося седока от страшного преследователя. Вот они скрылись.

Долго ли коротко они так летели, наконец вдали показалась одинокая юрта.

Подскакав к ней, конь остановился со всего бегу, и мальчик вылетел из седла. Он очнулся лишь когда к его руке кто-то нежно прикоснулся и стал настойчиво теребить. Чуть приоткрыв глаза, мальчик увидел перед собой красивую серую собаку. Она была величиной с теленка, грудь широкая, морда длинная, пасть черная, уши чутко навострены, глаза разумные и светятся, как огни. Собака обнюхала мальчика и успокоенная легла рядом, словно хотела согреть его своим теплом и защитить.

Из юрты вышли люди. Заметив мальчика, они подняли его и внесли в помещение. Стали расспрашивать, кто он и откуда. Но бедняга ничего не мог ответить, сознание снова покинуло его. Вечером пришел хозяин дома. Это был рослый смуглый мужчина. Плечи его были так широки, что на них свободно мог усесться человек. Взгляд его карих глаз был проницателен. Казалось, жигит все видит и все знает.

— Расскажи, дорогой, что с тобою приключилось,— обратился он к мальчику. Тот рассказал жигиту все как было.

— Я так и думал, что это ты,— сказал жигит.— Я знаю, чей ты сын, и знаю о твоем несчастье. Черное чудовище — не просто волк. Это злой дух, который жаждет власти над миром. Стоит ему съесть тебя, отведать человеческого мяса, как он начнет пожирать всех людей на земле. Он считается храбрейшим среди волков. А тулпар, унесший тебя от Черного волка, твой мухортый,— храбрейший среди всех тулпаров. Он еще жеребенком знал, что Черный волк преследует тебя и хочет съесть. Мухортый жил лишь одной мечтой — спасти твою жизнь. И с самого рождения готовил себя к этому, закалялся: мало ел, много резвился. Твое спасение цель его жизни. Мечта его сбылась. Будь на месте мухортого любой другой тулпар — растерзал бы тебя Черный волк. Помогла мухортому моя чернопастая собака — храбрейшая среди всех собак. Чернопа-

стый за день до твоего приближения к юрте почуял, что волк готов исполнить свой чудовищный замысел. Тут-то и залаял он. Что касается меня, то я — храбрейший изо всех людей иа земле. Мухортый знал, что мы с Чериопастым иаходимся здесь. Поэтому-то он и иаправил свой бег сюда.

До сих пор все идет, как хотел я. Но злой дух не успокоился. Чериый волк еще не ушел, ои подкарауливает тебя, спрятавшись вон за тем холмом. Сюда волк не подходит, потому что сейчас мы, трое храбрецов, все вместе и нас не одолеть. Но мы не будем сидеть сложа руки. Чуть только займется зорька, пойдем выслеживать Черного волка, чтобы уничтожить его, освободить тебя, а вместе и всех людей от страшного преследователя. Ложись и спи — на сегодня с тебя достаточно.

Мальчика иакормили и уложили спать. Утром хозяин разбудил гостя и говорит:

— Садись иа своего конька и поезжай вон к тому холму, где затаился Черный волк. Я с Чернопастым буду ждать там. Как только спущу собаку, она схватится с волком. Тут нам надо не зевать. Подъезжай поскорее со стороны волка, я же пойду со стороны собаки. Стоит волку почуять твой запах, он повериет к тебе голову. Чериопастый тут же свернет ему шею, а я помогу прикончить совсем. Только в этом твое спасение, не робей и не мешкай. Я бы заменил тебя, сам бы сел иа твоего конька, да ои ие поднимет меня. Подъезжай к волку смелее и раиьше, чем я подойду к собаке. Если опережу тебя, не миновать беды: Чернопастый учует меия — повернет ко мие голову, и волк в одио мгиовеиие растерзает его. Пусть придает тебе храбрости мысль, что ты спасешь всех людей на земле.

Мальчик видел, как, приблизившись к холму, жигит спустил собаку. Чериопастый помчался к вершине холма. Его хозяии потихоиьку двинулся туда же.

— Пора и мне,— сказал себе мальчик н направился к другой стороне холма.

Чернопастый уже добрался до вершииы. Черный волк заметил его. Они остановились друг против друга, готовые в любое мгиовеиие схватиться иасмерть. Рыча и вздыбив шерсть, непобедимый среди волков и храбрейшая из собак следили за малейшим движеиием друг друга. Вид их был страшен: глаза горят, пасти оскалеиы, шеи раздулись и шкура вот-вот лопиет от иатуги.

Громовое рычание известило окрестные степи, что двое непобедимых ринулись в бой. Они вцепились передними лапами друг в друга, стоя на задних. Их когти, как клещи, впиваются в горло противника. Кровь льется ручьями.

Мальчик, услышав громовое рычание зверей, застыл на месте. Он боялся ступить вперед даже на шаг. «А вдруг волк сейчас сожрет меня»,— мелькнуло в его голове.

Жигит же в это время подумал: «Наверное, мальчик добрался до волка, надо поспешить на помощь». Храбрец взбежал на вершину и увидел смертельную схватку зверей. Мальчика не было видно. Через несколько секунд лишь показалась его макушка: малыш переборол страх и пытался подняться на холм. Но было поздно. Чернопастый почуял приближение хозяина и молнией бросился в его сторону. Этого достаточно было волку: в мгновение ока он впился в горло противника и сомкнул свои смертоносные клыки. В гневе жигит выхватил из ножен кинжал и рванулся вперед. Не успел Черный волк разомкнуть клыки, как его брюхо было рассечено пополам. Потоком полилась с холма черная кровь. Чудовище подыхало рядом с мертвой собакой.

Жигит сел, обнял труп своей любимицы и горько заплакал. Мальчик подошел к нему, ничего не осмеливаясь сказать в свое оправдание.

— Видишь, малыш, что наделала твоя робость. Отныне ни одна собака не осмелится напасть на волка, волки будут властвовать над собаками, потому что храбрейший волкодав Чернопастый принял смерть, защищая тебя. Я же, храбрейший жигит на земле, убил Черного волка. И отныне волки будут бояться людей, человек будет властвовать над волками.

КАИМ-БАТЫР

В давние времена в городе Басре жил бай Алган. Было у него трое сыновей: Берген, Мерген и Каим. Бай владел несметным количеством скота.

Когда сыновья подросли, бай позвал к себе старших — Бергена и Мергена.

— Вы оба уже взрослые. Каим еще молод. Заберите весь скот и ухаживайте за ним, а я уже стар,— сказал им отец.

Братья стали отказываться.

— Нет, отец. Не нужен нам твой скот. Он нажит нечестно, в таком скоте не будет прока. Мы сами наживем себе скот.

Отец всячески уговаривал сыновей, но они наотрез отказались. Так и не сумел старик убедить детей и, выпасая скот, досадовал: «О аллах, ты наделил меня этим скотом, так возьми же его сам!»

Однажды вечером старик возвращался со скотом домой и неожиданно встретился с аксакалом, ехавшим верхом на ишаке.

— Эй, Алган-бай! Чем ты так огорчен? — спросил старец.

Все рассказал ему Алган:

— Я молю аллаха: он мне дал этот скот, теперь прошу, чтобы сам же забрал его у меня.

— Вправду ли говоришь ты это? — спросил аксакал.

— Вправду,— ответил бай. — Пусть аллах хоть сейчас заберет скот.

— Тогда поступи так, как я скажу. У тебя дома есть черный пес. Увидев тебя, он выбежит навстречу. Подзови его и пни по голове. В косяке у тебя есть серый жеребец. Когда загонишь скот во двор, три раза ударь того жеребца уздечкой по голове. В стаде верблюдов у тебя есть черный верблюд-вожак. Его ударь три раза по голове поводком. Среди твоих коров есть серый бык. Его тоже ударь три раза. Ударь также серого барана. Входя в дом, пни три раза правую створку двери, а левую — два раза. Побей палкой горящий в доме огонь и разбросай пепел по воздуху. Потом ложись спать и ни о чем не думай. Если хочешь избавиться от своего скота, выполни мои советы,— сказал аксакал и тут же исчез.

Обрадовался старик. Пригнал он скот домой, ударил, как сказал аксакал, жеребца, верблюда, быка, барана и пса. Вошел в дом, пнул три раза правую и два раза левую створки двери, потом стал палкой хлестать горящий огонь и развеял по воздуху пепел. Увидела это старуха и испугалась: не с ума ли сошел старик? Поужинали старики и легли спать. Когда перевалило за полночь, старик проснулся и слышит невнятный шум за дверью. Вышел во двор

и видит: его овцы превратились в мышей, коровы — в маралов, лошади — в куланов, верблюды — в жирафов, и все бегут прочь. Вернулся старик в дом и разбудил старуху:

— Эй, старуха, вставай, наш скот разбрелся, уйдем и мы, без скота нам делать нечего.

И побрели старики вслед за мышами.

Что же произошло с их сыновьями?

На следующий день старший сын проснулся, когда солнце было уже высоко над землей. Смотрит, матери нет, нет и ее одежды. Вышел во двор — нет скота. Видит, лежат только черный пес и черный ягненок. Подошел он к псу, позвал его — пес ни с места. Подошел второй сын, узнал, что произошло, и тоже стал звать собаку. Собака не шевельнулась. Вернулись братья в дом и разбудили младшего брата, Каима.

— Вставай! Родители сбежали от нас и угнали весь скот,— сказали они.

Вышел младший брат и увидел пса с ягненком. Позвал он собаку, та встала и визжа бросилась к мальчику на грудь.

Стали братья жить втроем. Ухаживали за ягненком. Но вот у них кончилось все съестное, и братья решили зарезать ягненка.

Каим сказал:

— Как-то отец говорил: «Если зарезать черную овечку и перед сном подложить под голову заднюю ногу, не съев ни кусочка мяса, можно увидеть во сне, что ждет человека впереди». Давайте зарежем ягненка, ногу по очереди подложим под головы и увидим, какая жизнь ждет нас.

Послушались старшие братья младшего. Зарезали они черного ягненка, и старший брат Берген первый положил под голову ногу ягненка. Наутро он и рассказал свой сон:

— Во сне я на рыжем жеребце пас косяк лошадей какого-то бая. Доставалось мне за это в день кесе недобродившего кумыса, а иногда и того не было.

— Вероятно, тебя в жизни это и ждет,— разгадал его сон Каим.

На следующий вечер ногу ягненка положил под голову средний брат — Мерген. Во сне он на лысом воле тоже пас корову какого-то бая. Иногда ему доставалось на ночь кесе кислого молока, а иногда и вовсе ничего не доставалось.

— Значит, и тебе суждено жить так,— сказал Каим.

Каиму присиилось, что шаиырак иа иочь остался открытым. В его отверстие видиелась Малая Медведица. Потом иа его обиажеиную грудь лил дождь. Каим вскочил с постели и поиял, что это был сои. Рассвет еще ие иаступил. «Если я расскажу братьям про свой сои, то эти иегодиики могут иаговорить дуриые мысли. Лучше я скажу, что никакого сиа ие видел»,— решил ои.

Когда иаступило утро:

— Ну что тебе присиилось, Каим, говори! — потребовали старшие братья.

— Ничего ие присиилось,— скрыл Каим.

— Ах ты бездельиик,— разгиевались братья,— ты ие хочешь иам рассказать свой сои.

Они избили Каима и прогиали из дому.

Побрел Каим куда глаза глядят. За иим увязался чериый пес. Вот идет Каим иеделю, месяц и вышел к одиой быстрой реке. На другом берегу человек пас волов. Каим крикиул ему:

— Эй, ата, переправьте меия через реку.

— Зачем мие переправлять тебя? — ответил ему старик.

— У меия иет родителей. У кого нет детей, тому я могу быть сыиом,— сказал Каим.

Старик сел иа вола и переправил Каима иа другой берег.

— Дитя мое, ты в самом деле хочешь стать моим сыиом? Если ты говоришь правду, то эти волы, что я пасу, приналлежат хану Шигаю. За одии год своего труда я получаю одиого вола. Скоро я получу вола, зарежу его, созову иарод, дам тебе в руки жилик и усыновлю,— сказал ему старик.

— Пусть будет ваша воля, ата. Стаиу вашим сыиом,— ответил Каим.

Старик выпросил у хаиа вола, зарезал его, созвал иарод, вручил Каиму жилик и усыиовил его.

Когда Каиму исполиилось трииадцать лет, он сказал отцу:

— Вот что, ата. Вы меия усыиовили, чтобы я избавил вас от бедиости. Вы уже состарились. Теперь я буду пасти волов. А вы отдыхайте.

— Нет, мой милый, в это время свирепствуют овод и шершеиь, волы могут разбежаться. Буду пасти сам,— ответил старик. Каим даже слушать ие хотел. Убедившись, что

мальчика не уговорить, старик разрешил Каиму погнать на выпас сорок волов. Каим пас волов до вечера, а вечером пригнал домой всего двадцать восемь волов.

— А где же еще двенадцать волов, сынок? — тревожно спросил отец.

— Они пасутся там, в степи. Завтра пригоню всех вместе,— ответил Каим. Но на следующий день он пригнал лишь десять волов.

— Эй, сынок, где волы? — опять спросил отец.

— Они присоединились ко вчерашним волам. Завтра соберу всех волов вместе и пригоню,— ответил Каим. На следующее утро отец напутствовал:

— Сегодня, мой мальчик, пригони всех волов до единого.

Каим на выпас погнал десять волов, а к вечеру вернулся только сам.

— Эй, сынок, где волы? — опять спросил отец.

— О ата, вы знаете эту местность? — обратился он к отцу.

— Еще как! Ведь я родился и вырос в этих местах,— ответил старик.

— Тогда знаете Бас-тюбе?[1]

— Нет.

— А Май-тюбе?[2]

— Нет.

— Знаете ли Кзыл-тюбе?[3]

— Нет.

— Может быть, знаете Бок-тюбе?[4]

— Тоже нет.

— А Кок-тюбе?[5]

— Совсем не слышал!

— Ой, ата, что же вы тогда знаете? Ваши сорок волов пасутся на тех сопках. Завтра пойдем вместе и пригоним,— сказал Каим.

На следующее утро старик разбудил мальчика, и пошли они в горы. Когда пришли, отец увидел, что головы сорока волов сложены в одну кучу, мясо — в другую, потроха — в третью, шкуры — в четвертую. Вот что означали назва-

[1] Сопка «Головная».
[2] Сопка «Жировая».
[3] Сопка «Красная».
[4] Сопка «Пометная».
[5] Сопка «Голубая».

ния Бас-тюбе, Кзыл-тюбе, Бок-тюбе и Кок-тюбе. Увидел старик зарезанных волов и потерял от горя рассудок.

— Ах ты шайтан! Убьет теперь хан нас обоих. Не сыном, а горем явился ты ко мне. Сейчас же донесу на тебя хану, сотрет он тебя с лица земли! — закричал старик и бросился бежать в аул.

— Я сам расскажу хану,— сказал Каим.

Прибежал Каим в аул, когда люди уже собирались спать, и постучался в дверь хана.

— Что случилось? — спросил хан из покоев.

— У меня прошение к вам,— обратился Каим.

— Прошение свое скажешь завтра. В конце двора стоят два саврасых тулпара. Пройди туда и ложись возле них,— приказал хан.

Добрался Каим до конца двора, тут к нему подходит человек.

— Эй, ты уже пришел? — спросил неизвестный.

— Да, пришел,— ответил Каим.

— На, седлай этих тулпаров,— сказал неизвестный. Каим оседлал тулпаров, человек подошел снова и сказал:

— Этот коржун положи под себя. Ну, надо побыстрее уехать отсюда.

Они вскочили на тулпаров, кони рванулись, и всадники ускакали из аула.

Наутро оказалось, что спутником Каима была девушка.

— О аллах, что это такое? С кем я еду? — забеспокоилась девушка. Она достала из-за пазухи книжку-гадалку и заглянула в нее. В книжке было написано: «Это батыр по имени Каим. По воле аллаха ты будешь его суженой».

Тут же девушка натянула поводья.

— Эй, Каим, остановись!— воскликнула она.— Пора подкрепиться. — Они спешились и стали натягивать шатер. Вдруг раздался чей-то страшный раскатистый голос. Путники не обратили на это внимания и продолжали свое дело.

Этими землями владел хан Будур. Охранял их Черный дяу, которому одно ухо служило постелью, а другое покрывалом. Крика дяу боялись не только животные, но даже насекомые. Каим же с девушкой пробыли здесь четыре дня, и сколько ни кричал Черный дяу, они не обращали на него никакого внимания.

Вызвал к себе Будур-хан визирей и сказал:

— Черный дяу кричит уже четыре дня. Узнайте, что случилось с ним, он не дает людям покоя.

Приехали визири к дяу.

— Что с тобой случилось? Вот уже несколько дней ты кричишь и никому не даешь покоя.

— Сегодня четвертый день, как остановился на земле хана один мальчишка и не уезжает. При нем находится белая гончая, черный пес и беркут, с ними он выезжает на охоту. Жена остается дома. Сколько бы я ни кричал, он не боится,— ответил дяу.

— Надо донести хану,— сказал один из визирей.

— Нет, вначале надо узнать, потом донести хану,— сказал другой. И они поехали к шатру Каима.

Был полдень, Каим сидел в шатре.

— Эй, другом или врагом прибыл ты сюда? — обратились визири к мальчику.

— Спросите своего хана, что он желает — дружбу или вражду. Я готов на то и другое,— ответил Каим.

Визири вернулись к хану.

— Какой-то мальчик поселился на вашем угодье. Сколько дяу ни кричал, тот и ухом не повел. Мы поехали к нему и спросили: «Друг ты или враг?» Он ответил нам: «Сообщите своему хану, что я готов и к дружбе и к вражде, пусть выбирает сам». Вообще этот мальчик ничего не боится. И еще, таксыр, если бы вы видели его жену, красивее ее на свете не сыскать, а муж у нее совсем мальчик!— наперебой рассказывали визири.

— Скажите им, что мы будем друзьями, и перевезите их ближе к аулу! — повелел хан.

Каим с женой поселились возле ханского аула. Приехал к ним хан со своими нукерами и поздравил с новым поселением. Когда хан вернулся в свою орду, он созвал всех приближенных.

— Я влюбился в жену этого мальчика и хочу жениться на ней. Придумайте что-нибудь,— сказал хан собравшимся.

— Мой повелитель,— обратился к нему главный визирь. — В нашем ауле есть мыстан. Она сделает так, чтобы красавица стала вашей женой.

Вызвали мыстан. Подумала старуха и сказала хану:

— Напейтесь крови черной овечки, обильно изрыгайте ее и катайтесь по земле. Затем созовите народ и дайте мне проверить ваш пульс. Я скажу: «Болезнь очень опасная. Нужно найти молоко айбокена». Вы подготовьте людей.

Когда зададнте вопрос: «Кто иайдет молоко айбокеиа?», пусть оии как один закричат, что это под силу только Канму.

Зарезал хан черную овечку, напился ее крови, начал обнльио изрыгать ее и, скрутнвшнсь, безумио катался по земле. Созвалн весь народ. Когда все собрались, мыстан стала прощупывать пульс хаиа.

— От вашей болезин есть едииственное средство, это молоко айбокена,— сказала оиа хаиу.

— О люди, кто достанет молоко? — обратился главиый визирь к собравшимся.

— Найдет только Каим,— закричали все хором.

Хан пригласил к себе Каима и сказал:

— Ну, друг мой, жизиь моя, вндать, в твонх руках. Нккто, кроме тебя, ие добудет молока айбокена. Поезжай за ним.

— Пойду домой и подумаю,— ответил Канм. Он вериулся к себе и рассказал обо всем жеие. Взгляиула жеиа в киижку-гадалку и сказала:

— У хаиа есть белая кольчуга и белый меч, который складывается вдевятеро. На привязи стоит лысый вороиой тулпар. Попроси все это. Еслн даст, поезжай, а не даст — откажись.

Пришел Каим к хану н попросил все, что перечислила жена. Когда он назвал лысого вороного тулпара, хаи с радостью подумал: «Канм легко нашел свою смерть». Тот скакуи сбросил н раздавнл многих людей аула н потому был прнковаи цепью к вбитым в землю четырем кольям. «Как только Каим освободит коня, не успеет он сесть, как тулпар растопчет его»,— заключил хаи.

— Сходи и прнведн коня,— сказал хан. — Потом я выдам все остальное.

Хаи вызвал коиевода и приказал:

— Отдай этому человеку лысого вороного тулпара!

Услышалн это людн аула н собралнсь все. Коневод отомкнул дверь, а сам стал подсматрнвать в щель, через которую подавал коню корм. Только вошел Каим в конюшню, как лысый вороной заржал. Каим сорвал все цепи с иог коня, сделал нз пояса петлю, иакниул на шею н вывел тулпара во двор.

— Ой-бой, он достоин быть ханом! — восхищались собравшнеся.

Каим явился к хану, тот испугался и выдал мальчику остальное снаряжение.

Каим получил все необходимое для дороги и вернулся домой.

— Как только выедешь из дома, найди местность с хорошим пастбищем и дай коню возможность пятнадцать дней хорошо попастись. Только потом приступи к поиску айбокена,— посоветовала жена.

Каим двинулся в путь. По пути он на пятнадцать дней отпустил коня на отдых. После этого доехал до одной горы и взобрался на ее вершину. Неожиданно конь заговорил:

— Каим, взгляни по сторонам, что видишь вокруг?

— Кроме густорастущих сосен и берез, ничего не видно,— ответил Каим.

— Тогда послушай, что я тебе расскажу. Я был любимым конем такого же батыра, как ты. Хан послал того батыра за молоком айбокена. Тогда мы пришли и остановились точно на этом месте. Я не заметил, как подскочил айбокен. Я метнулся в сторону, но тот успел стащить с меня хозяина и тут же растерзал. Я спасся благодаря своей быстроте. Отомстить айбокену за хозяина не хватило моих сил, и я от злости начал убивать людей хана. Будь это дети или взрослые, я кусал, бил копытами и убивал без разбора. Меня поймали и приковали к четырем кольям в том железном сарае, откуда ты вызволил меня. Сегодня исполнилось тридцать три дня, как меня приковали. Вот что произошло со мною. А ты все же внимательнее посмотри по сторонам, не видно ли чего?

Каим посмотрел вокруг.

— На верхушке одного дерева в густом сосновом бору что-то белеет,— ответил он.

— Это и есть айбокен. Он хотел полететь на луну и расшибся. Сейчас он повис на дереве. Сук пронзил ему круп. Направь меня в его сторону и освободи поводья. Я буду скакать изо всех сил. Когда я поравняюсь с ним, ты переруби сук мечом. Айбокен рухнет на землю. Мы не будем возвращаться к нему — поскачем дальше. «Вернись, вернись!»— крикнет он тебе. Но ты не оглядывайся. Он позовет второй раз. И только когда взмолится он в третий раз: «Вернись, друг мой»,— тогда только пойди к нему. Перевяжи ему рану своей рубахой. Потом скажи, что тебе нужно,— сказал тулпар.

Каим едва успел обнажить свой меч — лысый вороной

тулпар уже был возле айбокена. Взмахнул Каим мечом — и айбокен рухнул на землю. «Вернись!» — тут же вскрикнул айбокен. Канм-батыр не обратнл на это внимания. Айбокен окликнул во второй раз. Каим скакал дальше. Он вернулся лишь тогда, когда тот крикнул в третий раз. Каим подскакал к айбокену, промыл и перевязал его рану рубахой.

— Ну, друг мой, что ты пожелаешь от меня? Я исполню твое желание, сделаю тебе все, что в моих силах,— обратился к батыру айбокен.

— Заболел наш хан, ему нужно молоко айбокена. Я ищу это молоко,— ответил Каим.

— Это нетрудно сделать. Я сейчас крикну, и сюда соберутся разные животные. Среди них будет и самка айбокена с шестью сосками. Она будет стоять головой на запад. Выступи вперед и взмахни кнутом. Она пойдет за тобой. Приедешь к хану, подои айбокена и напои своего хана. Если не захочет хан молока, погладь животное по лбу и скажи: «Разгромн аул хана». Тысячная армия не остановит ее. Всех уничтожит. А если послушается тебя хан, тогда погладь животное по груди и произнеси: «Возвращайся в свои горы». Не успеешь моргнуть, как она исчезнет. Когда у тебя будут другие дела, найдешь меня здесь.

Сказал так айбокен и крикнул три раза. Тут же начали сходиться со всех сторон разные животные. Самой последней прибыла самка айбокена длиной в четыре метра и остановилась головой на запад. Каим стал впереди нее, взмахнул кнутом и поехал — самка айбокена последовала за ним.

Приехал он в свой аул в тот же день.

— Ой-бой-бой, Каим раздобыл не только молоко — привел самого айбокена! — восхищались люди. Услышал об этом хан и затрясся от испуга.

Каим привел айбокена в ханскую ставку. Увидел хан айбокена и забегал по комнате.

— О дорогой Каим, прошло много времени, как ты уехал. Я принял разные лекарства и выздоровел. Не мучай теперь айбокена, отпусти его обратно,— затрепетал он.

— Возвращайся в свои горы,— сказал Каим и погладил грудь айбокена. Не успел он оглянуться, как айбокен уже исчез.

Хан снова вызвал к себе мыстан.

— На этот раз Каим вернулся невредимым. Что еще

можешь придумать. Нет мне жизни без нее. Как трава, иссыхаю я от любви. Возьми половину моего состояния, найди какой-нибудь выход, чтобы я мог жениться на ней,— умолял он ведьму.

— Есть еще один выход,— сказала мыстан. — Если даже тысячи жизней у Каима, он не вернется из этой поездки. Для этого вы должны снова напиться крови черной овечки и валяться на земле, изрыгая кровь. Соберите людей и дайте мне пощупать пульс. Тогда я скажу: «Ваша болезнь опасней первой, будете болеть длительное время. Нужно достать молоко морской коровы. Морская корова находится под охраной трех дяу по имени Ак-дяу, Кара-дяу и Кзылдяу. Между нами и теми дяу стоит шесть гор. На вершину Куз-тау не только человек, птица не сможет подняться. А дальше стоит гора Тас-тау. Там одни скалы, гладкие как зеркало. Даже горный тур сорвется с них, не говоря уже о человеке. А за ними лежит Кар-тау. Там день и ночь падает снег. Толщина снега достигает тысячи метров. Через них и подавно не перейти. Еще дальше находятся горы Муз-тау. Они скользкие и выше, чем все остальные. Самой быстрокрылой птице понадобится целый месяц, чтобы пролететь без отдыха от их подножия до вершин. За ними лежат горы Саз-тау. Стоит упасть маленькому камешку на их поверхность, они тут же втянут его в себя. И наконец встретятся горы От-тау. Не только человек, даже птица не перелетит через них. Пламя, поднимающееся от них, достигает самого солнца. Вот туда и посылайте врага своего. Как только Каим уедет, через несколько дней можете обвенчаться с его женой.

Напился хан крови черной овечки и стал кататься по земле. Собрался весь народ. Мыстан взялась за пульс: «Ой, ой, ой, сказать правду или нет?— и нарочно закатила глаза.

— О мудрая, говори все, не утаивай! — взмолился хан. Люди тоже поддержали его.

— Тогда я скажу вам все, не примите только близко к сердцу. Болезнь хана намного опаснее прошлой. Если даже найдется средство для лечения, он пролежит два-три месяца, а если не найдется, через три месяца умрет,— ответила мыстан.

— Какое же нужно ему лечение? — загалдели визири.

— Кроме молока морской коровы ничем другим нельзя вылечить его,— заключила мыстан.

— Ойбой,— обратились визири к собравшимся,— кто может найти ту морскую корову?

— Ее найдет Каим,— ответил кто-то, и все обратились к Каиму. — У нас говорят: «Рождаешься для себя, а страдать будешь за народ»,— сослужи эту службу, наш храбрый батыр.

Каим дал клятву раздобыть это молоко.

На следующий день Каим выехал на поиски морской коровы. Пусть он пока едет, а мы вернемся к хану.

Спустя три дня хан пригласил своих визирей и отправился за женой Каима. Жена Каима знала об этом давно. Она взяла свою книжку-гадалку, прочитала заклинание — и вокруг дома возникла крепость о девяти стенах.

Увидел это хан, собрал весь подвластный ему народ и приказал разрушить стены крепости. До вечера сумели разрушить только восемь стен. Последнюю решили разнести утром следующего дня. Глянули утром: снова возникло девять стен. И так каждый день. Разрушенные Будур-ханом стены возникали снова.

Вернемся к Каим-батыру.

Каим приехал к своему другу айбокену, рассказал все и попросил помощи.

— Помочь я ничем не могу,— ответил айбокен. — Та корова находится под присмотром дяу — Ак-дяу, Кзыл-дяу и Кара-дяу. Чтобы попасть туда, нужно преодолеть шесть гор. Даже птицы не могут перелететь через те горы. Выслушай, что я посоветую тебе. Посмотри, вон стоит байтерек, дотянувшийся до самого неба. На вершине его вьет гнездо самрук. Ежегодно могучий удав проглатывает ее птенцов. Если ты убьешь того удава и избавишь птенцов от смерти — кто не любит свое дитя? — птица доставит тебя куда захочешь. Ничего другого я не смогу придумать.

Подъехал Каим к высокому байтереку. Один лист этого дерева так велик, что вполне может служить навесом. Смотрит Каим: на вершине в гнезде сидят три птенца. Каждый из них с верблюда величиною. Перья у птенцов только начали пробиваться. Каим отпустил коня пастись и стал ждать удава. Ждал, ждал — не заметил, как задремал. Проснулся от страшного звука — это визжали птенцы. «Почему они так визжат?»— подумал он и стал оглядываться кругом. Вдруг видит: вверх по стволу ползет к птенцам огромный удав. Каим выхватил складывающийся вдевятеро белый меч и взмахнул им. Надвое рассек он голову

удава. Затем рассек на куски его туловище и сел отдохнуть.

Вдруг поднялся сильный ветер. Каим посмотрел по сторонам и увидел: летит огромная птица. Ветер был поднят взмахами крыльев птицы. Это и была самрук. Когда птица села на гнездо, дерево согнулось и едва не переломилось.

— Дети мои, я чувствую запах человека,— сказала она, подавая птенцам принесенную пищу.

— Кого бы вы хотели видеть — друга ли врага? — запищали птенцы.

— Сперва хотела бы увидеть врага,— ответила мать.

Птенцы показали на убитого удава. Птица вмиг проглотила удава.

— Теперь покажите мне друга,— сказала она.

— Выходи,— запищали птенцы Каиму. Когда Каим вышел из-за дерева, птица кинулась и хотела проглотить его. Птенцы схватили мать за горло и не дали проглотить Каима.

— Очень жаль, дети мои,— сказала мать, выпустив Каима. — Если бы я проглотила и обратно изрыгнула его, то у него была бы сила тысячи человек. А сейчас он обрел силу только ста человек. — Потом самрук расспросила Каима, куда и зачем он едет. Каим сказал, что он разыскивает молоко морской коровы.

— Это дело трудное, я не смогу достать тебе такого молока. Я могу только доставить тебя туда, а в остальном поступай, как можешь сам,— ответила ему птица.

— Хорошо, вы меня доставьте только туда,— согласился Каим.

— Тогда жди меня здесь две недели, я заготовлю детям пищу. Припасу также для нас сорок мес воды. На нашем пути лежит огненная гора, вода может нам пригодиться,— сказала птица.

Каим остался на месте, а птица улетела. Она два раза в неделю возвращалась в гнездо и заготовила детям пищу на целый месяц. Потом запаслась водой и на третьей неделе сказала Каиму:

— Ну, полетим.

Целый месяц летела самрук высоко-высоко в небе.

— Посмотри вниз, что видишь? — сказала однажды птица Каиму.

— Вижу землю величиной с потник,— ответил Каим.

— Мы летим низко,— сказала птица и взмыла еще выше. Так они летели еще несколько дней.

— Взгляни-ка еще раз вниз,— сказала самрук.

— Земля не больше ушка большой иглы,— ответил Каим.

— Закрой глаза,— сказала птица, и Каим зажмурил глаза.

— Теперь открой.

Каим открыл глаза и увидел: от сорока мес воды не осталось ни капли.

Птица приземлилась и сказала:

— Иди вдоль берега. Придешь к мосту. Перейдешь его и окажешься у дома Ак-дяу. Захвати с собой мое перо. Где бы ты ни ночевал, воткни перо около костра наискось к дому.

Самрук простилась с Каимом и поднялась в воздух. Каим сел на своего коня и приехал к большой белой юрте. В юрте сидела девочка пятнадцати-шестнадцати лет. Губы девочки были зажаты железным замком.

— Чья это юрта?— спросил Каим у девочки, сняв с ее губ зажимы.

— Эта юрта Ак-дяу,— ответила она.

— Где он сам?

— Ушел на охоту.

— Тогда я остановлюсь у вас,— сказал Каим и вошел в юрту. Там стояли одна саба кумыса и полный казан мяса.

— Подай мясо и кумыс,— сказал Каим девочке.

— Отец будет ругать меня,— ответила девочка.

Каим сам взял мясо и кумыс.

— Ешь,— обратился он к девочке.

— Отец будет ругать. Он зажал мне губы, чтобы я ничего не ела.

— Твой отец не вернется и ругать тебя не будет,— сказал батыр и дал девочке поесть.

— Какой дорогой возвращается твой отец? — спросил он.

— Вот этой,— указала девочка.

Каим поехал по той дороге. Въехал он в лес, привязал коня к дереву, а сам притаился в засаде. Прошло немного времени, впереди показался Ак-дяу. На руке его сидел беркут, следом бежала гончая. Беркут клекотал, собака выла, а кольчуга чуть ли не разрывалась на нем от натуги.

— Эй, проклятый пес, пусть твой вой погубит тебя самого, твой клекот, беркут, будет твоей же смертью, а ты,

кольчуга, чтобы одряхлела! Все мое тело содрогнулось, когда родился Каим!..

— Что я сделал тебе плохого?! — закричал Каим и выскочил из укрытия. Схватились оии насмерть. Долго бились. Наконец Каим подиял Ак-дяу иад головой и ударил о землю. Отрубил ему голову и поехал к его дому. Девочка увидела голову и заплакала, жалко ей было отца.

Каим поехал дальше и приехал к юрте Кара-дяу. Там было два казана мяса и две сабы кумыса. Дома была едииственная дочка. Он вошел в юрту и увидел, что губы девочки тоже зажаты. Он сломал зажимы, посадил девочку рядом, накормил и расспросил, какой дорогой возвращается ее отец. Потом поехал иавстречу. У Кара-дяу так же выла собака, клекотал беркут и разрывалась кольчуга.

— Эй, проклятый пес, пусть твой вой погубит тебя самого, твой клекот, беркут, будет твоей же смертью, а ты, кольчуга, чтобы одряхлела! Все мое тело вздрогнуло, когда родился Каим!.. — злился дяу.

— Что я сделал тебе плохого?! — крикнул Каим, и они схватились. Каим одолел дяу, отрубил голову, привез дочери и сказал:

— На, возьми, твой отец отправился туда, откуда больше не возвращаются!

Приехал он после того в юрту Кзыл-дяу. Там тоже сидела девочка с зажатым ртом.

— Ты чья? — спросил ее Каим.

Девочка объяснила, что оиа дочь Кзыл-дяу.

— Тогда дай кумыса,— сказал он. Здесь было три казана мяса и три сабы кумыса. Девочка подала.

— Сними зажимы с губ и садись со мной пить кумыс,— предложил ои ей.

Девочка ие отказывалась, как прежние, сама сняла зажимы и стала с Каимом пить кумыс.

— Скажите, вы Каим-батыр? — спросила она.

— Да, как ты узнала?

— У моего отца есть два брата. Когда они соберутся, говорят: «Нам смерть принесет только Каим-батыр. Все мы погибнем от его руки». И вот я чувствую, близок час моего дорогого отца. Ты будешь драться с иим семь дией и семь ночей. Потом из носа моего отца иачнут спускаться белый и красиый шелковые шиурки. Когда можно будет хорошенько ухватиться за иих, ты ухватись и вырви их. Оии и есть жизиь моего отца. Конечно, ты его победишь

и без этого. Но если эти шелковые шнурки достигнут земли, то ни опутают тебе ноги, и пока порвутся, ты будешь драться не меньше одного месяца. А отец мой возвращается по этой дороге, поезжай, выедешь ему навстречу.

Каим выехал на дорогу и слышит: так же воет собака, клекочет ловчий.

— Эй, проклятый пес, пусть твой вой погубит тебя самого, твой клекот, беркут, будет твоей же смертью, а ты, кольчуга, чтобы одряхлела! Все тело мое вздрогнуло, когда родился Каим,— ворчал дяу.

— Эй, дяу, что я тебе сделал недоброго?!— заорал Каим, выскочив из укрытня.

Они дрались отчаянно. Семь дней и семь ночей продолжалась их битва, и на восьмой день из носа Кзыл-дяу выступили на вершок белый и красный шелковые шнурки. Каим ловко ухватил их и вырвал. Кзыл-дяу грохнулся на землю. Каим отрубил его голову и привез дочери.

— На, это голова твоего отца,— сказал он.

— В скорой смерти отца я виновата сама, не то он пожил бы еще немного,— ответила девочка.

В доме Кзыл-дяу Каим нашел морскую корову. Он остался ночевать в доме Кзыл-дяу. Перо огромной самрук он воткнул возле огня.

— О, что я вижу, Каим вернулся! — услышал он наутро чей-то голос. Это была дочь Кара-дяу. На другой день Каим остался в доме Кара-дяу. Перо птицы он воткнул наискось у костра.

— О! Каим вернулся! — опять услышал он голос на следующее утро. Это была дочь Ак-дяу. Она сгоняла в кучу весь свой скот. Смотрит Каим и не верит глазам своим: он со скотом и дочерью Кара-дяу за ночь очутился у юрты Ак-дяу. Заночевал он на этот раз в юрте Ак-дяу. И опять воткнул перо птицы у огня... На четвертый день он очутился у своего дома. Обрадовалась жена, что муж жив и невредим.

Прилетела самрук.

— Ну, батыр мой, это все, чем я могла послужить тебе за спасение тобой моих детей. Не обижайся за малую услугу и освободи меня,— сказала птица. Каим поблагодарил птицу и распрощался с нею.

«Вернулся Каим и привез не только морскую корову, даже дочерей трех дяу»,— говорили всюду люди аула.

— О мой повелитель, по вашей воле я привез вам мор-

скую корову, можете даже съесть ее мясо,— доложил Каим хану.

— Дорогой мой, после твоего отъезда я принял разные снадобья и сейчас чувствую себя хорошо,— ответил хан. Потом он вызвал к себе мыстан.

— Этот дьявол опять вернулся, что еще можешь придумать? — напустился он на ведьму.

Долго думала мыстан.

— Ничего придумать не могу,— ответила она.

Хан тут же умер от разрыва сердца.

По просьбе людей Каим стал ханом.

Прошло сколько-то времени, и старшая жена Каима родила мальчика. Назвали его Арпалысом... На следующий год другие три жены тоже родили сыновей. Был устроен той на несколько дней.

Когда Арпалысу исполнилось шесть лет, он с сыном дочери Кара-дяу стал ходить на прогулку в горы. Отец подарил им одинаковые кольчуги и вооружение воинов. Когда Арпалыс брал в руки копье, на его наконечнике сверкала искра.

— Сын мой, пока что избегай встречи с противником. Искра на наконечнике твоего копья может погаснуть. Коль не послушаешься меня и затупится наконечник твоего копья, то опусти его в конский помет,— говорила мать.

Как-то Арпалыс с друзьями поднялся на гору. У подножия на другой стороне показался большой табун.

— Вы подождите здесь, а я поеду и узнаю, кто там обитает,— сказал Арпалыс своим друзьям и направился к лошадям. Пришел и видит: стоит много юрт. Из крайней большой юрты послышалось пение. Арпалыс подъехал к юрте, привязал лошадь к столбу, копье прислонил к юрте, вошел внутрь и приветствовал хозяев. В постели лежал на спине великан и напевал песню:

> Старец жалуется на поясницу,
> Я же силы свои хвалю.
> Я готов с любым батыром сразиться,
> Даже с войском — всех разгромлю.

Великан пел и не обратил никакого внимания на приветствие мальчика. Рассердился Арпалыс: «Если ты батыр, то посмотрю я на тебя!»— закричал он, выбежал на улицу, схватил копье, вскочил на коня и помчался к табуну великана.

Жена великана выбежала за ним, увидела, что он поскакал к табуну, и снова влетела в юрту.

— Напрасно ты не принял приветствие этого мальчика. Он не простой, а батыр. На наконечнике его копья сверкают искры. Сейчас он угонит лошадей. Только ты не сразу вступай с ним в поединок. Сперва пошли других воинов. Когда мальчик убьет нескольких из них, копье его затупится. Вот тогда ты вступи с ним в поединок. Иначе тебе не одолеть его,— сказала она мужу.

Арпалыс с ходу вспугнул большой косяк лошадей и погнал его. Табунщики видели это, но испугались Арпалыса и не посмели вступить с ним в бой. Но один из них расхрабрился и догнал Арпалыса.

— Эй, батыр!— крикнул он.— Хозяин этого табуна такой же батыр, как и ты. Его боевой конь среди этих лошадей. Оставь хотя бы его коня.

— Хорошо, забери коня,— сказал Арпалыс.

Мухортый конь был крупный, под стать своему хозяину. Пригнал табунщик коня и объяснил, что произошло. Рассердился великан.

— Пока я догоню вас, преграждайте ему путь! Если же вы его упустите, тогда я сперва расправлюсь с вами! — пригрозил он.

Все погнались за Арпалысом. Вслед за ними поскакал и сам великан.

Догнали табунщики мальчика. Всех их побил Арпалыс. А вот и сам великан. Ударил его Арпалыс, но его пика не смогла пронзить врага. Погасли искры. Арпалыс разогнал лошадь и с ходу воткнул копье в конский помет. Увидел это великан и повернул коня обратно. Догнал его Арпалыс, вонзил в него пику, и великан грохнулся на землю, как дерево, вырванное с корнями.

Арпалыс вернулся к друзьям, и они поехали в аул. По пути в одной лощине они увидели человека. Он шел, все время падая и вставая.

— Поезжай, узнай, кто этот бедняга,— сказал Арпалыс одному из друзей.

Скоро посланец вернулся.

— Там старик и старуха. Приветствовал я их, а они не ответили. Они что-то высматривают, потом падают и царапают землю. Я ничего не понял.

— Побудьте здесь, я сам поеду узнаю,— сказал Арпалыс и, взяв с собой сына дочери Кзыл-дяу — Аина, по-

скакал к старцам. Когда мальчики поклонились, старик резко поднял голову.

— Ой, мои милые, неужели это вы, если не сам Каим, то его дети? — сказал он и зарыдал. Это оказались отец и мать Каима, некогда отправившиеся за мышами. Посадили дети стариков на коней и поехали домой. Одного из братьев Арпалыс послал к Каиму.

— Скажи отцу, что я нашел деда, пусть отец захватит с собой кесе меду и выедет нам навстречу.

Получил Каим такое сообщение и подумал: «Что это значит, мой же сын повелевает мной!» Не понял он смысла слов Каима, но все-таки выехал навстречу с полной кесе меда. Со слезами радости повстречался он с отцом и матерью. Когда все успокоились, он спросил Арпалыса.

— Сын мой, почему твое послание ко мне было столь повелительного тона?

— Отец мой, ты великий хан. Узнав о родителях, ты выехал бы из аула со слезами на глазах. Что могли бы подумать люди о своем хане? Я хотел, чтобы ты был величавым, как всегда,— ответил сын.

Привез Каим родителей домой и устроил большой той.

Однажды его сыновья Касым и Есим вдвоем отправились в дальнее путешествие. Ехали они несколько месяцев и въехали в темный лес. На пути они встретили большие табуны лошадей. Кони паслись по масти: белые — в одном табуне, серые — в другом, саврасые и вороные — в третьем. Касыму и Есиму понравились табуны, и они решили угнать их в свой аул. Так и сделали. Вечером остановились на ночлег. Ночью пошел ливень, и они в поисках укрытия набрели на старый заброшенный там. Касым раньше Есима стреножил коня и вошел в там. Вверху кто-то бегал от одного угла к другому.

— Кто там, человек или шайтан? Если человек, то отзовись, если шайтан, то я сейчас же убью тебя!— заорал Касым-батыр.

— Я человек,— послышался дрожащий голос.

— Что ты здесь делаешь?

— Я расскажу тебе все,— ответил незнакомец. Подошел он к Касыму и сел возле него.— Я сын бая. Нас было трое. Наш отец угнал свой скот и сам скрылся. Оставил нас. Мы стали бедными и не знали, куда податься. Младший брат Каим тоже сбежал от нас. Бедняжка, не знаю, где его застала смерть. Мы со старшим братом нанялись пас-

тухами — я пас лошадей, а мой брат — коров. Бай решил сменить свое становище. И когда вчера мы проезжали через эту местность, из-за бугра выскочил человек на белоснежном коне и помчался за нами. Вслед за ним — другой, третий... и так сорок человек на белоснежных конях набросились на нас. Я упал с коня и притворился мертвым. Когда они уехали, я кое-как добрался до этого тама и скрылся здесь.

— Вы говорите, что Каим — сын убежавшего бая?— спросил Касым.

— Да, мой милый, но откуда ты его знаешь? — удивился незнакомец.

— Мы сыновья Каима,— ответили Касым и Есим. Тут они обняли друг друга и отправились в путь. В пути повстречали еще одного человека.

Это оказался старший брат Каима. После объятий и поцелуев к ним подошел какой-то старик.

— Дети мои, вы говорите о Каиме — сыне Алганбая?— спросил он.

— Да,— ответили ему.

— Ой-бой, сын мой, он еще жив! Когда я усыновил его, он женился на дочери хана Шигая и скрылся с нею,— сказал старик.— Вот это его вторая мать,— указал он на старуху, стоявшую в слезах.

Так через много лет вся семья собралась вместе.

БАТЫР АБАТ

Давно это было. Тогда у калмыков правил хан по имени Барби, а у казахов еще жив был Асанкайгы — заступник и страдалец народный.

Зависть грызла калмыцкого хана день и ночь. Во сне и наяву не давали ему покоя заливные луга и светлые воды казахской реки Нуры. Чудилось ему, что владеют этими богатствами не их вечные хозяева — казахи, а он, хан Барби. И стал он располагать кочевья своей орды на этих землях. Если встречал недовольство — убивал всяко-

го. Взроптали казахи: лучшие пастбища у захватчика! Да делать нечего: казахские богачи продались хану и пошли с ним заодно. Куда податься? Кому пожаловаться? В прежние времена за бедняков заступился бы умный и великий Асанкайгы, да стар он стал. Вспомнили тут бедняки, что у Асана есть сын — батыр по имени Абат. И отправились они к нему.

— Наши кочевья и воды захватили калмыки. Кто сопротивлялся — всех уничтожили. Богатые баи и беки нашли с калмыками общий язык. Лишенные средств для жизни и защиты, мы пришли за помощью к тебе.

— О родичи мои!— ответил им батыр Абат.— Пожалею ли я себя, если враг топчет родную землю, угнетает родной народ? Пойду посоветуюсь с отцом — он много видел, много знает.

Рассказал батыр Абат отцу о случившемся. Отвечает ему Асанкайгы:

— Сын мой, свет очей моих! Необдуманный поступок всегда кончается неудачей. Всякое дело надо прежде хорошо обдумать. Калмыков много, и они сильны. Не спеши с решением, я сам поеду в их стан, все разузнаю и разведаю.

Обрядился старый мудрец в одеяние бедного пастуха и отправился в лагерь калмыков. Стража доложила хану, что по всему стану бродит какой-то нищий старик. Он о многом расспрашивает, иа вопросы не отвечает. И повелел хан схватить непрошенного и привести во дворец. А надо сказать, что хаи Барби был не только жаден, но и горяч не в меру.

— Скажи, мерзавец!— закричал он на мудреца.— С какой целью ты бродишь среди моих людей, все высматриваешь и выспрашиваешь? Кто ты и кем ты подослан?

— Разве может быть страшен тебе, молодому и сильному, старик, отживший свой век? Не я мерзавец, а твои баи и беки — это они угнали мой скот. Следы скота привели меня сюда. Если ты и вправду справедливый хан, каким хочешь казаться, вели возвратить мою потерю.

Сразу поостыл от этих слов заиосчивый хан Барби.

— Я вижу, ты смелый и мудрый человек. Если следы твоего скота ведут сюда, разыщу твою потерю и велю с миром отпустить тебя. Но прежде ответь на мои вопросы:

— Кто в твоем народе самый сильный и храбрый, кто самый великодушный?

Отвечает ему Асан:

— Самый сильный у нас Абат, он храбрее и великодушнее всех.

— Кто у вас из мужчин самый неревнивый?

Отвечает Асан:

— Абат самый неревнивый изо всех мужчин.

— Кто у вас самый меткий стрелок? У кого самый зоркий глаз?

— Самый меткий Абат среди нас, глаз его самый зоркий.

— Кто у вас ближе всех и дороже народу? Если враг нападет, налетит как туча, кто защитит народ ваш?

— Абат ближе всех и дороже народу. Если враг налетит как туча, Абат-батыр первый встанет на защиту народа и родины.

— Хорошо,— сказал хан Барби.— На все вопросы ты отвечаешь одно и то же — «Абат». Кто ж он таков и чей сын он?

— Абат — сын Асанкайгы. Неспроста к имени Асана народ прибавил «кайгы» — «горе», «горемычный». Асанкайгы безраздельно переживает со своим народом все горе и невзгоды.

И ответил честолюбивый калмыцкий хан:

— Я доволен твоим ответом. Хотел бы я хоть раз взглянуть на этого батыра и испытать его. Таков ли он на самом деле, каким ты его славишь? Но для всего свой черед. Ты, старик, поезжай к себе. Скот твой велю найти и возвратить.

На прощанье хан подарил Асану коня и дорогой халат. Довольный, мудрец отправился в аул.

Хан Барби собрал визирей и беков на совет.

— Надо испытать батыра, которого так расхвалил этот старый казах. Вы должны придумать немедленно, как это сделать.

Первым заговорил старший визирь:

— О повелитель мой, я предлагаю снарядить сорок конных жигитов. Скрытно, ночью они должны напасть на табуны Абата. Если Абат и вправду храбрый батыр, он не будет скликать народ для защиты своих табунов. Батыр один выйдет против сорока. Тут его и надо схватить. Если Абат и вправду сильный, то он один отобьется от сорока. Тут жигиты должны рассказать ему обо всем и просить прощения. Если Абат и вправду великодушен — он не будет мстить побежденным и отпустит их домой.

Согласился хан со словами визиря. Отобрали калмыки сорок лучших жигитов. Хорошо вооруженные, сев на скакунов, направились они к аулу Абата. Двигались только ночью, днем скрывались в прибрежных камышах озер.

Каждый раз перед сном Абат объезжал свой аул вокруг. У его юрты всегда стоял наготове оседланный конь, оружие его всегда было в порядке. И на этот раз Абат объехал вокруг аула и лег спать. Но сон его был чутким. Сквозь дрему послышался ему конский топот со стороны табунов. Вооружившись и вскочив на коня, Абат помчался туда. Еще издалека он увидел, что сорок жигитов угоняют его табун. Спокойно Абат слез с коня, натуго затянул подпругу и снова верхом направился наперерез табуну.

Сорок жигитов-калмыков заметили Абата. С гиком и свистом пустились они к батыру. Абат не подпустил к себе ни одного, отразил атаки всех, сразил десятерых. Тридцать пленных калмыцких жигитов он пригнал в аул. Взмолились пленные о пощаде:

— Не враги мы тебе, а батыры, как ты. Приехали испытать твою храбрость и силу. Ты доказал их на деле. Так будь еще и великодушен: не унижай нас и отпусти.

И ответил калмыкам батыр Абат:

— Хорошо, отпускаю я вас. Поезжайте к своему хану и скажите, что мы, мирные казахи, живущие на всех этих огромных пространствах, никогда не были посмешищем для врага. Пусть хан подумает над этим. И передайте, что мы с ним еще встретимся.

Приехали калмыки домой, рассказали все. Подивился калмыцкий хан храбрости, силе и великодушию Абата. И решил он его испытать во второй раз.

По всей орде разослал хан Барби приказ: «Тому, кто в точности выполнит мою волю, я уплачу стоимость двух человек. Пусть доброволец явится ко мне сам».

Услыхал о приказе один бедняк. Жил он в безысходной нищете и не мог прокормить свою семью. Прикинул бедняк: все равно пропадать мне с семьею от голода. Если и не смогу выполнить ханский приказ — без сожаления пойду на плаху. А если посчастливится выполнить ханскую волю — получу стоимость двух человек. Как не радоваться! Это большие деньги, только они спасут детей моих от голодной смерти.

Пришел он к хану и сказал:

— Если уплатишь стоимость двух человек, то я готов исполнить твой приказ, о великий хан!

Хан выдал бедняку обещанное, нарядил его франтом, дал пару лошадей и наказывает:

— Поезжай в аул Абата. Выследи, когда его не будет дома, и ложись в постель рядом с его женой. Продолжай лежать и тогда, когда Абат вернется и увидит тебя. Как он поведет себя — об этом ты придешь и расскажешь точно.

Бедняк засомневался:

— О хан мой, если жена Абата живет с ним в любви и согласии, то она и близко не подпустит меня к себе!

— Что бы с тобою женщина ни делала, что бы ни говорила — не уходи. Ведь ты же согласился выполнить любой мой приказ! Как ты смеешь роптать?

«И то правда,— подумал бедняк.— Положить голову на плаху я всегда успею. Лучше доверюсь судьбе, поеду в аул Абата».

Ехал бедняк день, ехал два, на третий приехал в аул. Спрятавшись поблизости, стал наблюдать.

Абат по своему обыкновению объезжал перед сном вокруг аула. Вдруг в овраге он увидел пару привязанных коней, а у аула притаившегося мужчину. Когда Абат подъехал, калмык упал от страха на землю и закрыл лицо руками.

— Кто ты и откуда?— спросил Абат. Трясясь как в лихорадке, калмык рассказал всю правду, без утайки.

— Ради своих голодных детей я решил испытать судьбу. Кажется, она меня подвела. Теперь я в твоей воле. Вот моя голова — можешь казнить меня.

— Побереги свою голову, бедняга, для другого случая. А теперь договоримся с тобою о дружбе. Я очень обижен на этого самого Абата,— схитрил батыр.— Идем со мною, я знаю, где он живет. Его сейчас нет дома, слышно, батыр отправился в набег. Я помогу тебе одурачить его.

Привел Абат калмыка к своей юрте. Калмык взмолился:

— Зайдите первым, не губите меня.— Абат вошел в дом, снял доспехи, возвратился и говорит калмыку:

— Можешь входить: в юрте никого нет, и жена Абата как раз легла спать.

Калмык пошел в юрту, но не успел войти, как споткнулся о нарочно подставленные Абатом таз и ведро. От их грохота проснулись все домашние. Перепуганный калмык

бросился удирать. Вдогонку ему зло залаяли собаки, от их лая проснулся весь аул. Люди заметили убегавшего калмыка, поймали и привели к Абату.

— Ну и труслив же ты, бедняга! Заяц храбрее тебя. И такого труса хан послал, чтобы опозорить меня, батыра Абата! Передай своему хану, пусть не беснуется. Если хочет потягаться со мною, пусть вызывает на честный бой, как батыр батыра.

Калмык вернулся к хану и рассказал ему обо всем увиденном и услышанном.

И послал хан Барби своих гонцов к батыру Абату с богатыми дарами и приглашением в гости.

Посоветовавшись с отцом, Абат принял от хана и дары и приглашение. Захватив с собою пять сотен жигитов — верных товарищей своих,— отправился Абат в ставку хана на озеро Кабанье, близ реки Нуры. С почестями встретил их калмыцкий хан. Он велел поставить сто белоснежных юрт и разместить в них гостей. Так делал хан Барби, чтобы подружиться с Абатом и переманить батыра на свою сторону...

Все знали, что хан Барби был страстным охотником. Но всякий раз, как только хан выезжал на охоту и пускал на зверя своего беркута, из темного ущелья окрестных гор вылетала какая-то диковинная желтая птица. Она нападала на ханских ловчих и клювом в голову убивала их. Хан был метким стрелком и мог бы подстрелить эту хищницу, но ему хотелось поймать ее живьем. И решил он поручить это своему почетному гостю — батыру Абату, чтобы заодно и испытать, так ли меток Абат и зорок его взгляд, как об этом говорил когда-то Асанкайгы. С этой целью приглашает он Абата на охоту. Батыр согласился и велел оседлать своего любимого иноходца Таспу.

С ханом Барби на охоту
Поехал батыр Абат,
Под ним — гнедой иноходец,
За ним — небольшой отряд.
Он знает, каких жигитов
Брать на охоту с собой:
В меткой стрельбе из лука
Ему не уступит любой.
И хан не один, конечно,
С ним тоже дружки-стрелки,

И беркут, готовый в небо
Сорваться с его руки.
Скачут все вместе, и ноздри
Вспотевших коней дрожат.
К горным дорогам привычны
И тот и другой отряд.
Хан — бывалый охотник,
Рассказывать не устает
Про разные приключенья,
И редко когда соврет:
— Охотился я однажды
Вот в этих самых горах.
Был беркут со мной, что мог бы
Нагнать и на волка страх.
Лишь только на холм поднялся,
Вот тот, что травой зарос,
Так сразу же их увидел —
Пасущихся диких коз.
Рукою подать — так близко.
Восторг охватил меня.
Я беркута отпускаю,
Пришпориваю коня.
Уж беркут добычу выбрал,
Вниз камнем летит... как вдруг
Послышался, нарастая,
Какой-то свистящий звук.
Гляжу: то желтая птица
Вылетела из-за скал
(Я даже во сне такую
Не видел и не слыхал),
Как будто стрела пронзила
Небесную синеву...
И,— с головою пробитой,
Мой беркут упал в траву...
С тех пор эта желтая птица,
Горный обживши край,
Следит за моей охотой —
Хоть беркутов не пускай.
Не птица — чудо из сказки,
Никак не могу понять.
Поймать бы ее живою,
Да, видно, не мне поймать.
Ведь птица летит так быстро —

Едва поспевает взгляд...
Про меткость твою из лука
Я слышал, батыр Абат.
Берись-ка поймать — и, если
Удача выпадет нам,
В награду все, что попросишь,
Я непременно отдам...
Хан не успел похвалиться
Своим несметным добром —
Козы, почуя опасность,
Бросились прочь табуном.
Охотники — вслед за ними,
Крича и толкаясь... как вдруг
Послышался, нарастая,
Все тот же свистящий звук.
И ханова — не другого —
Сбив беркута на лету,
Желтая птица спокойно
Вновь набрала высоту.
— Стреляй же!— батыру Абату
Хан Барби говорит.—
Стреляй в нее поскорее,
Не то она улетит.
— Во что стрелять?— уточняет
Батыр, поднимая лук,
И слушает, как затихает
Крыльев свистящий звук.
— Стреляй по крылу любому,
Стреляй, но один лишь раз.
И если желтую птицу
Живою возьмем сейчас,
То клятву свою сдержу я,
Достойно воздам хвалу...
— Согласен!— батыр ответил
И тут же пустил стрелу.
И что же? Внезапно крыльев
Прервался далекий свист,
И птица вниз упала,
Словно осенний лист.
Нашли ее на вершине,
Где не росла и трава,
Стрелой лишь крыло задето,
Сама же она — жива.

— Слава!— вскричали калмыки,
И хан, восторг не тая,
Сказал:
— В подобную меткость,
Признаться, не верил я.
Но если словам не верил —
Поверю своим глазам.
По подвигу и награда:
Все, что попросишь, отдам!

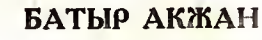
Батыр Абат напомнил обещание хана:

— Ты возвратишь казахам нечестно захваченные тобою земли нашего края, реки Иргиз и Тургай и все их притоки, земли между Волгой и Уралом и степи Сары-Арки.

Хан Барби круто повернул коня и собрался уезжать.

— Даю тебе, хан, на раздумье три дня,— сказал батыр Абат.— Ответа твоего буду ждать вон на той вершине Холма трех быков.

В народе не напрасно говорят, что с тех пор калмыки больше не кочевали по земле казахской.

БАТЫР АКЖАН

Жил бай. Владел он большими стадами разного скота. Что ни год, то множились стада бая, и все труднее стало присматривать за ними: то птицы и звери нападут, то вор появится и угонит косяк лошадей.

И вот как-то осенью, когда по утрам степь стала седеть от инея, загоревал бай: «Приближается долгая зима. Как уберечь стада от лютых холодов, зубов хищников и завистливых людей?» И надумал бай поискать в степи опытного табунщика, смелого и меткого стрелка, кому можно было бы доверить табуны.

Был в степи такой казах, известный табунщик, батыр и меткий стрелок Акжан, у которого только и было богатства что гнедой конь. Приезжает к нему бай и умоляет:

— У меня шесть табунов лошадей. Если они благополучно перезимуют, один табун будет твой.

Что батыру воры и хищники! Согласился Акжан и попросил бая дать ему в помощники пять человек. Выделил бай пять человек — один из них был брат бая.

Выбрал Акжан сочные пастбища. Табунщики поставили в затиши шестикрылую юрту, чтобы готовить здесь пищу и отдыхать по очереди.

За днями проходят дни, за месяцами — месяцы. Никто не увел ни одного коня, ни один зверь не полакомился кониной.

Однажды Акжан, как обычно, отсылает табунщиков отдохнуть и остается с табунами один. Табунщики развели огонь, приготовили пищу, подкрепились, отдохнули. Пора было ехать к табунам, дать отдых батыру. Брат бая, разомлев в тепле после сытной пищи, заупрямился, не захотел ехать к табунам и лег спать. Табунщики не стали с ним спорить, сели на коней и уехали.

Скоро к юрте подъехал Акжан.

Смотрит Акжан: юрта странно приподнята над землей. Подъехал батыр ближе — внутри сидит огромное одноглазое чудовище — дяу и жарит на огне байского брата. Батыр не испугался: он вошел в юрту и выстрелил прямо в глаз великана. Дяу взревел от боли, вскочил и бросился наутек, унося на себе юрту. Акжан на коне преследовал дяу. Долго шла погоня, наконец страшилище скрылось в огромной пещере.

Батыр спешился и вошел в пещеру. Осмотрелся он и увидел дяу. Тот был мертв. Забрал Акжан юрту и вернулся к табунам.

— Я должен поехать в аул и рассказать баю о случившемся,— сказал батыр табунщикам, попрощался с ними и поехал.

До аула было три дня пути. Весь день ехал Акжан, к вечеру заехал в один аул, чтобы переночевать. В юрту, где остановился Акжан, вошел незнакомый человек. Поговорив о том о сем, он ушел, спросив почему-то у хозяев, где они постелят своему гостю. Хозяева недоумевали, зачем это нужно незнакомцу, но Акжан догадался, что братья убитого им дяу хотят отомстить ему. «Держись, Акжан, ночью тебе предстоит бой!»

Батыр положил на свою постель бревно, укрыл его своим чапаном, а сам спрятался в овраге около юрты и стал

ждать. Глубокой ночью вдруг прилетела огромная птнца, опустилась у дверей юрты и превратнлась в огромного человека. Это был дяу. Дяу вошел в юрту, но тут же вышел, волоча за собой бревно. Акжан выстрелил из лука, великан взвизгнул и побежал, увлекая бревно. Акжан сел на коня, поехал по следу дяу и нашел его мертвым.

С рассветом батыр продолжал путь н опять остановился на ночлег в чужом ауле. Здесь точь-в-точь повторился случай с дяу, Акжан убил и этого.

На третий день батыр добрался до своего аула, рассказал людям о поединке с тремя дяу, а баю поведал о смерти его брата. Бай очень горевал, да что делать — мертвые не воскресают от слез. Устроил бай в честь батыра Акжана богатый той, на котором гуляли все люди аула.

БАТЫР НАУША

Батыр Науша был выходец нз богатого двенадцатиколенного Малого жуза. Науша рано остался сиротой и долго был беспризорным, пока не подобрал его один бай из рода Алим.

Богатый был этот бай. Одних только лошадей у него было несколько сотен, а другого скота он и счету не знал. Год от года множились стада бая, и одна только беда была у него: время от времени нападалн на табуны воры и угонялн скот, особенно лошадей.

Распалилось от гнева на воров сердце маленького батыра, и вот однажды он обращается к своему приемному отцу:

— Отец, разрешнте мне пасти лошадей. Помощников не надо — и один управлюсь.

Растрогался бай:

— Сын мой! Разве ты сможешь одолеть опытных воров. Эти злодеи убивают табунщиков — взрослых мужчин. Где уж тебе, ребенку, справиться с ними?!

Но Науша стоял на своем, и бай уступил.

Обрадованный первым успехом Науша тайно от отца

заказал восьмивершковую камчу из двенадцати ремней и айбалта.

Самый лучший скакун из табуна отца стал конем маленького батыра. Прикрепил мальчик балта между седлом и домброй, взял в руки камчу и, оставив всех табунщиков дома, выехал в ночное.

Не сходя с коня, объезжает маленький батыр табуны, чутко прислушиваясь к темноте. Наступила глубокая ночь. Вдруг забеспокоились лошади — помчался мальчик на шум и видит: три вора делят табун на части. Закричал Науша, но на него даже внимания не обратили. Погнали воры табуны — заплакал мальчик и — за ними:

— Братцы, не угоняйте моих лошадей. Не пользуйтесь тем, что я мал.

Лишь смех в ответ. Разгневался маленький батыр, настиг он двух воров, ехавших рядом позади табунов, и сильными ударами камчи сбил их с коней. Третий вор бросился наутек, но мальчик и его настиг и сбил с коня. Собрал он вместе всех лошадей, прихватил коней воров и приехал домой. Вместе с табунами пригнал он и воров, окровавленных, связанных одним арканом.

Восторженно встречали аулчане маленького героя. А бай на радостях устроил богатый той. С этого времени ни у бая, ни у его соседей не стали пропадать лошади. Возликовали казахи — появился у них наконец защитник, и среди родов Алимулы и Байулы стали называть храброго мальчика батыром.

Прошло сколько-то лет — подрос Науша и затосковал по родным краям. Просит он отца отпустить его на родину.

Жаль баю расставаться с отважным джигитом, но разве удержишь человека силой? Раз задумал Науша уехать,— рано или поздно уедет. Отпустить его лучше добром.

Согласился бай и решил наделить джигита лошадьми и богатством, чтобы помнил он своего приемного отца. Но ничего не захотел брать Науша. Попросил он только двух верблюдов для переезда, двух коров и двух помощников. Еще он сказал отцу, что хочет взять одного коня из табуна.

— Бери самого лучшего скакуна,— сказал бай.

Пришли вечером Науша с баем к табунам. Науша и говорит:

— Отец, я лягу спать. Ночью ко мне подойдет конь и

обнюхает со всех сторон. Вы запомните этого коня — он будет моим.

Лег Науша, а бай остался в седле. Глубокой ночью подошла к Науше трехлетняя серая кобылица, тощая, облезлая, обнюхала юношу со всех сторон и осталась около него до утра. Науша проснулся утром и заявил, что его лошадь пришла к нему.

— Зачем тебе эта паршивая кобылица? Любая другая лучше этой,— недоумевал бай.

— Нет, отец. Эту серую я приметил еще жеребенком. Не хочу другой.

Бай приготовил все, что хотел подарить Науше: табун лошадей, сотню овец, двух коров, двух верблюдов и двух помощников. Проводил он сына до Урала и со слезами на глазах благословил в путь.

С родом Алим граничил другой род, где жил батыр Силыбай. Огромного роста, толстый, сильный, Силыбай был непобедим в этих краях. Был он чванлив и горд не в меру. Его раздражали разговоры о каком-то там низкорослом, ничем не примечательным с виду Науше. Люто возненавидел Силыбай своего соперника и готов был помериться с ним силами, чтобы навсегда закрыть рты людям, восхищавшимся храбростью маленького батыра. Науша знал о настроении Силыбая и готовился к встрече с ним.

Любил народ своих батыров, гордился ими. И больно было ему знать, что Силыбай не признает своего маленького брата. Собрались однажды аксакалы двух родов и стали думать, как бы подружить им жигитов. И решили они устроить богатый той, пригласить на него батыров и познакомить их. При первой встрече они не посмеют драться, скорее всего подружатся.

И вот уже все приготовления к тою закончены. Силыбай приехал раньше Науши и после взаимных приветствий расположился в отведенной для него юрте. Наушу тоже встретили с почетом и привели в юрту Силыбая.

— Силеке,— обратились аксакалы к батыру,— ваш младший брат Науша пришел отдать вам салем.

Но Силыбай как лежал, вытянувшись во весь свой могучий рост, так и остался лежать, только голову слегка приподнял.

— Казахи часто не могут отличить настоящего батыра от обыкновенного жигита,— брезгливо бросил Силыбай.—

А этот и на человека-то едва похож. Есть кому подавать руку.

— Эй, Силыбай!— обиделся Науша.— Не слишком ли много берешь на себя? Не быть мне батыром, если будущей весной я не оставлю от тебя мокрого места.— Оскорбленный батыр выбежал из юрты, кликнул своих жигитов, вскочил на коня, и скоро только облако пыли заклубилось вдали.

Шли дни за днями. На смену лету пришла зима, после долгой зимы наступила весна.

Силыбай со своими жигитами перешел Урал и разорил род Байулы. Науша был в отлучке и не мог помешать разбойникам. Но когда до батыра дошел слух о постигшей его родичей беде, он собрал своих верных жигитов и помчался вдогонку врагам. Уверенный в своей силе, Силыбай не торопился. Он гордо восседал на белом скакуне, сам одетый во все белое. Сабля его с белым флажком на конце была наготове.

«Ишь, какой самоуверенный наглец»,— подумал Науша и приказал своим жигитам быть осторожными, не проливать безрассудно кровь.

— Если случится так, что Силыбай одолеет меня, вы, не мешкая, уходите,— наказывал он друзьям.— Если же я сшибу Силыбая, вы бросайтесь на его людей.

Гикнув громко, Науша во весь дух ринулся на Силыбая. Не сбавляя хода, он промчался мимо невозмутимо сидящего на своем коне Силыбая, и враг поскакал следом за ним. Что есть силы скакали лошади батыров, и когда Силыбай стал настигать своего соперника, тот неожиданно резко повернул коня и помчался навстречу противнику. Силыбай не растерялся и принял лобовой бой. Он взмахнул для сокрушительного удара саблей, но Науша ловко сломал рукоять его сабли и вонзил пику в висок противника. Силыбай тяжело рухнул на землю.

Увидев гибель своего батыра, люди Силыбая бросились наутек. Не стали преследовать их жигиты Науши, они собрали весь скот, богатство и вернулись домой.

* * *

На западной стороне земель рода Байулы были две долины с прекрасным водопоем — озерами Шандыкол и Тамдыкол. И вот возле этих озер на высоком холме по-

селился дракон. Не стало житья людям. Дракон поедал всех, кто появлялся у озер,— и скот и людей. Задумали люди откочевать из этих мест, но на выручку пришел Науша. Он дал слово батыра избавить народ от страшного чудовища. Взял он саблю и отправился к дракону. Жигиты видели, как он пошел на дракона, взмахнул саблей. Дракон взметнул хвост. Какое-то время не было видно ни батыра, ни дракона. Но вот показался Науша и медленно, еле волоча ноги, направился к жигитам. Все бросились к батыру, подхватили его на руки. Науша был очень бледен. Когда он несколько оправился, то рассказал:

— Я отрубил голову страшилищу, но он в предсмертных судорогах задел меня хвостом, и я потерял сознание. Когда очнулся, то увидел, что лежу под хвостом дракона. Я с трудом высвободился — такой он большой и тяжелый. Скажите родичам, пусть остаются на местах — дракона уже нет.

Народ горячо благодарил своего славного батыра.

ТЕЛЬКОНУР

татным и ловким красавцем рос жигит Мардан. Но поскупилась жизнь на его счастье. Щедра была она лишь на черные дни, лишения, беды и обиды, потому что беден был жигит и одинок. Богатые родичи, как чужого, стороной обходили Мардана при встрече, труд же его считали своим и забывали платить.

«Чем в родном краю горе мыкать, поеду по белу свету счастья искать»,— решил бедняк. Пошел он в табуны самого богатого своего родича и поймал там лучшего скакуна — конь серый в яблоках, шерсть лоснится, как бархат, глаза горят, копыта выбивают огонь из земли. Серый на всех бегах брал первую награду... На нем и отправился Мардан в неведомые края.

Ехал он не спеша, на пути не встретил ни жилья, ни человека. Лишь на пятнадцатый день заметил вдалеке незнакомый аул. Приехал туда Мардан и попал прямо на байгу. Хозяева предложили гостю участвовать в бегах, пока-

зать, на что способен он и его конь. Жигит согласился и пришел на своем Сером первым. Аксакалы с почестями предложили победителю награду: верблюда и дорогой ковер. А молодые жигиты держались на отшибе и косились в сторону Мардана. Приглядывались они не столько к нему самому, сколько к его коню. Понял Мардан, что попал в аул конокрадов и несдобровать теперь ни ему, ни его Серому. И пустился жигит на хитрость.

— Не нуждаюсь я ни в ковре, ни в верблюде,— заявил он присутствующим.—Ведь я родственник самого Субебая.

Все знают в округе влиятельного Субебая — он никому не простит обиды своего родича. И отпустили Мардана из аула с миром: не тронули ни его самого, ни коня его. Да еще на прощание наполнили гостю переметную суму — коржун — золотыми и серебряными монетами. Ехал дальше Мардан, посвистывал. Заехал он на ярмарку, купил там дорогую красивую одежду, приоделся и стал краше прежнего.

Ехал жигит не спеша и на пятнадцатый день приехал в аул прославленного на всю степь богатого бая Субебая.

Увидав Мардана, спросил Субебай, кто он, откуда и куда едет. Ничего не скрыл жигит, рассказал все как есть.

— Я одинокий бедняк, уехал из родных мест на коне родственника. В ауле, за пятнадцать дней пути отсюда, была байга, я обогнал всех. Тут позарились нечестные люди на скакуна моего, не пойми я их замысла вовремя — несдобровать нам с конем. Спасся лишь тем, что назвался твоим родичем, достопочтенный Субебай.

Баю пришлись по душе и ловкость и находчивость Мардана, и повел он такие речи:

— Что бы ты спросил с меня, жигит, если бы я предложил тебе быть моим старшим табунщиком сроком на пять лет?

— Зачем спешить с ответом. Пять лет — срок немалый,— отвечает разумный Мардан.— Сначала поедем к твоим табунам, там я познакомлюсь с твоими табунщиками, коней посмотрю. Тогда и ответ дам тебе, Субебай.

— Хорошо,— согласился бай. Как решили, так и сделали: на рассвете поехали к табунам, через сутки были уже на месте.

Поздоровавшись с гостями, табунщики стали прогонять перед ними коней.

Время клонилось к вечеру, а табунам Субебая не было

конца. Вдруг Мардан заметил жеребенка, который по очереди сосал двух маток. Ему, верно, не было и году, а выглядел он как двухгодовалый. Мардан попросил поймать Тельконура[1] и привести к нему. Когда табунщики это сделали, обратился Мардан к Субебаю:

— Вот за этого сосунка, бай, я буду работать у тебя два года.

— Что попросишь за остальные три?

— Не будем вперед загадывать, достопочтенный Субебай. Всему свое время,— ответил жигит. Бай подумал и согласился. В честь сговора приказал он зарезать самого жирного годовалого жеребенка и приготовить из него бесбармак.

На ужин созвал Субебай всех своих табунщиков и сказал им:

— Я первый хозяин этим табунам, Мардан — второй. Я назначаю его старшим над вами — слушайтесь и не прекословьте.

Когда пиала с ароматным кумысом прошла один раз по кругу, стали все просить Мардана отдать им «дань гостя», как этого требовал обычай. По своему желанию гость должен был или спеть песню, или сыграть на домбре, или рассказать интересную историю. Иначе хозяева придумывали гостю наказание.

Мардан как будто только и ждал просьбы хозяев. Мигом он сходил за Тельконуром и привязал его за вбитый поблизости от очага колышек. Из коржуна вытащил самодельную дудочку, уселся поудобнее в кругу пастухов и заиграл.

Не смеет шелохнуться Субебай, на полуслове замерли пастухи, травы приникли к земле, месяц выглянул из-за туч, ярче вспыхнул костер над казаном, недопитым стоит ароматный кумыс, дымится в пиалах мясо жеребенка. Трели, одна напевнее другой, сменяли друг друга, и казалось, что это не жигит играет на дудке в кругу пастухов, а с неба льются причудливые, еще никем никогда не слыханные звуки.

Тельконур насторожился, поднял голову, спину выпрямил, изогнул шею дугой и вдруг плавно пошел под музыку!

— Что за чудо!— не сдержали тут своего удивления

[1] Тельконур — бурый жеребенок, сосущий двух маток.

табунщики.— Первый раз вижу, чтобы конь так подчинялся власти музыки. Да он же пляшет!

— Не всякий конь любит музыку и понимает ее, как этот. Телконур как раз тот конь, который мне и нужен. Вы помогли мне проверить его. Отныне нет для меня вернее друга, чем Телконур,— сказал Мардан.

— Свет мой,— обратился к жигиту растроганный Субебай.— Почему ты не сказал мне раньше, что владеешь таким мастерством. Не табунщиком бы тебе быть, а учителем. Четырнадцатую весну встречает моя дочь Кенжетай, смышленее и милее ее нет никого у нас в роду. Научи, жигит, мою единственную своему дивному искусству. Наезжай иногда к нам в аул, доставь нам с Кенжетай удовольствие.

— Хорошо,— согласился Мардан. Он прополоскал свою дудочку водой и положил на место.

Через несколько дней приехал жигит в аул бая. Кенжетай с нетерпением ждала «волшебного музыканта», так назвал его отец. Не успел Мардан приветствовать хозяев, как Кенжетай уже просила его сыграть на свирели.

Усадили Мардана на самое почетное место, и заиграл он веселую музыку. По солнышку зажглось в глазах Кенжетай, лучами засветился ее ясный взор, сидела девочка как зачарованная.

С тех пор Мардан стал часто навещать аул, и через два года Кенжетай постигла мудрость его науки, а через год, на семнадцатую свою весну,— превзошла в музыкальном искусстве своего учителя.

Надо сказать, что познали молодые люди не только тайну искусства, но и еще одну, более сокровенную. Жигит и девушка полюбили друг друга всей душой, но боялись в этом признаться даже самим себе.

В честь восемнадцатой весны дочери Субебай устроил богатый той. Именинница на нем пленила взор всех людей своей красотой, слух — волшебной игрой на свирели. Все поздравляли ее и возносили хвалу, Мардан преподнес Кенжетай свою самодельную дудку.

Пришла и девятнадцатая весна Кенжетай... Степь, как яркий ковер, цвела желтыми и красными тюльпанами. Краше цветов была в степи Кенжетай. Призвал в этот год Субебай к себе Мардана и сказал ему:

— Срок твоей службы истек, жигит. Говори свою просьбу: что ты хочешь с меня за неоплаченные три года?

— Не надо мне, бай, никакой с тебя платы. Жил я у тебя неплохо, доволен и этим.

— Сам аллах послал тебя ко мне. Растрогал ты мою душу, и поступлю я с тобой по-отцовски. Поезжай по белому свету, ищи себе невесту по нраву. Я обещаю за нее выплатить любой калым, сколько бы табунов ни запросили. Еще построю тебе дом, и чтобы был он не только твоим, но и домом твоей названой сестры Кенжетай. В любое время, когда ей захочется, пусть живет Кенжетай у тебя.

И собрался Мардан в путь, искать невесту. Перед дорогой зашел он попрощаться с Кенжетай.

— Кого ты едешь искать, жигит?— спросила его девушка.— Разве сердце не подсказывает тебе, кто твоя избранная? Никуда не отпущу тебя, Мардан!

— Опомнись, душа моя,— взмолился жигит.— Закон сильнее нас. Разве твой богатый отец согласится выдать за меня, своего батрака, тебя — единственную дочь свою?

— Был бы ты согласен, отца не будем просить об этом. Я убегу с тобою из дому тайно хоть на край света.

— Не за себя страшусь, за тебя, Кенжетай: поймают нас — растерзают, как кровожадные шакалы.

— Мне не страшна с любимым и смерть, страшнее — жить без тебя. Кто нас может поймать, если ты сядешь на Телконура, а я на гнедого скакуна отца? Нет еще таких быстрых коней в округе.

— Если ты говоришь так, радость моя, Кенжетай, буду ли я перечить? Поеду первым, чтобы отвести подозрение. Остановлюсь у озера Дайык. Дико там и пустынно, но для нас страшнее зверя сейчас — лихой человек. На берегу озера буду ждать тебя, моя нареченная.— Так сказал Мардан и поехал, весь сияя от радости. Не верилось ему, бедняге, что пришло и к нему счастье, которое он так долго искал. Через сутки он был на берегу озера Дайык. Расседлал Телконура, пустил пастись. Сам же прилег отдохнуть. Сквозь сон услышал Мардан ржанье коня, открыл глаза — рядом Кенжетай на Гнедом.

— Не будем мешкать, отправимся дальше, как бы не настигли нас люди отца, дома теперь обо всем догадались,— торопит девушка жигита. И поскакали они вдоль озера Дайык искать брод, чтобы переправиться на другой берег.

Но броду не было, не было даже удобного спуска к воде. Всадники остановились на высоком яру. Впереди, с той

стороны озера, слышалось грозное рычанье тигра, уханье дикого кабана... Обернулась назад Кенжетай — вьется в степи облако пыли.

— Нас заметили!— вскричала девушка.— Чем попасть в руки наймитов отца — лучше погибнуть в волнах озера. Дорогой мой, выбора нет. Доверимся коням, пустим их вплавь.— Подхлестнул Тельконура Мардан, подчинился хозяину конь — прямо с обрыва бросился в синие волны Дайыка и поплыл к другому берегу. Как ни билась со своим конем Кенжетай, ничего не могла поделать: страшился Гнедой воды. Тут послышалось ржанье коней преследователей. Услышал родные голоса Гнедой — вот-вот повернет им навстречу. Только на мгновенье растерялась Кенжетай, соскочила она с седла и с яра прыгнула прямо на коня Мардана. Тельконур только сильнее фыркнул и пошел вперед, будто не вода была под ним, а родная степь.

— Стреляйте из лука!— услышали беглецы позади себя грозный крик Субебая.

Стрелы засвистели над головами, фонтанами вздымали воду, но, словно заколдованные, девушка и жигит оставались невредимы. Наконец выстрелы прекратились — Субебай понял бесцельность стрельбы и приказал прекратить ее.

— Все равно,— сказал он своим сподручным,— леса и горы на том берегу кишат дикими зверями и змеями... Нечестивцы сполна заплатят за мой позор — звери растерзают их. Вы, мои верные слуги, должны поведать об этом народу, чтобы людская молва не поносила попусту мое имя: «Мол, дочь Субебая сбежала с его батраком». Раскинем шатры, расседлаем коней, дадим им отдых и сами подкрепимся ужином и сном.

Поставили слуги Субебая для него юрту, разожгли костры и отправились кто ловить рыбу, кто стрелять дичь. Рыбы в озере было столько, что оно кипело, как казан с ухой. Дичи в лесу было столько, что он казался райским: на каждой ветке сидели птицы, внизу пробегали никогда не пуганные охотником косули и олени.

Конюхи купали лошадей, спутав, отпускали их пастись по шелковой траве. Лишь Гнедой не давал себя поймать, отбегал в сторону нерасседланный... Время клонилось к полуночи, когда после ужина люди улеглись отдохнуть. Все угомонилось. Не плеснет рыба, не вскрикнет птица, не хрустнет ветка под ногой чуткого оленя. Только с другого

берега стали слышнее истошные крики гиен и вой голодных шакалов. И всякий раз Субебай творил молитву аллаху и просил у него отмщения.

Еще раньше, когда заря загорелась на востоке и бледноликий месяц рассыпал столб серебряных монет в водах Дайыка, Кенжетай и Мардан благополучно подплывали на Тельконуре к противоположному берегу. Они развели костер, обсушились. Мардан отправился ловить рыбу все из того же благодатного озера Дайык. Кенжетай расседлала Тельконура и пустила его пастись. Путать его девушка не стала, подумав про себя: «Пусть отдохнет получше». Конь повалялся на берегу, вошел в воду. В это время заржал на другом берегу Гнедой, он всегда в табуне пасся рядом с Тельконуром. Не успели беглецы и ахнуть, как их конек стремительно переплыл озеро и стал рядом с Гнедым. Обрадовались люди Субебая: скот возвращается к хозяину — быть добру. Самый продажный из слуг смекнул: «Есть возможность угодить баю — озолотит». Взнуздал Тельконура, переложил с Гнедого на него седло. С одной стороны седла приторочил волосяной аркан, с другой — коржун со стрелами и луком. Наймит решил приволочь баю трупы растерзанных, это ли не услуга! Занес он ногу в стремя... В это время с другого берега послышалась скорбная, проникающая в душу мелодия. Свирель пела и, рыдая, выговаривала, как человек, слова песни:

О Тельконур, наш Тельконур!
Зачем нас предал, Тельконур?
Зачем оставил, Тельконур,
В минуту, тяжкую для нас?

О Тельконур, наш Тельконур!
Был жеребенком Тельконур,
Надеждой был ты, Тельконур,
Считали другом мы тебя...

О Тельконур, душа моя,
Ты слышишь, как поет свирель?
Ты спас нам жизни от людей,
Вернись, спаси нас от зверей!

Тельконур рванулся от седока в сторону и бросился в волны Дайыка. Никто не успел и ахнуть, как конь уже

отряхнвал с себя воду на другом берегу. Он подошел к обрадованиым беглецам и протяжио заржал.

Первой опомиилась Кенжетай, она проворно расседлала коня и сказала:

— Мардан, Тельконур прнвез нам второе седло и волосяиой аркан. Посмотрнм, что у него в коржуне.

Лишенные помощи добрых людей, беглецы очень обрадовалнсь, что в коржуие было как раз то, что нм надо здесь, в иеобнтаемом месте,— лук н стрелы.

— Я заметнл поблнзости следы табуна днкнх коней. Постараемся поймать и приручнть нх — для этого у иас теперь есть прочиый аркаи. Будет коиь — пригодится и второе седло,— сказал жигит девушке. Направнл он Тельконура к расщелине между скал. Вдруг Тельконур заржал — и в ответ послышалось ржаиие целого коиского табуиа. Загнкав н засвистав, жигит отделил несколько днких лошадей от косяка и погиал их в густой кустариик. Загиаиные лошади запуталнсь в чаще. Без труда заарканил двух коией Мардаи. Одного, самого упитаниого, прирезали иа пропнтание, другого, рослого и сильиого, обуздали, надели на него седло. Мардаи мнгом вскочнл на дикого коня. Словно молиния, метался тот, взвиваясь на дыбы, иоровя сбросить смельчака. Но человек подчиинл своей власти днкое животное! Коиь, взмыленый, присмиревший, поиес седока ровной рысью к Кенжетай.

Ночь провели беглецы у костра, иа рассвете троиулись в путь. Ехали оии все время на запад... Долго лн, коротко лн, показались вдалеке берега полноводной реки Чу. Кони ускорили свой бег, повеселели путнники.

По берегам Чу кочевал род Кулжабая. Люди в нем былн гостепрнимиыми и добрымн. Хозяева оставнли Мардана и Кенжетай жить у себя.

Вечерами Кенжетай выходила на берег рекн, н далеко-далеко была слышна песия ее свирели:

О Телькоиур, наш Тельконур!
Ты нас не предал, Телькоиур!
Нас ие оставил, Тельконур,
В минуту, тяжкую для нас.

О Телькоиур, наш Телькоиур!
Был жеребенком Тельконур,

Надежда наша, Тельконур,
Считаем другом мы тебя.

О Тельконур, наш Тельконур!
Ты спас нам жизни, Тельконур,
Лишь в честь тебя, наш Тельконур,
Поет свирель — душа моя.

КАК ДОЧЬ ХАНА ВЫБИРАЛА СЕБЕ МУЖА

авно это было. Жил-был богатый хан. И была у него дочь красавица, такая умная да пригожая, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Влюбленные сохли, огонь любви сжигал их, но посвататься к красавице не смели. Всем вокруг известна была воля хана-отца:

— Принуждать насильно дочь свою к замужеству не стану: кто мил будет сердцу ее, за того и отдам.

Проходит год, два,— никого не полюбила ханская дочь, а время идет... Пошла она раз к отцу и сказала:

— Цветы на яблоне отцветут и завянут. Пройдет и моя красота. Пора мне, отец, выбирать себе достойного друга. Объяви народу: всякий, кто хочет просить руки моей, пусть приносит подарок. Замуж выйду лишь за того, чей подарок будет лучше всех.

Во все концы земли разъехались ханские глашатаи. Они объявили волю своего повелителя:

— Всякий, кто бы он ни был, если хочет просить руку дочери хана, пусть готовит лучший из лучших подарок. Сумеет достойный угодить госпоже нашей — быть ему нареченным. Остальные пусть готовят свою голову на плаху!

Страшно наказание, но оно еще сильнее разжигало воображение влюбленных: каждый надеялся стать избранным. Красота ханской дочери многих свела с ума. И потянулись со всех концов земли в ставку хана жигиты, и бедные и богатые. Под богатыми гарцевали рысаки и поза-

ди тянулись караваны верблюдов с подарками, бедные шли пешком. Несли они в руках искусство мастерства своего: кто расшитые узорами ремни и сапоги, кто дивной работы ларцы и украшения...

Но ничем не удивишь ханскую дочь. Все она имела во дворце отца своего. И росла гора отрубленных голов. Скоро она стала выше минарета.

В это время на стыке трех дорог, которые бежали из трех городов в ставку хана, встретились три жигита. У одного приторочен был к седлу ковер, второй вез в руках зеркало, третий держал за пазухой яблоко. Встретились жигиты и разговорились, каждый начал расхваливать достоинство подарка своего.

Говорит первый жигит:

— Мой ковер доставит тебя вмиг, куда только захочешь.

Говорит второй жигит:

— В зеркале моем можно увидеть все, что делается на земле.

И говорит третий жигит:

— Яблоко мое воскрешает душу и тело умирающего.

И договорились жигиты не расставаться, помогать друг другу. «Хоть один из нас добьется милости непокорной красавицы»,— решили друзья. Попросили двое третьего — хозяина зеркала:

— Посмотри и скажи нам, что делается на белом свете.

— Везде спокойно,— отвечал тот.— Только у ханского дворца льется кровь рекой и морем разливаются слезы матерей. Народ проклинает ханскую дочь. От огорчения она заболела и лежит при смерти, уже глаз не открывает.

Сели друзья на ковер и в мгновение ока очутились у ханских ворот. Стража повела их к хану, рассказали жигиты, зачем прибыли. Допустил хан всех троих в покои дочери. И дал ей тут жигит — владелец яблока — отведать целебный плод... Откусила красавица яблоко один раз — в глазах у нее засветилась жизнь, откусила второй — кровь заиграла румянцем в лице, после третьего раза здоровехонькая и веселая поднялась она с постели. Тут преподносят ей два других жигита свои подарки — ковер и зеркало, расхваливают их достоинства. Но ханская дочь возвратила с поклоном и ковер и зеркало. В мужья себе выбрала хозяина яблока.

И взроптали отверженные:

— Как так получается? Не было бы зеркала — не узнали бы мы, что ты при смерти. Не было бы ковра, не успели бы мы увидеть тебя в живых. Почему же ты берешь в мужья того, который всего-навсего привез тебе яблоко?

Отвечает жигитам ханская дочь:

— Не сердитесь на меня: так велит мне мой долг. Ваши подарки я могу возвратить, а его — нет: яблоко я съела. Да и прибыли бы вы сюда хоть раньше, хоть позже — не воскресили бы меня. Целебным яблоком ваш друг спас жизнь мою, и теперь принадлежит она только ему. Вы помогли жениху моему добраться ко мне вовремя, за это дарую вам жизнь. Возвращайтесь по своим домам.

С этими словами ханская дочь пошла к отцу, чтобы объявить о дне своей свадьбы.

ЗАГОВОРЕННАЯ ДЕВУШКА

авно это было. У одного зажиточного человека подрастал единственный сын.

Годы шли, мальчик возмужал, превратился в красивого рослого жигита. По храбрости не было равного ему в ауле. Да вот плохо: ни одна из девушек не только в родном ауле, но и в окрестных кочевьях не нравилась нашему жигиту. Одна удалась умом, да некрасива, другая лицом взяла, да характер сварливый, третья хозяйка плохая, четвертая жадная. Родители и сваты с ног сбились.

Думал, думал отец — не оставаться же парню холостым! — и решил отправить сына путешествовать в дальние края — авось там присмотрит он себе девушку по сердцу.

Собрался жигит в путь, простился с родными, вскочил на коня и помчался навстречу неведомому. Ехал он день, ехал два, вот уже месяц прошел с тех пор, как переступил он порог родной юрты, во многие аулы заезжал, много хороших девушек повидал, но той, что заставила бы забыть обо всем на свете, так и не встретил.

Пошел второй месяц странствий... Ехал как-то наш жигит через дремучий лес, целый день ехал, и перед закатом

вынес его конь на прогалину. Глазам своим не поверил жигит: стоит перед ним высокий дом, такого он никогда не видел не только в родном ауле, но и в городе, подъехал ближе и увидел, что перед домом на траве лежит девушка. Да какая! Черные толстые косы змеями обвивают неподвижное тело, сквозь алые полуоткрытые губы виднеются зубы — как жемчуг, брови ровными дугами осеняют прикрытые веки, ресницы — как мохнатые шмели, на щеках алеет румянец — ярче утренней зари. Наклонился над ней жигит и отшатнулся — красавица не дышала. Мертва! Дотронулся до руки и обрадовался — нет, покойники такими не бывают! Принялся он звать девушку, тормошить ее, водой из арыка побрызгал, нет, не шелохнется, не откроет глаз. Вбежал жигит в дом, а он пуст! Что тут делать! Положил жигит девушку поперек седла, вскочил на коня и как только мог быстро поскакал к родному аулу.

С удивлением встретили его родители: вот так сын — привез мертвую невесту!

Жигит собрал жителей аула и обратился к ним с такими словами:

— Эту девушку надо оживить во что бы то ни стало. Кто оживит красавицу — пусть берет ее себе.

Желающих нашлось много — и девушка хороша, и калыма платить не надо. Узун-кулак передал эту историю и в другие аулы, со всех сторон начали съезжаться жигиты попытать счастья. Чего только они ни делали — девушка не оживала!

Однажды, когда аулчане уже совсем потеряли надежду, в юрту через шанрак влетел воробей, сел на неподвижное тело девушки, повертелся, почирикал и давай клевать нежное горло красавицы. Все всполошились, хотели прогнать воробья, да вдруг девушка зашевелилась. Бросились к ней, глянули на то место, куда клевал воробей, и ахнули — в шею была воткнута булавка. Наш жигит быстро вытащил булавку, и ко всеобщей радости красавица ожила.

— Уф,— промолвила она, садясь и потягиваясь,— и долго же я спала!

Тут ей рассказали, как все было на самом деле, и спросили, как же это она спала столько месяцев.

— Я не сама уснула,— пояснила красавица. — Один злой старик выкрал меня из родительского дома, хотел на мне жениться, я не соглашалась. Долго уговаривал он меня,

я не поддавалась. Тогда злодей заколдовал меня, и перешел бы мой волшебный сон в вечный, если бы не этот жигит.

Надо ли говорить, сколько баранов было зарезано и сколько опустошено бурдюков душистого кумыса на свадебном тое прекрасной девушки и храброго жигита?!

ОХОТНИК

то было, то прошло и быльем поросло. Давным-давно в одном ауле жил охотник. Не простой он был человек, а уважаемый и всеми в ауле от мала до велика почитаемый.

Пошел как-то он на охоту в горы. Ходил, ходил — нет на земле ни единого следа ни зверя, ни птицы. Без добычи в аул возвращаться нельзя — ждут голодные дети и старики. И отправился охотник в ту сторону, где редко бывали люди, а если и бывали, то не возвращались... День шел, ночь шел охотник и выбился из сил. Только хотел он присесть отдохнуть на камне, как услышал какие-то звуки, похожие на стон человека. Огляделся вокруг — никого. Догадался охотник, что стоны идут из-под камня, на котором сидит он. Приподнял охотник камень — под ним зияет черной дырой вход в пещеру.

Вошел смельчак в пещеру, смотрит — что за чудо: в пещере много людей и скота. Люди плачут и в горе рвут на себе волосы. Не успел охотник ни о чем спросить их, как на него налетела хозяйка пещеры — людоедка баба-яга. Дико хохоча и причмокивая, она связала охотника и бросила около костра...

Понял несчастный, что спасет его тут не сила, а хитрость: он изловчился, отстегнул от пояса флягу с вином и пихнул под ноги старухе. Та заметила флягу, отведала из нее крепкого напитка — понравилось. И выпила баба-яга все вино до дна. Сначала людоедка прыгала вокруг вертела на костре и бесновалась, потом сморил злодейку крепкий сон. Этого-то и надо было охотнику.

Развязал он на себе веревки, зарезал одну козу, снял с нее шкуру и уложил в сторонке. Потом схватил раска-

ленный вертел и начал хлестать людоедку по глазам. Взвыла баба-яга от боли, кинулась на охотника, да промахнулась... Глаза ее были выжжены, и ничего она теперь не видела. Бегала баба-яга, бегала по пещере, кроме коз никто не попадается под руку!.. Тогда отодвинула людоедка камень у входа в пещеру и начала выгонять коз на улицу. Пропуская каждую, по спине гладила, проверяла — не человек ли? Охотник накрылся шкурой убитой козы и вышел вместе со всем стадом. Храбрости и ловкости у него втрое стало больше: шел он на святое дело — хотел во что бы то ни стало спасти своих товарищей по несчастью.

Стал он прямо против бабы-яги, натянул крепко тетиву лука своего и пустил в людоедку стрелу. Попала стрела в сердце злодейки, и упала та замертво.

Сказал тут охотник пленникам бабы-яги:

— Теперь вы свободны, расходитесь по домам! Но прежде обойдем пещеру, посмотрим, какая она и что в ней есть.

За первой пещерой тянулась вторая, вся она была завалена серебром и золотом. Из третьей пещеры навстречу людям вышли малолетние дочь и сын бабы-яги и кинулись молить охотника о пощаде. Не тронул их добрый человек — вспомнил он свою малолетнюю дочь, оставленную в родном ауле...

Набрали люди серебра и золота, сколько могли унести, и отправились каждый своей дорогой. Охотник же вдобавок к драгоценностям в свою сумку положил и медные когти бабы-яги. Не год и не два выбирался храбрец из царства бабы-яги, наконец пришел в родной аул. Дома его поджидала дочь-невеста. Пока отец странствовал, она выросла и расцвела. Решил отец выдать дочь замуж...

Тут откуда ни возьмись приехал в аул неизвестный жигит и посватался к дочери охотника. Молодые друг другу понравились, отец не сказал слова против. В сказке все быстро делается. Через три дня жених выплатил отцу невесты калым — табуны скота. На четвертый день отпраздновали свадьбу.

Когда стали собираться молодые в аул жениха, подскакал он к своей невесте:

— В приданое проси у отца серебро и золото, что набрал он в пещере, да медные когти бабы-яги.

Пристала дочь к охотнику:

— Дай, отец, мне в приданое серебро и золото, а в придачу — медные когти бабы-яги.

Удивился охотник просьбе дочери — никто до сих пор не знал его тайны с пещерой, но наделил ее и серебром и золотом. Не хотел охотник отдавать только медные когти людоедки. Но дочь стояла на своем. Только не могла она понять, почему отец повернется к ней — улыбается, отвернется — слезы льет. Не устоял охотник перед просьбой дочери, отдал ей медные когти. Отдавал их охотник и наказывал:

— Дочь моя единственная, даю тебе то, чего хочешь сама. Только никогда не отставай во время кочевья от других своих родичей. Помни всю жизнь просьбу мою.

Привез жених невесту в свой родной аул. Не успела дочь охотника привыкнуть к своей новой родне, как муж ее отправился гостить в дальний аул. В его отсутствие и снялась родня с кочевья. Дочь охотника не свернула свою юрту, она ждала возвращения мужа... Невдомек ей было, бедной, что гостил он у своей сестры — дочери убитой охотником бабы-яги...

Темной ночью прилетела дочь бабы-яги к одинокой юрте, схватила медные когти и растерзала ими дочь охотника. Юрту разнесла в клочья и пустила по ветру...

Так наказала судьба дочь охотника за то, что забыла она наказ отца.

АЙГУЛЬ

Жил в давние времена на свете один бай и была у него единственная дочь Айгуль, девушка необычайной красоты. Акыны слагали про нее песни, сравнивая ее очи с солнцем, а рот с полумесяцем. А самое главное, в придачу к красивой внешности аллах даровал Айгуль еще и доброе сердце.

Берегли и лелеяли красавицу родители. Как говорят в народе, не давали крылатому крылом коснуться, клюватому — клювом. Без провожатого девушка не ступала и шагу, проворные служанки предупреждали каждое ее желание.

Так и росла байская дочь. Но вот однажды захотелось ей в час заката, когда солнце огромным багровым шаром спускается за край степи, погулять по саду. В этом саду было много цветов, и росли они на берегу громадного озера.

Долго гуляла девушка, наслаждаясь благоуханием прекрасных цветов, гудением шмелей, шелестом листьев и свежим ветерком, поднимавшим на воде шаловливую рябь. Вдруг перед ней вырос как из-под земли человек в черной одежде. Испугалась Айгуль, бросилась бежать, но незнакомый жигит так ласково окликнул ее, что к девушке сразу вернулось мужество, и она пошла шагом, потом обернулась, и кончилось тем, что она позволила жигиту увлечь себя к самому берегу озера.

Легковерно девичье сердце! Сама того не заметив, Айгуль очутилась с жигитом на плоту, и, весело смеясь, они оттолкнулись от берега и поплыли на середину озера к острову.

Тем временем родители хватились Айгуль, стали звать — нет дочери, послали служанку к соседям — тоже нет, кинулись на берег озера — и там нет девушки. Исчезла бесследно байская дочь! Наконец догадались, что колдун увез девушку на остров. Сколько было стонов и слез! Бай послал гонцов по всей степи искать мужчин, желающих освободить Айгуль из колдовского плена.

Прошло сколько-то дней, и перед баем предстал жигит с лицом цвета пшеницы и заявил, что готов отправиться на поиски девушки. Звали жигита Байсерэ.

В длинный путь взял Байсерэ еды, кумыса, айрану. Сопровождали его сорок четыре джигита. Долго плыли они. Наконец вдали показался остров.

Пристав к берегу и оставив у воды несколько человек, чтобы они сварили к обеду мясо, Байсерэ с остальными направился в глубь острова поохотиться. Только они скрылись с глаз, как к казану подошел колдун и опрокинул его.

Вечером вернулся Байсерэ и очень рассердился, узнав о проделке колдуна. Готовить обед в следующий раз он решил сам.

На другой день, когда Байсерэ уже кончил варить мясо, к костру приблизился колдун, вежливо поздоровался и сел возле казана. Байсерэ стал его угощать. Гость не отказался. Съев несколько кусков, он неожиданно ударил кулаком по дастархану, и на нем появилось вино. Стали пить вино. Байсерэ не столько пил, сколько делал вид, что пьет, а кол-

дун пьянел все больше и больше. Дождавшись, когда злодей окончательно охмелел, жигит убил его.

Только испустил колдун дух, как невдалеке от костра возник дом. Войдя в него, жигиты увидели Айгуль. Бедная девушка была прикована цепью к стене. Со слезами обратилась она к Байсерэ:

— О храбрый жигит! Кто бы ты ни был, ступай скорее отсюда. Придет злой колдун и убьет нас обоих.

Байсерэ показал Айгуль кольцо, которое получил от ее отца. Айгуль, увидев знакомое кольцо, успокоилась, когда же узнала, что колдун убит, то радости ее не было конца.

Освободив Айгуль, все отправились в обратный путь. Только доплыли до середины озера, как Байсерэ вспомнил, что оставил кольцо на окне в доме колдуна. Он вернулся на остров, кольцо лежало на том же самом месте, где он его оставил. Схватив кольцо, жигит помчался с берегу, торопясь присоединиться к своим товарищам. Вдруг глядит, на дороге лежит рваный кошелек. Взял его, а он битком набит деньгами! Обрадовался жигит, да рано: не успела Айгуль ступить на сушу, как опять стала пленницей, ее похитил другой колдун в облике старца.

Очень горевал Байсерэ. Но делать нечего — опять пришлось тронуться в путь, снова искать Айгуль. Долго скитался жигит, и только через год счастье улыбнулось ему — он нашел аул, в котором прятали девушку. В этом ауле готовились к свадебному тою — выдавали замуж Айгуль. Чтобы выручить любимую, Байсерэ пришлось отдать все деньги из найденного кошелька.

Вскоре Айгуль и Байсерэ поженились и жили долго и счастливо.

КРАСАВИЦА МАЛХУАН

Бывает же такое: пройдет по жизни человек, и никто его после смерти словом не помянет — ни худым, ни добрым. О красавице Малхуан вся степь заговорила не только после ее заката, но и задолго до восхода. За шестьдесят лет оракулы предсказали рожде-

ние Малхуан. Неведомо откуда появились ее портреты и разошлись по всем народам, населяющим землю. Людей зачаровала неземная красота девушки.

Узун-кулак донес весть о красавице и до ушей хана, богаче и влиятельнее которого не было на всем белом свете. Сорок дворцов, один краше другого, имел хан. Но изо всех выделялся тот, что построен был заморскими мастерами. По глазури и яхонту плавали месяц с солнцем из серебра и золота, между ними — коралловые звезды... В этом-то дворце и приказал хан повесить портрет Малхуан. Красота ее затмила искусство заморских мастеров! «Как появится красавица на свет, разыщу ее во что бы то ни стало и женюсь»,— поклялся хан. Ключи от дворца он спрятал в свое шаш-бау — ленту, расшитую драгоценными камнями.

А надо сказать, что был у того хана единственный сын — совсем еще мальчик... Играл наследник однажды с сыном визиря около дворцов и захотелось ему осмотреть внутреннее убранство этих дивных строений. Попросил он ключи от дворцов у матери. В тридцати девяти дворцах побывали дети, от последнего, сорокового, ключа не было. Побежал снова сын к матери, просит ключ от сорокового дворца.

— Свет мой,— отвечает ханша,— нет у меня ключа. Отец никому его не доверяет и носит в своем шаш-бау. Шаш-бау хан выплетает из косы лишь во время молитвы.

Еще больше захотелось мальчику побывать в таинственном дворце. «И потомки духов хитрят»,— вспомнил он слова своего учителя и выкрал ключ у отца.

Переступили они с сыном визиря порог дворца и... остановились: с портрета им улыбалась красавица Малхуан. Губы ее, как полумесяц, очи — два ясных солнца. Сыну хана показалось, что свет глаз девушки ожег ему сердце. Мальчику сделалось дурно, и он упал без чувств. Долго не приходил несчастный в себя, потом открыл глаза и с помощью друга кое-как добрался домой.

Заболел сын хана, слег в постель. Один за другим осматривали его лучшие лекари — не могли разгадать причину недуга. Сам больной не говорил ни слова. С каждым днем становилось ему все хуже и, пожалуй бы, скончался — не приди к хану старый отшельник. Он посмотрел на мальчика и сказал отцу:

— Тяжела болезнь сына вашего, нелегко и исцеление. Вылечит его лишь красавица Малхуан, если вы найдете ее и сосватаете за своего сына. Сейчас девочке восемь лет, она дочь некоего Даута, что живет в горах Шенгерле.

Дрогнуло каменное сердце отца. Но не от жалости к сыну, а от мысли, что наследник может помешать исполнению его заветной мечты. И созрели в голове хана, как яйца в гнезде змеи, коварные планы.

— Сын мой, радость моя единственная,— заговорил льстиво хан. — Ты вырос и можешь держаться в седле. Поезжай, найди свою красавицу и привези ее сюда. В попутчики даю тебе сына визиря. Да поможет вам обоим аллах.

Приказал хан одеть мальчиков в красивые одежды, наградил лучшими доспехами, посадил на рысистых коней и велел трогать.

Ехали, ехали мальчики и доехали до такой темноты, что хоть глаз коли. Как быть, куда ехать дальше? Вдруг впереди показался белобородый старец с факелом в руке. Он спросил всадников:

— Дети мои, кто вы, как сюда попали и куда путь держите?

Рассказали мальчики старцу все без утайки.

— Приедет издалека шестилетний ребенок — ему должен помочь шестидесятилетний — такой обычай казахов,— ответил старец. Он осветил дорогу и знаком приказал друзьям следовать за ним. Сорок дней и сорок ночей вел старец путников краем вечной темноты. Лишь на сорок первый день выбрались они к солнечному свету. Тут сказал аксакал своим спутникам:

— Труден и далек ваш путь, труден и опасен. Едете вы мальчиками, доедете — юношами. Первой повстречается вам баба-яга. Не пугайтесь ее — все обойдется. Она даст вам в поводыри подпаска. С его помощью и доберетесь до Шенгерле, где живет красавица Малхуан. Да поможет вам аллах!

И год и два ехали жигиты. Однажды увидели: далеко в степи дым к небу столбом тянется. Подъехали — юрта бабы-яги. Радостно приняла их старая колдунья. Не успели жигиты рассмотреть страшилище, а она уже одного из них — сына хана — проглотила. Проглотила и так захохотала, что живот ее заколыхался, как саба с кумысом, потом выплюнула молодца обратно и заговорила:

— Испугались, щенки? Ваше счастье, что вы такие хорошие да пригожие — приглянулись мне. Будете помнить, в чьей земле были!

Улеглась старая ведьма у очага, жигитам велела рассказывать: кто они, куда путь держат и зачем их сюда занесло.

Друзья рассказали все старухе.

— Обещаю,— отвечала им баба-яга,— вы достигнете своей цели. Малхуаи уже недалеко: вот за юртой виднеются горы — это и есть Шенгерле. За горами растет дремучий лес, в том лесу и стоит дворец вашей красавицы. День и ночь стережет ее колдунья-наставница. Ходит колдунья в облике животного. Но не печальтесь — старуха падка на золото, а на его блеск, говорят, и змея из гнезда вылезает. Уплатите колдунье побольше — она сама себя продаст, не то что красавицу Малхуаи. Я сказала все. Остальное объяснит вам мальчишка-подпасок. Да сопутствует вам удача, ступайте.

Перевалили жигиты через горы — впереди дремучий лес. Из лесу вышел мальчик с длинным кнутом, в дырявой шапке. Догадались друзья, что это и есть подпасок. Рассказали они мальчику, кто послал их к нему, и попросили указать путь ко дворцу Малхуаи. Отвечает им пастушок:

— Говорить мне об этом нельзя, колдунья услышит. Я могу только указывать путь, если умные — поймете, куда ехать.

С этими словами пастушок поднял правую руку и пошел от жигитов прочь. Те переглянулись, пожали плечами — ничего не понимают... Потом сын визиря говорит:

— Смотри, вон и ворона летит с той стороны, куда пошел мальчик, значит там поблизости есть жилье. Поехали!

Только кони жигитов сделали по шагу, как их откуда ни возьмись окружило стадо ревущих быков. Вот-вот на рога подденут — разнесут в клочья. Больше всех ярится самый рогастый... Вспомнил тут сын хана совет бабы-яги, швырнул под ноги быку тысячу дилла. Ойбай-ау! Шкура с быка спала, и вышла из нее старуха! Она с жадностью схватила золото.

— Эй, жигиты! Я знаю, чего вы хотите. Если вам нужна красавица Малхуаи, подходите поближе!— кричит ведьма.

Подъехали к ней друзья.

— Один из вас,— говорит старуха,— должен несколько дней учиться у меня колдовству. Усвоив урок, он пойдет к Малхуан.

Долго советовались юноши, кому из них обучаться колдовству и первому идти к красавице. Потом сговорились, что пойдет сын визиря — ему безопаснее первому увидеть ослепительную красоту девушки.

Поучился сын визиря три дня у колдуньи — отправился во дворец давать урок... Малхуан была не только красива, но и догадлива. Юноша робко переступил порог, еще застенчивее поднял на красавицу глаза. Малхуан поняла: не без умысла пришел жигит! Немедля дважды ударила она его по щекам, и сын визиря, оглушенный, упал без сознания. Внимательно рассмотрела Малхуан юношу — и благородство черт его, и красота смягчили сердце хозяйки. Привела она жигита в чувство, спросила:

— Кто ты и зачем пришел? Да не пытайся хитрить!

Рассказал сын визиря красавице все как есть. Задумалась она, потом и говорит:

— Мне по нраву ваши храбрость и отвага. И если сын хана так же хорош собой, как и отважен, я готова назвать его своим суженым. Только вот горе: еще раньше вас прибыл в нашу страну могущественный калмыцкий хан. Он был храбрым и мужественным в пути, но стар и немил мне. Он пригрозил, что если я откажусь стать его женой, он разорит и уничтожит страну моего отца. Что делать? Я дала согласие быть женой хана. Уже закончился свадебный той, три дня идут молодежные игры. На завтра назначен день моего отъезда в чужую страну... Вы с хановичем подоспели вовремя и теперь спасите меня. Век я этого не забуду, не зря говорят: добро и зерно одинаковы — что посеешь, то и пожнешь...

Вы с сыном хана спрячьтесь в могильном склепе моего деда. Завтра, как буду проезжать мимо, попрошусь у хана проститься перед дальней дорогой с прахом покойного. Он не может не разрешить. В склепе один из вас должен быстро переодеться в мое платье и ехать с ханом вместо меня. Аллах всемилостив, он поможет смельчаку возвратиться домой.

Назавтра так все и сделали. Вместо Малхуан отправился с ханом в его страну сын визиря. Он сидел рядом с владыкой в платье Малхуан, опустив свои длинные ресницы. Старый жених ничего не понял.

В своей стране хан устроил богатый свадебный той со скачками. Радовался старик: после тоя молодая жена будет жить вместе с ним!

Но Малхуан — сын визиря — сказала хану после тоя нежным голоском:

— Господин мой, вы сорок дней не должны подходить ко мне. Исполните мое желание — кляиусь любить вас до конца своей жизни. Не исполните — худо нам будет обоим.

Хан согласился. А надо сказать, что во время скачек «невеста» подружилась с сестрой хана Еркежан. Понравилась красавица сыну визиря, и решил жигит выкрасть ее.

— Еркежан,— обратился он как-то к девушке все тем же притворным голоском,— возьми у брата двух тулпаров, поучи меня верховой езде. — Еркежан так и сделала. Очень удивилась она, когда ее невестка с ловкостью лихого наездника помчалась за барханы. Еле догнала Еркежан «подругу». Еще больше удивилась девушка, когда вместо мнимой Малхуан перед нею предстал стройный юноша во всех воинских доспехах. Надо вам сознаться: Еркежан и раньше иногда казалось, что любит она так горячо не свою подругу, а нареченного... Потому что видела в невестке много мужского, когда они оставались наедине... Как обрадовалась этой перемене Еркежан! А она-то, бедняжка, уже готовилась подчиниться власти своего брата, который просватал ее за такого же старика, как и сам.

Приехали Еркежан и сын визиря к дому Малхуан и сына хана, и все четверо зажили там счастливо. Малхуан заколдовала вход и окна дома. Он казался снаружи гладким куполом, и никто чужой теперь не мог войти в него.

В стране калмыков поднялся великий переполох: исчезли невеста хана и сестра! Люди хана шныряли по всей стране, как голодные волки,— беглянок и след простыл. Разыскал хан старую колдунью, падкую на золото. Дал ей денег, да мало, потому что сам по жадности мог поспорить с любой ведьмой. Колдунья указала дом беглецов, но больше помогать скряге не стала. Подъехал хан к этому дому, смотрит: ни окон, ни дверей — стоит какой-то купол. Рассердился он на колдунью, решил больше с нею не связываться, возвратился домой. А старуха захотела получить подачку и с другой стороны. Открыла она купол и сказала беглецам:

— Дети мои, теперь вы свободны, идите, куда хотите. Опасность вам не грозит. Мне же полагается от вас суюнши — подарок за радостную весть. — Дал сын хана много золота старухе. Добром проводила колдунья молодых.

Ехали они ехали, добрались до студеного ручья. Здесь под сенью деревьев и разбили шатры, прилегли отдохнуть. Крепко уснули все, кроме сына визиря. Тревожные мысли разгоняли его сон. И надо же было случиться такому, что как раз над ним сели две вороны, и говорит одна другой по-человечьи:

— Пай-пай! Как красив сын хана! Но как коротка жизнь его!

— Почему? — удивилась другая.

— Разве ты не знаешь? Его отец поклялся прахом своих предков завладеть красавицей Малхуан еще до ее рождения. Теперь услышал старик, что едут молодые: день не ест, ночь не спит — все думает, как избавиться от сына. Хан осыпал любимого тулпара наследника ядом и высылает его навстречу путникам. Если кто проговорится об этом,— тут же прокаркала ворона,— пусть по колено превратится в черный уголь.

Помолчав, ворона продолжала:

— Хан готовит для сына пищу с ядом. Кто сообщит об этом наследнику — пусть по грудь превратится в черный камень!

— Япырай! Сколько опасностей подстерегают сына хана! Даже его любимого котенка отец велел натереть ядом... Кто скажет это — станет черным камнем!

И вороны тотчас улетели.

Совсем загоревал сын визиря. Он разбудил всех и сказал: «Не будем медлить, дом близко, поехали!»

Ехали они, ехали — повеяло дымом их родины. Как ветер, обгоняя птиц на лету, вынесся путникам навстречу любимый тулпар сына хана. От нетерпения он грыз удила. Только наследник хотел пересесть на коня, как сын визиря выхватил из ножен свою саблю и зарубил тулпара. Очень огорчился сын хана, но ничего не сказал другу.

Въехали странники на родимый двор. С почестями встретил их хан и тут же отдал приказание начинать той. Девушек он чествовал во дворце, где висел портрет Малхуан, жигитов — отдельно. Не успел сын хана сесть за стол, как его друг у всех на глазах опрокинул все кушанья — никому не дал до них дотронуться. Поднялся сын

хана такому поступку, но и на этот раз ничего не сказал. Здесь же на пиру договорились, что все четверо лягут спать в одних покоях.

Как договорились, так и сделали. Заснули все, не спится только сыну визиря. Смотрит он — на постель сына хана прыгнул котенок. Схватил верный друг снова свою саблю и зарубил котенка. Свалился тот на пол, но капелька крови попала на грудь Малхуан. Нагнулся сын визиря над девушкой, не зная в отчаянии что делать... В это время проснулся сын хана:

— Сколько ни корми щенка, все равно из него вырастет кобель! — вскричал он в гневе. — Вот ты каков, решил завладеть моей невестой! Ну берегись... сейчас же пойду к отцу и потребую над тобою расправы!

Гнев делает человека безумным. Но страшнее всякого гнева подлость человеческая. Обрадовался хан. Теперь он избавится хоть от сына визиря! Тотчас сколотили на дворцовой площади виселицу и согнали туда весь народ...

Когда душу жжет безмерное горе, язык человека пылает, как горящая головня. «Все равно погибать,— думает сын визиря,— поведаю я народу правду о хане». Не успел народ расслышать последних слов о подлости своего властелина, как исполнился наговор ворон: у всех на глазах превратился сын визиря в черный камень.

Перед этим хан съежился, как саба, из которой вылили кумыс, теперь же, когда свершилось знамение злых духов, он зло рассмеялся:

— Хотел оболгать меня, на которого не поднимается десница самого всевышнего! Нет, дорогой! Кто входит ко мне пламенем — выходит золой... — Он трижды плюнул на черный камень и удалился в покои.

От горя сын хана не находил себе места. Он понял, как жестоко неправ оказался перед своим верным другом. Он пришел к визирю и сказал:

— Облегчите горе мое, накажите меня как можете, я в ваших руках.

— Мои глаза не видят сына — радость души, пусть и твои не видят света белого. — И визирь выколол глаза наследнику. Он навьючил на спину юноши черный камень, которым стал его сын, крепко привязал его и велел идти прочь.

Долго ли, коротко ли шел сын хана, дальше идти не мог. Камень вдавливал его в землю, веревки впивались в тело,

кровь сочилась из спины... Сел сын хана под деревом, проклиная себя и свою судьбу. Вдруг слышит рядом голос:

— Какие здесь воды и травы целебные — воскресят и мертвого!

— Да,— отвечает второй,— у меня была на ноге рана, я промыла ее из этого вот ручья — и раны как не бывало!

Откуда силы взялись у сына хана! Он поднялся и принялся все обшаривать. Наконец вот он и ручей! Набрал несчастный полные пригоршни прохладной воды и плеснул себе в лицо. Омыла вода глаза и свершилось чудо — сын хана прозрел! Кое-как снял с себя камень и бросил его в воду. Ойбай-ау! Из студеной воды поднялся здоровый и невредимый его верный друг — сын визиря.

Обнялись друзья на радостях и решили пока не возвращаться на родину.

Они нанялись пасти коней к одному баю. И случилось так, что однажды их хозяин засобирался на ханский той. Хан давал его в честь своей женитьбы на красавице Малхуан и женитьбы визиря на Еркежан.

Жигиты-пастухи попросили у бая коней, чтобы тоже поехать на праздник. Бай даже не удостоил их ответом. Тут вспомнил сын визиря о своих уроках колдовства... Он достал из кармана два волоска — от своего рысака и любимого тулпара сына хана,— поджег их, и кони тотчас прискакали.

Приехали жигиты на той, Малхуан и Еркежан сразу узнали, кто это приехал, но виду не подали.

В самый торжественный момент хан поднялся со своего трона и сказал о том, что его счастье безмерно: он женится на Малхуан. Но радость его сменилась страхом, когда к трону подошли его сын и сын визиря. Хан побледнел, как будто его укусил скорпион, и не мог вымолвить ни слова.

— Когда подстрелят орла, у него глаза горят огнем мести. Когда отнимают любимую — огонь мести горит в сердце,— сказал сын хана.

Сын визиря во второй раз поведал народу всю правду о скитаниях своих и сына хана. Напоследок добавил:

— Да превратится хан в волка, а визирь в собаку, вечно голодных и рыщущих в поисках пищи! — И сбылось его заклинание.

Жигиты зажили со своими возлюбленными счастливо и спокойно.

КУНШЕ, ПОТЕРЯВШАЯ СЫНА

После смерти мужа горько и одиноко жилось бедной Кунше. Отрадой был для нее только маленький сын. Теплее ласкового луча солнца согревал он душу матери, когда улыбался ей из колыбели. Но беда, говорят, всегда имеет семь братьев. Вслед за первым несчастьем пришло и второе: вошла однажды Кунше в юрту и... не нашла в ней сыночка! Ни ходить, ни ползать малыш не умел, куда же он мог деваться? Обыскав все, в отчаянии выбежала мать на улицу. Как подстреленная птица, металась она по аулу, взывая о помощи:

— Люди, люди, не видали ли моего сына? Помогите, помогите мне разыскать его!

Ни один человек не остался равнодушным к горю вдовы.

Аксакалы собирали в ауле совет: судили, рядили — не знали, как облегчить горе Кунше, где искать ребенка. Жигиты объехали всю степь вокруг — ничего радостного не привезли матери. Женщины каждое утро приходили к ней и не находили слов утешения.

Кунше, похудевшая и простоволосая, неподвижно и молча сидела у остывшего очага и отрешенно смотрела помутневшими от горя глазами в одну точку.

Один за другим, как караваны в степи, тянулись дни. Так прошло четыре года. И посоветовал кто-то бедной вдове разыскать мудреца и прорицателя Толыбая. Говорили, что знает он языки тысяч зверей и птиц, на расстоянии угадывает мысли людей, точно предсказывает, что за тулпар вырастет из народившегося жеребенка. Не может старый мудрец не сказать, куда девался ребенок!

И села Кунше на рыжего коня, на котором ездил еще ее муж, и отправилась разыскивать жилище Толыбая. Ковыльные степи сменялись сыпучими песками, пустыни — заливными лугами, на пути вставали высокие горы и широкие реки, а Кунше все ехала. Не один рассвет сменялся закатом, не один закат сменялся рассветом, а обездоленная мать все была в дороге. Уже сама стала как тень, конь исхудал — скелет скелетом, а жилища мудреца не было видно.

Не напрасно говорят в народе, что сколько сокол ни парит по поднебесью — все равно он высмотрит добычу, и сколько бедный заяц ни мечется по земле — все равно погибать ему в зубах зверя хищного. Ехала, ехала бедная Куише — настал и ее смертный час: больше ни она, ни Рыжий и шагу ступить не могут, а кругом — безводная пустыня.

— О аллах всемогущий,— взмолилась мать,— пусть я сгорю пеплом, но дай, прошу тебя, жизнь моему сыну!

Подняла Куише глаза к небу, а там дымок тянется. Далеким миражем маячит на горизонте одинокая юрта... И откуда только сила взялась — добрела женщина до жилища!

Войлок юрты почернел и стал ветхим от времени, но еще старше выглядел хозяин ее. Высокий и смуглый, он казался высохшим дубом. Ветер перебирал пряди огромной белой бороды. Сквозь дыры одежды виднелось иссохшее тело.

— Дочь моя,— обратился он к Куише,— я давно тебя жду, два дня назад ласточки принесли мне весть о тебе. Какие тяжкие муки заставили тебя так страдать, зачем ты пришла ко мне, старому Толыбаю?

Из последних сил выговорила вдова:

— Лишилась я единственного сына, дорогой отец! И как беспомощная птица с подрезанными крыльями, кружусь и не могу найти его! Помоги мне, всевидящий, посоветуй, где искать?! — И тут же упала, лишившись чувств.

Толыбай свистнул по-птичьи — прилетела большая стая ласточек. Они крыльями навевали свежий ветерок на Куише, в клюве приносили ключевую студеную воду и окропляли лицо женщины. Только пришла в себя бедняжка, как ласточки, по взмаху руки Толыбая, помчались в ее аул. К вечеру они принесли оттуда серую мышь с палец величиной. Толыбай спросил, не видала ли мышь, куда девался из юрты маленький мальчик? И ответила мышь:

— Сына Куише украла женщина с глазами навыкате.

Перевел Толыбай Куише на человеческий язык слова мыши, снова заплакала бедняжка, забилась, как перепелка в сетях.

— Ойбай-ау, это Айжарык! Я и раньше подозревала ее в этой жестокости: у нее никогда не было детей, и вдруг в шестьдесят лет родился ребенок!

Снова Толыбай засвистел по-птичьи. Опустились на его плечи два огромных черных беркута.

— Летите в аул Куише,— приказал им мудрец,— принесите сюда Айжарык с ее сыном.

Взмыли беркуты к иебу и уже к утру прилетели обратио. Один принес на крыльях страшиую старуху. Лицо ее было морщиинистым, как опорожиенный бурдюк, глаза выпучены, как перевериутые пиалы, плечи, как два седла — на каждое можио посадить по человеку.

Другой беркут бережио опустил на землю мальчика. Ои был хрупким и белокожим, глаза, как у верблюжонка, с удивлением смотрели на мир. Казалось, малыш ничуть ие испугался ни птиц, ни чужих людей, только смотрел иа все с любопытством. Чуя сердцем в Куише родиую мать, он протянул к ией ручоики. Айжарык стукиула его по рукам и притяиула к себе.

— Отдай ребенка матери! — сказал ей сурово Толыбай.

— Да ты рехиулся, старый! Видано ли, чтобы мать отдавала свое дитя. Это мой сын, и никому я его не отдам.

Малыш все тяиулся к Куише, не отрывал от нее радостных глаз.

— Не хочешь послушаться меня — пеняй иа себя,— сказал Толыбай. — Я разделю ребенка между вами! — и старец кинулся к ребенку с секирой.

Айжарык сразу согласилась со словами Толыбая:

— Мудрое твое решение, да будет так! — и толкнула мальчика под секиру.

Куише ие дала мудрецу ступить и шагу вперед. Она обвила его иоги руками, зарыдала, как раиеная лебедь, взмолилась:

— О святой отец, ие губи иевинного. Отдай дитя Айжарык, пусть живет у нее, лишь бы жив был!

— Эй, Айжарык,— вскричал в гневе мудрец,— у тебя не сердце, а холодиый камень! Отдай же, старая ведьма, ребенка родиой матери! — и подвел мальчика к Куише. Дитя радостио обияло мать... Усадил их Толыбай иа беркутов и отправил в родиой аул.

Злая Айжарык, опозоренная, до сих пор одиноко сидит в пустыне, от стыда ие смея подиять головы. От времени она, говорят, превратилась в серый камень.

ПТИЦА СЧАСТЬЯ

Было время, когда одни люди ходили в дорогих одеждах, а другие носили короткие рваные шубейки. Жил тогда под небом очень скупой бай Келден. Много разного скота было у жадного бая, присматривали за ним пастухи и рабы. И был среди пастухов Казангап — совсем еще мальчик. Пас он байских ягнят. Не было у Казангапа ни отца, ни матери, и он неотлучно находился с ягнятами — днем на пастбище, ночью спал вместе с ними в загоне.

В одну из ночей приснился Казангапу удивительный сон, будто светит над его головой солнце, снизу сияет месяц, а у ног дерутся двое ягнят, вот-вот разобьют себе лбы. Испугался пастух: не приведи аллах, убьют друг друга ягнята, бай не пощадит, выгонит бедного сироту. Бросился он к ягнятам с криком, чтобы разогнать их, и проснулся. Смотрит: тихо вокруг, ягнята мирно спят.

До самого рассвета не сомкнул глаз пастух, все думал, к чему бы этот странный сон, а утром рассказал о приснившемся байскому сыну Асаубаю — своему ровеснику. Асаубай с интересом выслушал пастуха и попросил продать ему сон. Пусть мальчик взамен возьмет сколько хочет скота из табунов отца. Растерялся Казангап: не знал он, всерьез говорит Асаубай или шутит. Пообещал он дать ответ через три дня и погнал ягнят пастись.

Весь день ломал голову парень:

«Сон мой хороший: не стал бы Асаубай покупать дрянной сон. Старики говорят, что сны иногда сбываются. Если я захочу продать сон, Асаубай обманет меня — ничего не заплатит, да еще и надсмеется. А не продам — изобьет и выгонит. И так и так плохо. Широка степь — уйду я лучше куда глаза глядят».

И Казангап ушел.

Много дней сменилось ночами, идет Казангап все дальше и дальше от родных мест. Заночует, где застанет темнота, с рассветом — дальше. В один из вечеров остановился он у больших тополей, что стояли одиноко в степи. Устроил себе постель, закусил чем бог послал, лег и сразу же заснул

крепким сном. Пусть спит, не будем тревожить его, а наш рассказ пойдет о другом.

Местностью той, где стояли тополя, владел хан Таусагор. Суров был хан Таусагор, но справедлив. Далеко за пределами своего ханства знали Таусагора как честного и умного и шли к нему за советами.

У хана были две дочери-красавицы, Гуляйим и Гулмахира. Девушки отличались незаурядным умом, Гулмахира к тому же была волшебница — она знала язык джинов и пери. Сестры жили дружно, любили друг друга. Когда они подросли, то поклялись никогда не разлучаться.

Настала пора выдавать дочерей замуж, и хан нашел им женихов — сыновей богатых и знатных родителей. Отцы договорились сыграть обе свадьбы в один день.

Загрустили девушки — не нравились им женихи. Да и разлучаться они не хотели. Думали, думали, как им быть, и придумали выйти замуж за одного жигита. Был такой жигит в степи, бедный, пастух бая, но хорош собой. Звали его Сагитом.

Послали сестры верного человека за жигитом, и когда он приехал, объявили ему о своем желании выйти за него замуж. Растерялся юноша и в то же время обрадовался. Спросил он, что ему нужно делать. Умная Гулмахира предложила: пусть Гуляйим с Сагитом бегут, найдут пристанище, а потом к ним приедет и она, Гулмахира. Совет Гулмахиры понравился, и Гуляйим решила бежать этой же ночью. Она условилась с Сагитом встретиться в полночь в степи — у тополей.

Ночь была темная-претемная. Сагит пошел к назначенному месту, но скоро сбился с пути и заблудился.

В полночь приезжает Гуляйим к тополям и видит спящего жигита (помните, там ночь застала Казангапа?). Разбудила девушка его, думая, что это Сагит, велела сесть на коня, которого привела в поводу, и они молча поехали.

Когда рассвело, Гуляйим удивилась, увидев рядом с собой незнакомого жигита, грязного, одетого в рванье. Юноша тоже удивленно смотрел на нее. Чуть не заплакала от досады девушка: вот как зло обошлась с ней судьба! Но нет назад пути, будь что будет. И девушка решила соединить свою жизнь с этим человеком — видно, сам аллах послал ей мужа.

Жигит был молод, статен, прекрасен лицом, а глаза так и полыхали огнем. Понравился он Гуляйим. Рассказала де-

вушка о себе, Казангап тоже поведал ей о своем горе. Понравились они друг другу. Гуляйим дала юноше одежду, припасенную для Сагита, велела ему вымыться в реке и переодеться.

Выбрали они место на берегу реки, сделали балаган и стали жить. Гуляйим велела Казангапу говорить всем посторонним, что они брат и сестра. Казангап стал охотиться и ловить рыбу. Гуляйим помогала ему.

Однажды на балаган наехали охотники. Это был со своими друзьями главный визирь местного хана Касен. Очень понравилась ханскому визирю Гуляйим, и он замыслил недоброе. Вернулся домой Касен и рассказал хану о девушке невиданной красоты. Долго расхваливал он девушку.

— Она единственная достойна быть вашей женой,— льстил хитрый визирь немощному, болезненному хану.

Крепко засела в голове хана мысль о Гуляйим, решил он во что бы то ни стало сделать ее своей женой. Поручает он визирю любыми средствами доставить девушку во дворец.

Вызывает Касен Казангапа и говорит ему:

— Наш хан тяжело болен. Помочь ему может только «белое лекарство Сулеймена». Найди это лекарство, иначе не сносить тебе головы.

Убитый горем Казангап вернулся домой. С тревогой встретила его жена.

— Чем озабочен ты, любимый мой? Никогда еще не видела я тебя таким печальным.

Рассказал Казангап о поручении визиря.

— Это сущие пустяки,— успокоила Гуляйим мужа. — Завтра же иди к главному визирю и попроси у него скакуна из табунов хана. Скакуна буду выбирать я. Пусть визирь прикажет прогнать мимо меня всех лошадей цепочкой, по одной.

На следующий день рано утром пастухи по приказанию Касена прогнали перед Гуляйим и Казангапом все табуны. Уже много сотен коней прошли перед глазами молодых людей. И вот наконец Казангапу приглянулся вороной конь.

Но Гуляйим посоветовала поймать приглянувшегося ей серого коня.

Помчится как вихрь
быстроногий жорга,

Стучат по такыру
копыта.
Любого ты с ним
одолеешь врага,
Ведь конь — это крылья жигита.

Послушал Казангап умную жену, поймал серого коня. Собрала Гуляйим мужа в дальнюю дорогу, на прощанье дала письмо.

— Езжай во владения моего отца хана Таусагора,— сказала она.— Письмо отдашь моей сестре Гулмахире. Она поможет тебе найти «белое лекарство». Тебе трудно будет войти во дворец. По обеим сторонам ворот высятся горы, они постоянно то сходятся, то расходятся. Когда горы раздвинутся и откроются ворота, быстро проезжай, иначе будешь раздавлен вместе с конем.

Поехал Казангап. Долго ли, коротко, приезжает во владения хана Таусагора, проезжает через ворота и вручает письмо Гулмахире.

Обрадовалась Гулмахира весточке от сестры, приняла тепло жигита, спрятала его подальше от глаз сурового отца. Взяла девушка свой волшебный платок, взмахнула им — вмиг собрались вокруг нее джины и пери. Повелела девушка им раздобыть «белое лекарство Сулеймена».

На следующий день Казангап с «белым лекарством» отправился домой. Приехал жигит, но хан Асаухан уже не нуждался в лекарстве, аллах призвал его к себе на небеса.

Умер хан, и люди решили выбрать себе нового хана. Выпустили они, по обычаю, из клетки «птицу счастья». Ханом должен стать тот, на чей дом сядет птица. Птица полетела в сторону от города и уселась на балаган Казангапа и Гуляйим. Разгневался Касен и приказал выпустить птицу еще раз. Опять птица села на балаган Казангапа. Выпустили птицу в третий раз, и снова она села на балаган. Однако не суждено было Казангапу управлять народом. Касен объявил, что птица ошиблась, села не на тот дом.

Совсем не стало житья Казангапу: всячески преследовал его Касен. Гуляйим, боясь за жизнь мужа, посылает его с письмом к отцу. Скоро прибыл с войском Таусагор и устроил суд. Велел он в назначенный день выпустить «птицу счастья». Птица в четвертый раз села на балаган Казангапа.

Зарезали, по обычаю, белого верблюда, посадили Казангапа на белую кошму и провозгласили его ханом.

Гулмахира, приехавшая с отцом, вместе с Гуляйим рассказала отцу все от начала до конца и слезно просила не разлучать их. Таусагор согласился и устроил большой свадебный той.

Люди не помнили хана справедливее Казангапа. Он всячески старался облегчить жизнь народа и пользовался за это всеобщим признанием и любовью.

Прошло время, и жены в один день подарили Казангапу сыновей.

Однажды усталый Казангап лег спать пораньше. Малютки-сыновья играли возле постели отца в асыки. У обоих было по литому из золота асыку-битку. Только хан задремал, как вдруг раздался стук. Открыл Казангап глаза и видит: у изголовья сидит одна жена, у ног — другая. Дети играют в асыки. И тут Казангап вспомнил свой давнишний сон, как над его головой сияло солнце, у ног светила луна, а двое ягнят бились лбами. Счастливый хан рассмеялся и рассказал женам о причине смеха. Женщины рассказали о себе и Сагите.

На следующий год Казангап по просьбе жен разыскал Сагита — он батрачил у одного бая — и сделал его своим главным визирем. Сагит оказался на редкость умным жигитом и хорошо помогал хану. Скоро он женился на красивой девушке. Обе семьи жили дружно до самой смерти.

АКБАЙ

Жил в давние времена бай Серикбай. Был у него сын по имени Акбай. Задумал Акбай жениться и стал искать себе невесту. Искал, искал, да все не мог найти девушку себе по нраву. Ближние аулы объездил жигит, стал собираться и в дальние, а тут дошел до него слух, что один знатный бай устраивает байгу, кокпар и богатый той.

«Съедется много народу,— подумал Акбай,— будут красавицы из многих аулов, авось найдется там для меня невеста».

Взял он с собою сорок жигитов и пустился в дальнее путешествие. На пятнадцатый день пути прибыли они на место. Акбая и его спутников приняли с почетом, отвели для жилья богато убранные юрты, поили душистым кумысом, угощали жирной бараниной.

Сорок дочерей было у знатного бая этого аула, сорок красавиц, но больше всех понравилась Акбаю Бибисары. Еще далеко было до конца празднества, а он решил к ней посвататься. Улучив момент, когда красавица осталась одна, Акбай осторожно спросил ее:

— Свободно ли ваше сердце?

— Свободно,— ответила Бибисары,— но только потому, что я решила выйти замуж лишь за того, кто полностью выполнит одно условие. Многие жигиты из знатных родов просили моей руки, и всем я ставила это условие, но выполнить его никто не смог.

— Нельзя ли мне попытать счастье?

— Не советую,— возразила красавица.— Вы наш гость, и если не сможете выполнить, что я велю, стыдно будет и вам и мне.

— Выполню! — воскликнул в нетерпении жигит. — Разве вы придумали то, чего не бывает на свете? Скажите же, что надо сделать?

— Ладно. Слушай, жигит. Надо раздобыть четыреста лошадей одного возраста — пяти лет и пяти мастей, по восемьдесят голов каждой масти: желто-пегих, рыже-пегих, белых, темно-рыжих, темно-гнедых. Да смотри, чтобы в каждой масти нельзя было отличить одну лошадь от другой. Вот мое условие. Кто бы его ни выполнил — раб или бий — я выйду за него замуж.

Задумался Акбай: условие трудное, да награда того стоит. И решил он попытать счастья. Три месяца сроку дала ему красавица.

Вернулся Акбай домой. Вместе с сорока верными жигитами целые дни пропадал он в табунах своего отца. К исходу третьего месяца дело было сделано — все четыреста лошадей пяти лет, пяти мастей были отобраны, да еще взял Акбай девяносто лошадей в подарок девушке.

Семь дней гостил Акбай в ауле отца Бибисары. Ни одного изъяна не нашел в лошадях бай и пообещал жигиту через год выдать за него дочь.

Год пробежал быстро. Опять Акбай держит путь к аулу Бибисары. С ним верные его сорок жигитов. Когда до аула

остался только один конский переход, Акбай сказал спутникам:

— Я поскачу вперед, а вы приезжайте завтра,— и, хлестнув камчой своего иноходца, умчался.

Навстречу своей беде торопился жигит!

Подскакал он к юрте невесты, вбежал в нее, огляделся и остолбенел: Бибисары, его Бибисары, покоилась в объятиях табунщика Кодара!

Увидев Акбая, коварная вскочила и, схватив горсть песку, бросила его в лицо жигиту. В тот же миг несчастный Акбай превратился в собаку! Бибисары была колдуньей!

Но Акбай не лишился человеческого разума и понимал человеческую речь. Выскочив из юрты, он стал ждать своих товарищей. Те, приехав в аул, начали его разыскивать. Видят, за ними неотступно следует белый пес. А вдруг бешеный? И решили его убить. Услышав это, бедный Акбай ринулся прочь. Бежал, бежал степью и встретил караван. Сжалился над бездомным псом караван-баши, не прогнал. Акбай пошел с караваном.

Один молодой погонщик верблюдов приласкал пса, начал его кормить и диву дался: не берет пес пищу с земли!

Положил погонщик пищу в чашку — собака с жадностью стала ее поглощать! «Что за чудо? Не простая это собака»,— догадался молодой человек и по прибытии в аул взял Акбая в свою юрту.

Как-то одна молодуха никак не могла разродиться. Думали, что пришла ее смерть, Акбай трижды обежал вокруг юрты, где лежала женщина, пролаял, и через минуту младенец появился на свет. О чудесной собаке узун-кулак разнес весть по всей степи, и стали приходить к погонщику больные люди с просьбой дать собаке полечить их. Хозяин Акбая взимал за лечение плату и скоро разбогател.

Акбая хорошо кормили, спал он на мягкой постели, но сильно тосковал по прежней жизни.

И настала ночь, когда он не выдержал и убежал. Бежал он в аул Бибисары. Три дня прорыскав по степи, увидел наконец Акбай знакомую юрту, перед юртой в большом казане варилось мясо. Заглянул он, виляя хвостом, в юрту в надежде выклянчить костей. Еду подавала сестра Бибисары, посмотрела она на собаку и что-то необычайное почудилось ей в обличье пса. Подумав немного, она спросила: «Уж не Акбай ли ты?» Но разве собака могла ответить?!

Она только заглядывала в глаза и виляла хвостом. Женщина все-таки отвела пса в свой аул и в течение семи дней произносила заклинания. К Акбаю вернулся человеческий облик. Тогда женщина дала ему одежду, коня и сказала:

— Вот тебе горсть земли, я ее заколдовала. Брось ее в лицо Бибисары.

Лукавая Бибисары, увидев жигита, не растерялась и успела первой бросить ему в лицо землю. Несчастный Акбай на этот раз превратился в жаворонка. Выпорхнув из юрты, он взлетел в поднебесье и помчался над степью.

Однажды, собирая зерна в поле, Акбай попал в силки, расставленные аульными ребятишками. Дети схватили его, привязали к лапке нитку и заставили летать. Какая-то женщина, увидев жаворонка, выпросила его у детей. Эта женщина была младшей сестрой Бибисары, она знала об ее колдовских проделках и жалела Акбая.

— Если хочешь получить власть над Бибисары,— сказала она,— подлети незаметно к юрте, выхвати спрятанное под правой ее косой волшебное кольцо. С его помощью ты опять превратишься в человека, и станут исполняться все твои желания.

Бибисары и Кодар спали крепким сном, и Акбаю ничего не стоило взять кольцо. Став человеком, он бросил в любовников горсть земли. Кодар превратился в кабана, а Бибисары в суку. Они выскочили из юрты, и жители аула их убили.

Родители Бибисары три дня угощали Акбая и все разыскивали дочь. Не найдя ее, они захотели вернуть жениху скот, но Акбай не взял.

— Мне не нужен скот,— сказал он.— Лучше дайте мне юрту вашей дочери и еды на полгода да пошлите со мною шесть человек помочь поставить юрту.

В безлюдной местности, у подножия горы близ ручья, поставили юрту. Акбай отпустил людей и остался один.

У бедного жигита от всего пережитого помутился разум!

Однажды, к несчастью, он потерял волшебное кольцо Бибисары, значит, теперь и желания его не могли исполняться.

Совсем пал духом жигит, затосковал больше прежнего, и вылились его думы в песню:

Я степями гнал косяки коней,
Но мужем не стал красотки своей.

Знать, нечестно нажит отцовский табун —
Слезами омочен каждый скакун.
Что мне деньги и скот,
Коль любимой нет?
Без ее очей мне немил весь свет.
Я живу один
У подножья гор,
По хребтам скользит
Мой горящий взор...
Вот сорвался вихрь
С снеговых вершин,
Прошумел и стих...
Снова я один.

Однажды известный охотник Сурмерген, бродя в горах, повстречал трех маралов и подстрелил самого большого. Разведя костер, он начал жарить внутренности. Нечаянно оброненный Сурмергеном кусок печени упал на тушу убитого марала, тот вскочил и на глазах пораженного охотника бросился бежать. К нему присоединились выскочившие неизвестно откуда два других марала.

Сурмерген кинулся вдогонку, на ходу натягивая тетиву, но стрела, описав в воздухе круг, опустилась к ногам охотника, другая — тоже. Выпустил Сурмерген беркута, тот, покружив в вышине, быстро снизился и сел на луку седла.

Тут оживший марал остановился и крикнул:

— Эй, Сурмерген, на склоне гор у ручья стоит одинокая юрта, в ней живет жигит Акбай. Поезжай к нему.

— Эй, Сурмерген,— подхватили два других марала,— отправляйся к батыру Акбаю,— затем, вытянув свои рогатые головы, все три марала запели:

Скачи, Сурмерген, скачи
Туда, где звенит ручей,
Туда, где сидит Акбай
У юрты белой своей.

От нас передай ему:
Пусть к людям вернется он,
Скажи, что есть на земле
И свет, и добро, и закон!

Пускай, не жалея себя,
Трудится честно батыр,
Тогда обретет он вновь
Любовь, и покой, и мир.

— Кто вы?— вскричал Сурмерген, но только цокот копыт был ему ответом.

Погнал Сурмерген коня, долго скакал, пока не увидел белую юрту на берегу ручья. Бедный Акбай лежал, обняв землю, и что-то заунывно напевал.

— Очнись, жигит!— сказал Сурмерген.— Выслушай мое слово. Худого тебе не скажу.

— Как ты попал ко мне?— поднял голову Акбай.— Зачем тебе несчастный, молящий аллаха о смерти?

— Меня зовут Сурмерген — жестокий стрелок. Всю жизнь я уничтожал зверей и птиц — невинные творения аллаха. А вот недавно я стал свидетелем чуда,— и Сурмерген рассказал Акбаю о трех маралах и спел их песню.

С последними словами этой песни окреп разумом Акбай. Теперь он знал, что делать и как жить дальше!

Обрадовался Сурмерген: дело сделано! Вскочил он на коня, но конь затоптался на месте и, как ни погонял его охотник криками и камчой, не делал и шагу вперед.

После встречи с маралами Сурмергена мучило раскаяние, что он убил в своей жизни столько живых существ, а тут еще Акбай ему говорит: «Давай посадим у моей юрты сад, пусть вырастет много плодовых деревьев и цветов».

Согласился охотник — и работа закипела.

А через семь лет у ручья уже шумел большой сад. Ветви деревьев гнулись под тяжестью плодов, в цветах жужжали пчелы, пение птиц ласкало слух.

Как-то раз, наслаждаясь вечерней прохладой, Сурмерген и Акбай сидели на берегу ручья. Вдруг к ручью один за другим подбежали три марала и стали пить воду у большого камня. Присмотревшись, Сурмерген вскочил: это был тот самый необыкновенный марал и его товарищи. Жигиты бросились к ним, но животные, прокричав: «Ждите добрых дней!»,— умчались прочь, задевая сучья своими великолепными рогами.

Опомнившись, Акбай и Сурмерген обратили внимание, что на камне, у которого маралы пили воду, возникли буквы. Присмотревшись, жигиты прочли такую надпись:

Ты видел много зла, Акбай,
Познал ты много бед,
Но на земле оставил ты
Прекрасный, светлый след:
Деревья кронами шумят
У быстрого ручья.
Прохладу путнику дарят,
Покой усталому сулят.
Все будут много лет подряд
Благословлять тебя.

Подивились жигиты еще одному волшебству и стали обсуждать, как быть дальше, да вдруг видят — в одном из отпечатков копыт маралов на прибрежном песке что-то блестит. Подошли поближе — кольцо! Волшебное кольцо коварной колдуньи Бибисары!

С помощью кольца добрались жигиты до своих родных кочевий.

Радостно встретили Акбая его престарелые родители. Был великий той. С тех пор Акбай зажил счастливо, ибо стали исполняться все его желания.

АКШАХАН И МЕНДИСУЛУ

Жил батыр Нарок. Был он честен, прям, обладал редким даром красноречия и пользовался за это в народе большой любовью. Прослышал хан Акшахан о батыре и приблизил его к себе. Стал Нарок жить при царском дворце, участвовать в правлении государством. Не по нраву пришлось это советникам хана: какой-то сомнительный батыр заслонил их от хана. Решили они извести славного батыра. Думали завистники, как вызвать у хана гнев на Нарока, и придумали.

У Нарока была красавица жена, да и умом она удалась под стать мужу. Вот и решили советники сыграть на слабости хана к женскому полу. Пришли они однажды к хану и ну наперебой расхваливать жену батыра: красивее ее нет женщины во всем царстве, а умом она может потягаться с самим ханом.

— Она единственная достойна быть вашей женой и украшением ханства.— Так напоследок сказали советники хана и, низко поклонившись, удалились.

Коварство удалось: потерял хан покой и сон, день и ночь думает о жене батыра. Совсем извелся. И вот позвал он как-то советников и просит помочь ему.

Советникам того и надо. Они давно уже придумали, как заполучить им жену ненавистного батыра. Говорят они хану:

— Таксыр, напишите хану кереев письмо, в котором попросите убить подателя письма, и пошлите с ним батыра Нарока.

Так хан и сделал. Скоро письмо было готово и вручено Нароку.

Но не так легко было провести славного батыра: разгадал он намерение хана, никуда не поехал, а спрятался в своем доме и стал ждать что будет.

Хан не замедлил исполнить свой коварный замысел. Послал он к Мейдисулу человека сообщить о своем желании быть гостем красавицы.

И вот хан со свитой в доме жены батыра. С большим почетом встретила Мейдисулу повелителя, щедро угостила его. Совсем потерял голову хан. Выпроводил он всех и попросил красавицу стать его женой.

Отвечала умная женщина:

— О таксыр, ваше предложение для меня большая честь, но моим ответом вам будет такой рассказ. Послушайте внимательно.— И Мейдисулу рассказала:

— У моего деда было бесчисленное количество скота. Особенно много было лошадей. Но вот беда: из табуна стали исчезать кобылицы, по одной каждый день. Как ни смотрели табунщики, не могли уследить. Тогда дед сам сел на коня и отправился к табуну. Едет он степью и вдруг видит: у подножия горы лежит лев. Вот, оказывается, кто крадет кобылиц! Подъехал дед ко льву.

— Эй, зверь, это ты воруешь моих кобылиц?

Заговорил лев:

— Да, я. Вы — бай, и если будете давать мне по кобылице, не обеднеете. Не дадите — сам возьму. Пойдете против меня — лишитесь всех табунов.

Испугался дед и стал сам отдавать льву по кобылице каждый день.

Шло время, и однажды лев не принял жертву деда. Удивился дед:

— Эй, лев! Или тебе приелось кобылье мясо?

— Я не питаюсь объедками других,— отвечал лев.

Ничего не понял дед:

— Что ты говоришь? Какие же это объедки? Это живая кобылица из моих табунов. Она родилась и выросла у меня.

Лев сказал на это:

— Когда кобылица была еще жеребенком, кто-то, видимо, волк, хотел полакомиться ее мясом, но ему не удалось это, он успел только вонзить зубы в ее бедро. Я чувствую запах другого зверя, и мне неприятно это.

Дедушке нечего было ответить.

— Вот и вся история, таксыр,— закончила рассказ Мендисулу.

Понял хан, к чему женщина рассказала эту историю, и, пристыженный, понурив голову, молча вышел из дома.

Не мог батыр Нарок простить Акшахану его поступка, оставил он его и ушел со своей красавицей женой к хану кереев.

КУЛЕКЕН

Давным-давно жил на казахской земле злой и жадный хан Садык. Он был очень богат. На обширных пастбищах хана выпасались стада всех четырех видов скота: верблюды с налитыми горбами, резвые кони, упитанные коровы, овцы с жирными курдюками.

Жить бы да радоваться хану, да вот беда: послал ему аллах только одно единственное дитя — сына Кулекена. Бывает такое — жены бедняков каждый год носят под сердцем плод, а в ханской семье за долгие годы только один ребенок!

Наконец, когда Кулекену исполнилось двадцать пять лет, жена хана забеременела. Хану нужен был только сын, и он решил: если родится девочка, умертвить ее.

На беду родилась дочь. Наемные убийцы тотчас же

проникли в юрту роженицы, но Кулекен заслонил своим телом малютку-сестру и прогнал головорезов.

Хорошо знал бедный юноша своего свирепого отца, он понимал, что разгневанный хан повелит убить и его и новорожденное дитя, поэтому, не тратя времени даром, стал готовиться к бегству. Сборы были недолги — приходилось спешить. Новорожденную сестренку Кулекен бережно завернул в одеяло, вскочил на своего сорокааршинного тулпара, обливающаяся слезами мать подала ему дитя, тулпар, взметая вихри пыли, помчался и в один мах преодолел такое расстояние, какое другие кони и за месяц не пробегали.

В горах, в пещере, нашел приют Кулекен и стал там жить и растить, как умел, маленькую сестру. Пищу добывал он охотой, а когда девочка подросла, стала помогать брату хозяйничать. В мире и спокойствии прошло пятнадцать лет. Много воды утекло, но не таков был хан Садык, чтобы не думать о мести. Все эти годы он посылал лазутчиков во все концы света с наказом разведать, где скрываются брат и сестра, и в один злосчастный день беглецы увидели себя окруженными нукерами хана.

Растерялся Кулекен, но вдруг его саврасый конь заговорил человеческим голосом: «Натяни подпруги, жигит, возьми меч в руку и закрой глаза, открой их после того, как я три раза чихну».

Кулекен удивился, но, делать нечего — повиновался. Когда он открыл глаза, то увидел, что из многочисленного войска хана невредимым остался только один человек, остальные убиты или ранены. Кулекен вызвал нукера на поединок и убил его. Не желая пугать сестру окровавленной одеждой, Кулекен пошел к ручью, чтобы смыть кровь с рук.

В это самое время на поле битвы пришла его сестра и увидела много трупов и раненых. Подошла поближе, а тут ей один раненый говорит: «Девушка, ты так хороша и добра, неужели ты не захочешь мне помочь? Чем больше я на тебя смотрю, тем больше чувствую в сердце своем любовь к тебе. Не оставь меня, спаси от смерти».

Понравились глупой льстивые речи. Принесла она раненого нукера домой, спрятала и стала лечить его, а скоро сделалась его женой. И все это она скрыла от брата. Спустя еще некоторое время почувствовала она себя беременной. Что делать? Признаться Кулекену страшно. На по-

мощь пришел случай: уехал Кулекен по делам и вернулся, когда ребенок уже родился. Что же придумала хитрая женщина? Перед возвращением Кулекена положила она сына на дорогу, по которой должен был ехать брат. Кулекен, увидев малое дитя, спрыгнул с коня, подобрал младенца и, обрадованный, поехал домой.

— Сестра,— радостно воскликнул он, протягивая ребенка.— Аллах посылает нам отраду в нашей одинокой жизни. Возьми малыша, ухаживай за ним, вырастет — будет нам утешением.

Лукавая женщина, умело притворившись, будто видит ребенка впервые, взяла дитя и, понятно, хорошо ухаживала за ним.

Так шли годы... Прошло еще шестнадцать лет. Все бы хорошо, да мешал Кулекен сестре и ее любовнику, с которым все эти годы она встречалась тайно, и задумали они черное дело — убить Кулекена.

Однажды, когда, вернувшись с охоты, утомленный Кулекен уснул, они подкрались к его постели, и любовник уже занес было меч над головой жигита, как вдруг проснулся мальчик.

Увидев расправу, он, закричав, бросился на своего отца. От шума Кулекен проснулся, вскочил и мечом, предназначенным для его головы, убил и коварную неблагодарную сестру и ее любовника.

Так ребенок, подобранный некогда на дороге, спас Кулекену жизнь.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

КАК СОРОКА ОБМАНУЛА ЛИСИЦУ

Увидела как-то раз Лисица Сороку и притворилась мертвою. Сорока спустилась с дерева и села на Лисицу. И чтоб убедиться в том, что Лисица мертва, она пересела ей на голову, а потом перешагнула на морду. Лисица моментально схватила Сороку за ногу. Заплакала горько Сорока.

— О моя Сорока! О чем ты так плачешь?— спросила Лисица.

— В детстве меня всегда ругали родители. Они желали, чтоб меня схватила Лисица, подняла на высокую гору и сбросила бы оттуда так, чтобы на каждом камне я оставила по клочку своего мяса и перьев. Теперь проклятье их исполняется: я схвачена тобою,— продолжала рыдать Сорока.

Лисица решила выполнить волю родителей Сороки. Она поднялась на самую высокую кручу и бросила оттуда Сороку. Сорока в восторге захлопала крыльями и улетела.

Лисица с разинутой пастью осталась на месте.

ЛЯГУШКА И УТКИ

Много лет назад две Утки и одна Лягушка были в большой дружбе между собой. Но вот настал день, когда в озере стало мало воды, и Утки решили перебраться в другое место. Узнала об этом Лягушка и стала просить, чтоб подруги взяли ее с собой: она так привыкла к ним, что даже считает себя одного с ними рода. Утки согласились выполнить просьбу Лягушки. Нашли они дощечку, посадили на нее Лягушку и, взяв дощечку лапками за оба конца, полетели. Лягушке строго приказали, чтобы она во время полета не кричала.

Пролетали они над одним аулом. Лягушке захотелось пить и она заквакала. Кваканье услыхали люди аула и стали смотреть вверх. А когда увидели Уток, подняли шум, стали бросать в них камнями. Испуганные Утки разлетелись в разные стороны и уронили Лягушку.

ЛИСИЦА

Живет старик со старухой. Ловит рыбу. Но каждый день Лисица отбирает у него весь улов. Голодно старикам из-за проделок Лисицы. Старуха посоветовала старику взять с собой топор и убить Лисицу. Старик взял топор и пошел на рыбную ловлю. Но хитрая Лисица не подошла к нему. Всю рыбу старик погрузил в телегу и отправился домой.

Лисица легла на дороге и притворилась мертвой. Едет старик и видит: лежит Лиса мертвая. Обрадовался он, поднял Лисицу и бросил в телегу, где была рыба. Сел старик и поехал дальше. Дорогой он размечтался о том, как сдерет с Лисы шкуру и сошьет себе тымак. Затем он стал рассуждать, какой материей покрыть его. Пока он думал да мечтал, Лисица съела всю рыбу и незаметно выпрыгнула из телеги.

Приехал старик домой и кричит:

— Ну, старуха! Я тебе привез не только рыбу, но и Лисицу. Бог дал! Сшей мне из нее тымак!

Посмотрела старуха в телегу, а там ни рыбы, ни Лисицы!

КОЗА И ГЛУПЫЙ ВОЛК

Как-то раз голодный Волк отправился на поиски пищи. Долго он ходил, вдруг повстречалась ему Коза. Волк и говорит ей:

— Иди-ка сюда! Я должен тебя съесть!..

— Ну, что ж! — сказала Коза

спокойно.— Чему быть, того не миновать. Но ты видишь, какая я худая. Какой с меня толк, а вот я сбегаю сейчас домой и приведу своего Козленка. Вот уж тебе будет чем полакомиться!

Волк согласился, и Коза убежала. Только Волк ее и видел.

ЛИСИЦА И ЖУРАВЛЬ

Подружилась Лисица с Журавлем. Вошли они в нору. Следы их увидал один охотник. Подошел он к норе и стал раскапывать ее. Вот Журавль и говорит Лисице:

— Лисица, у тебя, говорят, шестьдесят видов хитрости, а у людей — шестьдесят два. Придумай что-нибудь, а то нас убьют!

— Ничего не могу придумать,— говорит Лисица.

Тогда Журавль, видя, что уж нет возможности выйти из норы, сказал:

— Вот что я придумал: когда охотник просунет руку и вытащит меня, я притворюсь мертвым. Он подумает, что я поймал тобою, и бросит меня; я в это время полечу, охотник будет смотреть на меня, вот ты тогда и выбегай из норы.

Лисе это очень понравилось. Она согласилась. Журавль лег перед выходом и притворился мертвым. Охотник просунул руку в нору и, вытаскивая Журавля, сказал:

— Должно быть, этого Журавля Лиса принесла себе в пищу.

Взял он журавля и бросил в сторону. Журавль крикнул и полетел. Охотник ахнул и стал смотреть на улетающего Журавля. Лиса воспользовалась этим и выбежала из норы. Так Журавль и Лисица спаслись от охотника.

ХИТРАЯ ЛИСИЦА И ГЛУПЫЙ ВОЛК

диажды Лнсица, бегая по степи, встретнла капкан с целым курдюком бараньего сала. Увидев такую соблазиительную примаику, она подошла было к салу, но в этот момеит подбежал Волк.

Лиса немедлеино стала восхвалять потомство Волка, его храбрость н снлу. Прн этом оиа прибавила, что уже давно ожидает его, ибо сама ие осмелилась воспользоваться таким лакомством, отдавая предпочтеине ему. На это Волк воскликиул:

— Да ведь здесь почти батмаи сала!..Тут что-то кроется неладиое, ниаче бы ие валялось иа дороге такое сокровище.

— Эх ты!— с иегодоваиием проговорила Лиса.— Я ие прикасалась к салу потому лншь только, что считала и считаю тебя старше себя. Если ты ие пожелаешь, то я сама съем.

С этими словамн Лнса иаправилась к капкаиу. Тогда жадный Волк бросился на сало, ио капкаи крепко захватил его. Лнсица схватнла сало и убежала.

ЛИСИЦА И ПЕТУХ

днажды подружились Петух н Лисица. Лисица думала про себя: «Когда я буду голодиа, Петух послужнт мие пищей, а пока сыта — будет другом». А Петух думал ниаче: «Лисица хитрая, н я смогу у нее чему-ибудь поучнться. А еслн оиа меия обмаиет, то я порву с ией дружбу».

Вот как-то Лисица проголодалась и схватнла Петуха. Петух взмолился:

— Ведь я твой друг! Чем я провииился перед тобою?

— Да, ты был другом,— сказала Лнсица.— Но у меня есть друзья блнже тебя. Вот по желанню этих друзей я н

хочу съесть тебя. Кроме того, приятель, ты совершил три тяжких греха!

— Как!?— спросил Петух.

— Да очень просто,— ответила Лиса.— Во-первых, ты многих беспокоишь своим криком. Как будто люди без твоего крика не знают, что на дворе солнышко всходит или полночь настает. Поверь мне, что люди все знают и даже там, где нет петухов. Во-вторых, ты нарушаешь закон, имея девять жен, и, в-третьих, султаны из перьев везде принято носить на голове, а ты, бестия, носишь на хвосте...

Выслушал Петух этот приговор и сказал так Лисе:

— Хорошо, дружок, в грехах своих я сознаюсь, но прошу у тебя одно: перед смертью моей не откажи произнести за мою душу молитву, ведь все же мы с тобой были приятелями.

Лиса, желая исполнить последнюю просьбу Петуха, подняла обе лапки вверх, а Петух в этот момент вырвался и взлетел на дерево.

ТРИ ДРУГА

ожет, было то, может, не было,— подружились, говорят, когда-то, подружились и побратались Ягненок, Козленок и Теленок.

Раз Козленок говорит приятелям:

— Братцы, кто из вас видел, как солнце по вечерам уходит за горы?

— Я видел,— сказал Ягненок.

— И я видел,— сказал Теленок.

— Так давайте,— предложил Козленок,— пойдем втроем и разведаем, где же прячется на ночь солнышко.

— Я бы рад пойти с тобой, да пастухи нас не пустят,— вздохнул Ягненок.

— Пастухи нас не пустят,— отозвался Теленок.

— А мы удерем от пастухов! Пусть потом ищут нас,

если охота. Степь широка: всю не объехать, не обойти, арканом не измерить, глазом не окинуть...

И в тот же день Козленок, Ягненок и Теленок тайком убежали из стада.

Вот идут они степью. Долог путь, но гора все ближе и ближе. Радуются друзья. Вдруг перед ними арык. Как перебраться? Козленок говорит:

— Ничего, перескочим!

— Я боюсь,— сказал Ягненок.

— И я боюсь,— сказал Теленок.

— Эх вы, трусишки,— смеется Козленок.— А вот я так ничего не боюсь.

Разбежался он и вмиг перескочил на другой берег.

Прыгнул за ним и Ягненок — тоже удачно, только заднее копытце замочил.

Потоптался, потоптался на месте Теленок, делать нечего — скакнул и он. Скакнул — да бултых в воду! Чуть было не захлебнулся. Приятели за уши вытащили.

Козленок говорит:

— Мы тебя, Теленок, от смерти спасли. Ты должен отплатить нам за услугу. Подвези-ка нас на спине до горы. Ты ведь сильный.

Сели верхом на Теленка два озорника, едут, посмеиваются.

Прошло сколько-то времени, устал Теленок, запыхался. Мычит жалобно:

— Тяжело мне. Я вам не верблюд. Довезу до камня, что белеет впереди, а там хватит, слезайте.

Доехали до камня, а это не камень вовсе — дорожный мешок на земле лежит, туго-претуго чем-то набитый. Видно, какой-то ротозей проезжал здесь и потерял на пути поклажу. Развязали мешок, а в нем четыре звериных шкуры, одна другой дороже: барсова, медвежья, волчья и лисья.

— Хорошая находка,— сказал Козленок.— Она нам пригодится.

Побрели пешком дальше. Вот уже гора совсем рядом, рукой достать. Под горой стоит белая-белая юрта, в юрте шум и гам, и песня, и звон домбры. Постояли путники, переглянулись и — будь что будет!— отворили дверь.

Видят — в юрте пир идет. Дикие звери свой праздник справляют. Пестрый Барс кумыс пьет, толстый Медведь халву сосет, сивый Волк баурсаки уплетает, рыжая Лиса на домбре играет.

Трынды-трын, домбра моя!
Ныче все мы здесь друзья.
Завтра — снова мы враги:
Каждый шкуру береги!

Ввалились в юрту Козленок, Ягненок и Теленок и замерли у порога: сразу поняли, что попали в беду. А звери как увидели нежданных гостей, так глазищи у них и загорелись: такая лакомая закуска сама к ним в зубы идет! Подмигнула хитро Лиса шайке хищников, поднялась с места и, облизываясь, повела лукавые речи:

— Милости просим, дорогие гости. Сам аллах посылает вас на наш праздничный пир. Садитесь поближе к очагу, детки. Сейчас мы вас так угостим, что вам никогда больше кушать не захочется. А покамест не сыграете ли вы нам на домбре, не потешите ли песенкой?

Ягненок потупился — и молчит. Теленок попятился — и молчит. А Козленок тряхнул кудрявой шерсткой и говорит бойко:

— Давай, Лиса, домбру! Спою вам и сыграю. Только слушайте, звери, получше.

И он ударил по струнам:

Трынды-трын, моя домбра!
Пусть не ждут враги добра.
Пестрый Барс нам нипочем,
Толстый Мишка нипочем,
И Волчище нипочем,
И Лисица нипочем.
Как накинемся втроем,
Всех злодеев задерем!

Слушают звери и ушам своим не верят: что за дерзкая песенка!

— Да вы кто такие?— зарычал Барс.
— Мы охотники степные,— отвечал Козленок.
— А куда идете?— взревел Медведь.
— Несем товар на базар.
— А какой у вас товар?— прошамкал Волк.
— Звериные шубы.
— Где же вы их взяли?— взвизгнула Лиса.
— С ваших родичей сняли,— говорит Козленок и вы-

тряхивает из мешка все четыре шкуры — барсовую, медвежью, волчью и лисью.

Окаменели зубастые разбойники от страха, потом взвыли каждый по-своему, да разом в дверь, да бежать кто куда без оглядки.

Козленок, Ягненок и Теленок остались в чужой юрте хозяйничать. Закусили они с дороги вкусными звериными кушаньями и стали думать, как дальше быть.

Козленок говорит:

— Хорошо, что мы недругов так напугали, но плохо будет, коли они, опомнившись, вернутся назад. Тогда уж нам не сберечь костей. Побежим-ка лучше, не ожидая горя, поскорей домой. В родном стаде нам и вправду никакой зверь не опасен. В родном стаде нас жигиты-пастухи никому в обиду не дадут.

Не пришлось Козленку долго друзей уговаривать.

— Верно ты, братец, говоришь,— сказал Ягненок.

— Правильно говоришь,— сказал Теленок.

И через минуту далеко уже были они от белой юрты, еще дальше от горы. Впереди мчался Козленок, вслед за ним — Ягненок, а Теленок — сзади.

К вечеру домой поспели. Пастухи так им обрадовались, что и бранить не стали. Вот как все славно получилось.

Одно нехорошо: так и не узнали три дружка, где солнышко на ночлег прячется.

КОСАЯК

Жил некий славный богатырь. Не было ему равного ни по росту и дородности, ни по силе и доблести, ни по уму. Все любили и почитали его, даже звери приходили к нему за советом и помощью, потому что он один из людей знал язык животных и птиц.

В один из дней прибежал к нему запыхавшийся волк и проговорил в тревоге:

— Спасайся, богатырь, сам и спасай нас! Движется от границ степи по нашей земле семиглавый змей Айдахар.

Хребет его, как поднебесная гора, хвост — как крутобережная река. Никого на пути своем он не щадит и не милует.

Надевает богатырь шлем и кольчугу, опоясывается булатным мечом и мчится на своем быстроногом коне навстречу чудовищу. Вот приближается он к Айдахару и видит: крепким сном спит змей, раскидав по степи во все стороны семь своих страшных голов. Осадил коня богатырь и сказал:

— Не велика честь для героя сражаться со спящим!

И он крикнул раз и другой — и до семи раз, и с каждым криком пробуждались с зловещим свистом одна за другой змеиные головы. Тут богатырь обнажил свой меч и напал на чудовище. От шести взмахов могучей руки покатились по земле шесть змеиных голов, а когда замахнулся богатырь на седьмую голову, обернулся Айдахар косаяком[1] и, обгоняя птиц, ускакал в степной простор. Много развелось с тех пор в степи этих трусишек. И кому теперь придет в голову, что этот забавный зверек был когда-то страшным драконом?

ЧЕРЕПАХА

Может было это, может, не было, а если было, то в те незапамятные времена, когда все звери и птицы жили в мире и согласии, а питались травами да плодами. Еды в степи хватало на всех, и никто из животных не заботился о завтрашнем дне. Только одна Жаба была жадна и запаслива: натаскала она в подземную пещеру всякой снеди на многие годы. Смеялись звери над ее скаредностью, а она спокойно отвечала:

— Вы смеетесь, пока сыты. Придет голод — наплачетесь.

[1] Косаяк — тушканчик.

Сбылись предсказания Жабы. Сожгло солнце растения, иссушило землю — начался голод.

Пришли звери к Жабе с мольбой:

— Выручи нас из беды, раздели между всеми твои запасы. Будущим летом мы снова наполним доверху твои кладовые.

Жаба сказала:

— Кто дает, тот разоряется, кто продает, тот умножает свой достаток. Покупайте мои товары!

Выставила Жаба весы и гири и начала торговлю.

Все, что только было у них, сносили звери Жабе за пищу, а та всякий день повышала цены и никому не отпускала ни крошки в долг. Но алчность никогда не насыщается. Решилась Жаба ради наживы пойти на страшный обман. Стала она по ночам обтачивать гири, чтобы потом у всех на глазах без страха попасться обвешивать покупателей.

Долго ее хитрость оставалась незамеченной. Звери тощали и гибли, Жаба раздувалась и богатела. Но меч не спрячешь в мешке, злодейство не прикроешь тайной. Открылся обман Жабы. Заподозрив торговку в плутовстве, ринулись звери к складам Жабы с грозными криками:

— У нее неправильные гири! Проверим ее гири!

Проверили. И оказалось, что Жаба за полчарака брала плату, как за чарак, за полбатмана, как за батман.

Взвыли звери от негодования. Потащили они виновницу Жабу в степь, окружили ее несметной толпой и стали судить.

Сначала хотели ее убить или уморить голодом, да пожалели. Потом порешили было заточить преступницу в ее же подземных кладовых. Но тут раздался из толпы чей-то голос:

— Пусть Жаба в назидание всем обманщикам, всем корыстолюбцам, всем, кто вскармливает свое благополучие чужим горем, несет заслуженную кару не в темном подземелье, а на виду у всех живых существ. Скуем из ее проклятых гирь железный сундук с отверстиями для ног и головы и замкнем преступницу в этот сундук на вечные времена.

Так и сделали. С тех пор многие тысячелетия таскает на себе обманщица Жаба свою тяжкую тюрьму. Исхудала, сморщилась, еле передвигает ноги и стала похожа в своем панцире на оживший камень. Казахи и прозвали ее Тасбака — Каменная Жаба. Русские называют ее Черепахой.

А есть еще обыкновенные жабы. Страшась участи своей соплеменницы, они таятся днем в земляных норах и лишь с наступлением темноты выходят на промысел.

КУКУШКА

Жили две сестры. Отца, матери у них давно не было. Старшая сестра завладела всем родительским имуществом, вышла замуж за бая, а младшую взяла себе в батрачки. С утра до ночи работала сиротка на сестру и ее мужа, но никак не могла им угодить.

Как-то из байского табуна пропала лошадь. Кликнули бай с женой свою батрачку и приказали строго-настрого:

— Иди ищи лошадь! Хоть день, хоть год ищи — без лошади назад не возвращайся!

Кинулась сиротка в степь, и в лес, и в горы — нигде нет лошади. Идут дни за днями, она мечется туда-сюда и даже подумать не смеет, чтобы вернуться домой. А потом и вовсе путь потеряла. Бежит в слезах куда глаза глядят и только повторяет:

— Ат жок! Ат жок![1]

Вдруг выросли у нее за спиной крылья, сделалась девушка кукушкой.

Так и летает она, бедная, с места на место: нет у кукушки ни гнезда, ни семьи, ни приюта. Летает да все твердит одно и то же:

— Ат жок! Ат жок!

[1] Ат жок — коня нет! Ат — конь, жок — нет.

ил хан. Было у него двое детей: дочь от первой жены, сын от второй. Крепко любил отец обоих. Подарил он дочери сто платьев, а сыну — дорогую шубу.

Миновали годы. Хан умер, дети выросли. Раз ханская дочь говорит брату:

— Я красивее всех. И ты красив. Будь моим мужем.

Юноша в ужасе отшатнулся от сестры и скорей заткнул пальцами уши.

— Как твой язык не истлел, прежде чем ты произнесла такие слова, бесстыдница! Был бы жив отец, он отрекся б от тебя и прогнал с глаз долой. Ты мне сестра, сестрой и останешься.

Рассвирепела ханская дочь:

— Нет, не сестра я тебе отныне, а смертельный враг!

Тут она накинулась на брата и выколола ему глаза.

— Покоришься ли теперь моей воле? — кричала распутница.

— Не покорюсь!

Тогда злодейка вырыла яму, столкнула в нее брата и засыпала — живого — землей.

С той поры и до наших дней, прорывая ходы, бродит он, незрячий, в своей богатой шубе под землей, и зовут его люди кортышкан[1].

А бессердечная его сестра превратилась в ползучую змею. Язык ее стал жалом, голос — шипением. Все живое ненавидит ее и проклинает. Она таится в камнях и зарослях, боится солнца и света и каждый год меняет платье, чтобы скрыться от возмездия. Но всякий, кто не трус, увидев гадину, считает долгом своим убить ее, помня пословицу: «Убей змею — сотворишь праведное дело!»

---

[1] Кортышкан — крот.

МАКТА И КОШКА

большой дружбе жила девочка Макта с Кошкой. Они почти никогда не разлучались и что находили, делили поровну. Как-то раз, прибирая свой дом, Макта нашла изюминку. Она позвала Кошку полакомиться, но та не пришла. «Не хочешь идти,— сказала девочка,— ну и не надо!» И сама съела изюминку. И только это она сделала, прибежала Кошка.

— Зачем ты меня звала?— спросила она Макту.

Макта не ответила на ее вопрос, ничего не сказав и про изюминку. Кошка обиделась и сказала:

— Если не скажешь, разолью твой катык.

Макта тоже рассердилась.

— А я тебе отрежу хвост,— сказала она.

Кошка разлила катык, а Макта отрезала ей хвост.

— Сестричка, сестричка, отдай мой хвост!— жалобно сказала Кошка.

— Заплати за мой катык!— сказала Макта.— Тогда отдам твой хвост!

Пошла Кошка к Корове просить катык.

— Корова, дай мне катык!

— Я проголодалась,— сказала Корова.— Принеси мне листьев!

Пошла Кошка к дереву.

— Дерево, Дерево, дай мне листьев!

— Я очень хочу пить,— сказало Дерево.— Напои меня, тогда дам листьев.

Пошла Кошка дальше и видит — идут Девушки с водой. Она спросила у них:

— Девушки, Девушки, дайте мне воды.

— Если принесешь нам серы, мы дадим тебе воды,— сказали Девушки.

Пошла Кошка к Лавочнику:

— Эй, Лавочник, дай мне серы!

— А ты дай мне яйцо,— сказал Лавочник.

Пошла Кошка к Курице:

— Курица, Курица, дай мне яйцо!

— Принеси мне зерен,— сказала Курица,— тогда получишь яйцо.

Пошла Кошка дальше. «Что мне теперь делать?»— думает она. И вдруг пробежала Мышка. Кошка набросилась на нее, схватила и говорит:

— Отвечай, пока цела, что у тебя есть дома?

Испугалась Мышка и говорит дрожащим голосом:

— Д-д-ома есть од-д-ио б-б-людечко пш-пш-ена.

— Дай мне горсть пшена,— приказала Кошка.

Отпустила Кошка Мышку, и она принесла ей горсть пшена. Кошка это пшено отдала Курице, та дала ей яйцо. Это яйцо Кошка отдала Лавочнику, а он ей дал серу. Серу Кошка отнесла Девушкам, а они ей дали воды. Водой Кошка напоила Дерево, а оно сбросило свои листья. Кошка взяла листья и отнесла Корове, а Корова дала Кошке катык. Отнесла Кошка катык Макте и получила обратно свой хвост.

КАК БАЙГЫЗ СТАЛ ПТИЧЬИМ БИЕМ

ворцы Сулеймена были полны драгоценностями, но больше всего дорожил хан одним золотым кольцом, которое никогда не снимал с пальца. Кольцо это было волшебное: кто надевал его, тот начинал понимать язык зверей, птиц и растений и обретал власть над всеми живыми тварями.

Раз на охоте Сулеймену захотелось освежить лицо студеной водой из ручья. Но когда он зачерпывал пригоршней воду, заветное кольцо соскользнуло с пальца и стало быстро опускаться на дно. Хан готов уже был кинуться в ручей, чтобы достать со дна сокровище, как вдруг в воде блеснула большая рыба, проглотила кольцо и, вильнув хвостом, нырнула в омут.

В глубокой печали, раздумывая о потере, пошел Сулеймен вдоль берега и шел долго-долго, пока не увидел перед собой одинокую хижину, возле которой сушились рыбачьи сети.

Близилась ночь. Хан вошел в хижину. Переступив порог, он услышал гнусавый голос:

— Благодарение судьбе! Она посылает нам сытный ужин.

Хан ужаснулся: посреди хижины стояла кровожадная жалмауыз-кемпир и протягивала к нему когтистые руки. Он уже схватился за охотничий нож, чтобы защищаться, но тут послышался другой голос, сладкий, как пение соловья:

— Не трогай пришельца, мать! Посмотри, как он красив и величествен. Наверное, сам хан Сулеймен не лучше его.

Хан обернулся на голос, и сердце его дрогнуло и запылало: у очага на пестром ковре сидела девушка такой чудной красоты, что ради нее никто не побоялся бы смерти.

Жалмауыз-кемпир сказала:

— Счастлив ты, незнакомец, что приглянулся дочери моей Булук. Я пощажу тебя. Но уходи отсюда поскорей. Вот-вот вернется мой старик. Тогда уж никто тебя не спасет и не выручит.

Сулеймен отвечал:

— Я не сделаю и шага назад, если об руку со мной не пойдет прекрасная Булук.

В это время забурлил ручей, загудела земля и хижина покачнулась, точно от внезапного урагана. Жалмауыз-кемпир заметалась по всем углам и, открыв кебеже, крикнула Сулеймену:

— Полезай, сумасшедший, в сундук! Да не мешкай!

И только захлопнулась крышка сундука — в хижину ввалился старый людоед — дяу.

— Чую дух человеческий! — рявкнул он во всю великанью глотку.

Жена напустилась на него с бранью:

— Совсем из ума выжил, старый дуралей! Это пахнет тем жигитом, которого мы съели вчера. А нынче никто к нам не заходил.

Прошла ночь. С рассветом дяу пошел к ручью ловить рыбу и вскоре вернулся с добрым уловом.

— Готовьте завтрак,— приказал он жене и дочери,— а я ухожу на промысел. Может, удастся к обеду добыть батыра или батырского коня.

Ушел. Жалмауыз-кемпир выпустила Сулеймена из сундука и стала толкать его в спину к двери.

— Прочь с моих глаз, незваный гость. Натерпелась я из-за тебя страху!

Но Сулеймен не двигался с места, а только глядел, не отводя взора, на красавицу Булук. Повинуясь приказу от-

ца, девушка чистила свежую рыбу. Вот она разрезает большого язя и, вскрикнув от неожиданности, вынимает из его живота золотое кольцо. Кольцо выпало из ее рук и покатилось прямо к ногам Сулеймена. Поднял его хан и надел на палец. И в то же мгновение сделался он могуществен и мудр, как и прежде.

— Я хан Сулеймен! — сказал он в радости. — Хочешь ли ты, Булук, быть моей женой и ханшей вселенной?

И вот Булук стала ханшей. Спала она теперь на шелковых подушках, ела на золоте и серебре, одевалась в бархат и парчу.

Ничего не жалел для нее хан Сулеймен; позабыв все дела государства, только и думал, чем бы еще ублаготворить жену.

Однажды хан говорит красавице:

— Пожелай, Булук, и я построю для тебя дворец из золота и алмазов.

— Не нужен мне дворец из золота и алмазов,— капризно ответила Булук, играя глазами. — Если ты действительно любишь меня, владыка, построй мне дворец из птичьих костей.

Кликнул клич всевластный Сулеймен, чтобы все птицы мира немедля явились к нему и были готовы принять со смирением свой смертный приговор, как того пожелала ханша.

Черными стаями, без песен и щебета, слетелись несчастные птицы к дворцу Сулеймена, покорно и безропотно ожидая своей участи: такова была сила волшебного кольца.

Булук пересчитала их и сказала хану с досадой:

— Одна птица ослушалась тебя, повелитель, и не явилась по твоему приказанию. Имя ее — Байгыз.

Разгневался Сулеймен. Повелел он черному Ворону разыскать и доставить к нему изменника байгыза.

Летал Ворон три дня — воротился ни с чем, нигде не сыскался след провинившейся птицы. Тогда хан посылает на поиски быстрокрылого Сокола.

Нашел сокол байгыза на горе под камнем. Забился далеко под камень ослушник, не достать его ни клювом, ни лапами.

Сокол говорит:

— Почтенный Байгыз, что поделываешь?

— Думу думаю.

— Что? Что ты сказал? Не расслышал я.

Байгыз высунул голову из-под камня, а сокол схватил его и понес в когтях к хану.

Байгыз запел:

Ой, пропал я! Погибать душе моей!
Жестки ласки неприятельских когтей.

Сокол кинул птицу к ногам Сулеймена, но и перед ханом Байгыз продолжал свою песню:

Тоньше пальца ты, головушка моя.
Я под перьями — не больше воробья.
Мало мяса, мало крови у меня,—
Даже кобчик не наестся на полдня.

Сулеймен топнул на него ногой и грозно спросил:

— Почему ты, Байгыз, не явился ко мне по первому зову?

Байгыз отвечал:

— Я думу думал.

— О чем же ты думал?

— Думал я, чего на земле больше — гор или равнин.

— Ну, и что же надумал?

— Гор больше, если за горы считать и те кучки, что нарыты в степи кротами.

— Еще что думал?

— Думал я, живых или мертвых больше.

— Кого же, по-твоему, больше?

— Мертвых больше, если спящих считать за усопших.

— Еще что думал?

— Думал: мужчин или женщин больше?

— И что же решил?

— Женщин, повелитель, куда больше, если к ним причислить тех слабодушных мужчин, что готовы, теряя рассудок, выполнять любую женскую прихоть.

Когда Байгыз сказал это, Сулеймен прикрыл ладонью глаза и залился краской: понял владыка мира намек малой птицы. Тотчас же он распустил по домам всех своих крылатых подданных, и те с песнями и щебетом понеслись к родным гнездам.

Так и не был построен дворец из птичьих костей. А птицы за то, что хитроумный Байгыз избавил их от гибели, избрали его своим бием на вечные времена.

ЯГНЕНОК, КОЗЫ И ГНЕДОЙ

Жил-был бедняк. И было у него всего богатства: пять коз, черный ягненок и конь гнедой.

Коз и ягненка бедняк пустил в байскую отару, а коня — в байский табун. Однажды разыгрался в степи буран. Ягненка, коз и гнедого коня бай отделил от своей отары и табунов и прогнал в степь. А буран все усиливался и завывал. Продрогшие от мороза и ветра козы прижались к скале, пережевывая сухие листья. Ягненок не мог за ними угнаться, он отстал от них и устроился под кустом колючек. Трудно в степи было и гнедому. Он дрожал и фыркал.

Снег окутал хвост и гриву,
Охватил все тело лед,
Скачет взад он и вперед...

Гнедой хотел укрыться в камышах и провалился в запорошенный снегом колодец.

Вот он ржет, ржет беспрестанно,
Траву щиплет неустанно,
С хрустом он ее жует.
Конца бури гнедой ждет...

Вышел голодный волк на промысел и наткнулся на ягненка.

— Ягненок, ягненок, я тебя съем,— сказал волк.

— Нет, волк, не ешь меня. Вон там стоят козы, иди и ешь их,— ответил ягненок.

— Ладно,— сказал волк и, щелкая зубами, побежал к козам.

— Козы, козы, я вас съем!..

— Не трогай нас, серый! Вон там, в колодце, лежит гнедой, съешь его,— сказали козы.

— Ладно,— сказал волк и, навострив уши, побежал к гнедому.

— Гнедой, гнедой, я тебя съем,— зарычал волк.

— Ты волк, а я конь,— сказал гнедой. — Выполни хоть одну мою просьбу. Вытащи меня из колодца, очисти

от грязи, сядь на мой круп и прочитай молитву, а затем можешь меня есть.

Согласился волк. Опустил в колодец свой хвост. Конь уцепился за хвост зубами. Волк вытащил его из колодца, лапами очистил от грязи.

— Теперь взбирайся на меня и читай молитву,— сказал гнедой и присел на задние ноги. Хвастливый волк решил, что нет в этой бескрайней степи зверя сильнее его. Залез он на круп гнедого и, закрыв глаза, как настоящий мулла, начал выть молитву. Гнедой чуть покосился на волка и, скинув его, изо всей силы ударил задними ногами прямо по голове. Волк с проломленной головой и вытекшими глазами упал на снег чуть жив и завыл:

Голову-у-шка бедная,
Не съевшая ягненка,
Голову-у-шка глупая,
Не съевшая коз,
Голову-у-шка гордая,
Вытащившая коня из колодца.
Зачем я залез на круп коня
И читал молитву, как мулла?
Разве я му-у-у-лла-а...

Долго выл волк и наконец подох. На следующий день буран утих, настало утро. Вышел бедняк на поиски коз, ягненка и коня. Он взобрался на холм и стал звать:

Ягненок мой, дитя овцы,
Смирехонький ты мой,
Единственный ты мой,
Ягненок мой, где ты?
Пшайт! Пшайт!..
Вы кричите, когда стригут вашу шерсть,
Зовете прадедов своих,
Выросли вы на воле,
Мои славные козочки.
Где вы сейчас?
Шуре! Шуре!..
Ты мой спутник в пути,
Заботливо выращенный мной!
Где же ты, где ты, мой гнедой?
Курау! Курау!

Гнедой услыхал голос хозяина и двинулся в путь, за ним потянулись козы и ягненок. Дошли они благополучно до своего хозяина. Он загнал их в теплый хлев, положил теплой подстилки, дал им вдоволь корму. Когда они насытились, хозяин стал спрашивать: где они были, что видели. Затем спросил ягненка:

— Почему же ты думал только о своей шкуре?

— Рога у меня еще не отросли,— сказал ягненок. —Да и сам я еще слабенький. Так не хотелось умирать! Поэтому я и послал волка к козам, думая, что они сильнее меня и что-нибудь придумают.

— А вы почему думали о своих шкурах,— спросил хозяин коз,— и выдали волку гнедого?

— Мы помним, что ты, хозяин, не раз на гнедом охотился на волков, поэтому мы и решили, что гнедой — храбрый конь, он что-нибудь придумает. И мы оказались правы. Не будь с нами гнедого, голодный волк съел бы всех нас.

БЕЛКА И ВОЛК

елка прыгала с ветки на ветку и упала на Волка, спящего под деревом. Волк схватил ее и хотел разодрать.

— Не убивай меня, отпусти!— взмолилась Белка.

— Хорошо, отпущу, только ты мне расскажи: отчего вам все время бывает весело?

— Отпусти меня, я задыхаюсь, и мне трудно говорить,— заплакала Белка.

Волк отпустил ее. Белка вмиг взобралась на дерево.

— Ты, Волк, злодей. Злость жжет все твое нутро, поэтому ты всегда ходишь угрюмый. Мы никому не делаем зла и оттого всегда живем весело,— ответила Белка.

ЛИСА И ФАЗАН

ежала Лиса по лесу, увидела сидящего на дереве Фазана, подбежала к нему.

— Здравствуй, дорогой Фазан, как живешь?— обратилась Лиса к Фазану.

— Хорошо живу, а как твои дела, сестрица? — спросил Фазан.

— Спустись на землю, а то я глуха на одно ухо,— сказала Лиса.

— Боюсь спускаться на землю. Там много разных зверей, они могут меня съесть,— ответил Фазан.

— Эх, дружище, сейчас времена уже не те. Только что я узнала: вышел приказ, чтобы никто друг другу не чинил зла. Овцы с волками должны жить в дружбе, а лисы должны дружить с курами,— поведала Лиса.

— У тебя хорошие новости, спасибо, сестрица! Вон там бегут собаки, сообщи заодно и им эту новость! — сказал ей Фазан.

Услышала Лиса слово «собаки» и рванулась без оглядки.

— Куда бежишь, сестрица, разве ты забыла приказ?— закричал ей вслед Фазан.

— Кто знает, быть может, они не слышали ничего об этом приказе,— буркнула Лиса и была такова.

КАК ГУСЬ ПЕРЕХИТРИЛ ЛИСУ

днажды Лиса поймала гулявшего по лугу Гуся, придавила его передними лапами и решила потешиться над ним.

— Эй, Гусь, если бы я попалась в твои лапы, что бы ты сделал со мной? — лукаво спросила она.

— Что бы сделал? Я бы взял тебя в клюв, сложил бы лапы на груди, зажмурил

глаза и помолился бы: «О аллах, тысячи благодарностей тебе за щедрый дар!»— потом съел бы тебя.

— Верно ты говоришь. Я тебя съем точно так же,— проговорила Лиса. Взяла она в пасть Гуся, присела на корточки, положила передние лапы на грудь, зажмурила, как мулла, глаза и начала молиться. Гусь взмахнул крыльями и улетел с гоготом.

ГОРЕ ЗАЙЦА

Однажды Заяц жаловался на свою судьбу: «Нет на свете несчастней меня,— говорил он себе,— кто только за мной не охотится: и человек, и собака, и волк, и лиса, и ястреб, и пучеглазая сова, даже глупая ворона и та уносит моих детей. Нечем мне защищаться. Не могу я, как белка, прыгать по деревьям. Не могу, как мышь, вырыть себе нору. Зубы у меня острые, но укусить врага не хватает храбрости. Стоит раздаться шороху, а у меня уже сердце колотится от страха, и я бегу без оглядки. Правда, не так легко меня догнать, и то хорошо, что хвост у меня короткий: собака не схватится за него. Но все равно нет мне спасения, не пройдет и года, как меня поймают и убьют. Шкуру сдерут, мясо съедят, а кости выбросят собакам. Все время живу под страхом! Чем так жить, лучше умереть!»

В отчаянии побежал Заяц к реке топиться. Подбежал он к самому берегу и услышал, как что-то выскочило у него из-под ног и шлепнулось в воду. Догадался Заяц, что это была лягушка, и призадумался: «Постой, видно, я не самый трусливый из всех на свете. Оказывается, есть существа, которые боятся меня. К тому же они и бегать не умеют, я могу даже раздавить их. И нет у них теплой шкуры. А ведь живут они и не собираются умирать! Зачем

же тогда я должен топиться?.. Нет! Я еще не самый трусливый на свете. Я еще должен и буду жить!» — воскликнул Заяц и весело побежал в поле.

ЛЕВ, ВОЛК И ЛИСА

Заболел как-то Лев и забрался в одну пещеру. Все звери навещали его, справлялись о здоровье. Только Лиса одна не приходила. Волк невзлюбил Лису и, чтобы досадить ей, стал поносить ее перед Львом:

— Видно, Лиса совсем не уважает вас. Она даже не соизволила навестить больного.

Рассвирепел Лев и позвал к себе Лису. А Лиса догадалась, что это Волк наговорил на нее.

— Вы понапрасну сердитесь на меня,— поклонилась она Льву. — Как услышала я, что вы заболели, совсем потеряла покой, носилась в поисках лекарства для вас. И вот только сейчас нашла и поспешила к вам.

— Что это за лекарство? — обрадовался Лев.

— Если содрать шкуру с живого Волка и накрыться ею, пока она тепла... — начала было Лиса, но Лев не стал слушать дальше. Тут же набросился он на стоявшего рядом Волка и стал сдирать с него шкуру. Лиса хитро усмехнулась и побежала восвояси.

ВОЛК И ЛИСА

Шли Волк и Лиса и взобрались на скалу. Волк недавно съел овцу и был сыт, а Лиса была голодна. Позавидовала Лиса Волку и решила отомстить ему за то, что он сыт. Притворилась она веселой.

— Чему ты радуешься?— спросил ее Волк.

— Я вспомнила твоего отца. Второй раз прихожу я к этой скале. Первый раз я была здесь с твоим отцом. Он был такой отважный, что прыгнул со скалы. Но разве сын может прыгать, как отец,— усмехнулась хитрая Лиса.

— Почему же это не могу? Попробуй, испытай и меня,— загордился Волк. Он так расхрабрился, что захотел прыгнуть, но трижды подбегал к краю скалы и каждый раз отбегал назад. Лиса расхохоталась.

— Почему ты смеешься? — спросил Волк.

— Ты весь удался в отца. Он также пытался трижды прыгнуть и только на четвертый раз осмелился,— ответила Лиса.

Расхрабрился еще больше Волк и на четвертый раз прыгнул. Он упал и разбился. Подбежала к нему Лиса и, усмехнувшись, начала потрошить.

— Разве это смешно, Лиса? — простонал Волк не в силах шевельнуться.

— О глупец! Точно так же я расхвалила твоего отца, и когда он прыгнул, я выпотрошила его,— ответила Лиса.

ЛЕВ И ЧЕЛОВЕК

дин Человек с ранних лет жил тем, что добывал на охоте. Однажды, когда он натягивал сеть под деревьями, неожиданно появился Лев.

— Эй, Человек, я давно ищу тебя, но ты все не попадался. Подойди и выслушай меня. Говорят, что ты все время занимаешься насилием. Даже и мне готовишь расправу. Если ты сильнее меня, попробуй теперь вырваться из моих когтей.

— Я не сильнее тебя, но с тобой потягаться могу. Вон там я поставил одну вещь, если ты сильнее меня, то попробуй перейди через нее. Преодолеешь — можешь съесть меня,— сказал Человек.

— Я вижу твою хитрость. Попробуй-ка перейди сам сперва! — предложил Лев.

Человек ловко проскользнул под сетью. Лев не смог перескочить через сеть и запутался. Так Человек перехитрил зверя.

ЖУРАВЛЬ И ЛИСА

Порешили Лиса и Журавль жить вместе и в дружбе. Вместе они выращивали своих детенышей, вместе питались. Если один из них отправлялся на поиски добычи, другой оставался возле птенцов и лисят.

И вот настало время, когда голлобые птенцы журавля оперились и стали бегать. Лисята тоже выросли красивыми, с черными полосками на ногах. Мамы иногда выводили своих детенышей на прогулку недалеко от дома.

Как-то Журавлиха отправилась на поиски добычи, а Лиса осталась с малышами. Вывела она детей на прогулку. Птенцы и лисята стали дружно и весело играть на поляне. Вдруг пришла Лисе мысль: «Журавли созданы летать. Ведь аллах не пошлет их нам в другой раз. Пройдет немного времени — и они улетят, а мы останемся ни с чем. Не такие уж мы близкие родственники, чтобы быть неразлучными, и должны же мои лисята научиться ловить птиц. Нет, никогда чужое дитя не становилось родным другому. Схватила Лиса на глазах лисят одного журавленка и ударила о землю. Видя это, лисята набросились, переловили всех птенцов и задавили их. Потом поодаль спрятали убитых птенцов и вернулись в свою нору.

Вечером вернулась Журавлиха. Вышла навстречу Лиса со слезами на глазах.

— Что случилось? — спросила встревоженная Журавлиха.

— Ох, случилась беда! — ответила Лиса. — Не все наши детеныши вернулись домой.

— Чьи не вернулись, твои или мои? — спросила растерянная Журавлиха.

— О бедняга,— сказала с усмешкой хитрая Лиса. —

Как бы я ни хотела сдружиться с тобой, ты всегда чуждаешься и делишь детей на «моих» и «твоих». Разве о птенцах мы можем сказать «твои» или «мои»?

ЛЕВ И ЛИСА

ев состарился. Он не мог охотиться, как прежде, и решил добывать себе пищу хитростью.

— Болею, не могу двигаться,— пустил он слух среди зверей и залег в пещере.

Звери по очереди навещали Льва. Ни одного из них он не выпускал обратно из пещеры.

Однажды прибежала Лиса.

— Как ваше здоровье? — спросила она, стоя на почтительном расстоянии.

— Очень плохо. Почему ты не подойдешь поближе? Подойди, сестрица, потолкуем,— сказал Лев.

— Я бы подошла к тебе, да боюсь: много следов идет в твою пещеру, но что-то не заметно ни одного, идущего обратно!— ответила Лиса и побежала прочь.

КОЗА И ВОЛК

а высокой скалистой горе Коза щипала траву. К подножию той горы подошел голодный Волк. Увидел он Козу и сказал:

— Ведь в горах нет для тебя хорошего корма, лучше бы спустилась к подножию и паслась бы на вкусной и сочной траве.

— Эй, дружище, ты прибереги для себя сочную траву, что у подножия, а для меня неплохо и здесь, на горе,— ответила ему Коза.

ЛИСА И КУВШИН

ришла одна женщина в поле жать, а кувшин с молоком запрятала в траву. Это заметила Лиса. Она проползла к кувшину, просунула в него голову и вылакала все молоко. Стала вытаскивать голову — никак. Выбилась Лиса из сил.

— Ну, кувшин! — взмолилась она. — Побаловался немного и хватит, отпусти мою голову!

Но кувшин ие отпускал ее.

— Ну постой же, если ты не отстанешь по-хорошему, так я утоплю тебя в реке!

Прибежала Лиса к реке, опустила в воду кувшин и сама вместе с ним пошла ко дну.

ЛИСА И КУРИЦА

ла как-то Лиса, видит: сидит на дереве Курица. Вот, думает, полакомлюсь курятинкой. Подошла кумушка к дереву и ласково так говорит:

— Курочка, цып-цып! Что ты забралась так высоко? Хочешь, будем друзьями. Спустись иа землю — намаз прочтем, поиграем.

Курица:

— И правда, Лисонька: подходит время намаза. Вон там лежит имам, пойди разбуди его.

Обрадовалась Лиса, побежала, куда указала ей Курица. Там лежала Собака. Увидела Собака Лисицу и погналась за ней.

А Курица с дерева:

— Лисонька, куда же ты? Время молитвы пройдет, мы же договорились подружиться.

Но Лиса не слышала Курицы, она думала о своем животе.

Говорят, этот случай послужил основанием для пословицы: «Не рой другому яму — сам в нее попадешь».

МОЙ ДЕТЕНЫШ ЛУЧШЕ ВСЕХ

днажды хан Сулеймен призвал к себе Ворону и Ежа и приказал им:

— Ты, Ворона, облети весь мир и найди мне такую птицу, краше которой не поет ни одна другая птица на свете. Хочу, чтобы клетка с такой птицей висела над изголовьем моего ложа и чтобы птица эта своим чудесным пением извещала меня о наступлении нового дня.

А ты Еж, обшарь всю землю и найди самую мягкую, самую нежную вещь. Это мягкое должно лежать у моей подушки так, чтобы, проснувшись утром и обернувшись к клетке с певчей птицей, я прикоснулся бы щекой к нему и ощутил ласку и тепло его.

Сроку вам даю один день.

Сказал так хан и занялся своими важными государственными делами.

Во многих местах побывала Ворона, слышала пение многих птиц — и больших, и малых, и красивых, и некрасивых, и ночных, и дневных, таких, которые поют на утренней заре, и таких, которые поют на вечерней заре.

В одном саду она услышала даже трель соловья. Хорошо поет соловей, но что-то в его трели не понравилось Вороне.

Вот уже пришло время возвращаться к хану. С чем она предстанет перед ним, что скажет?

Совсем загоревала Ворона. Неужели придется ей расстаться с жизнью?

Ранним утром, до восхода солнца, вернулась Ворона в свое гнездо, усталая, печальная.

Голодные воронята встретили мать дружным радостным писком, и этот их писк показался Вороне приятнее и нежнее пения соловья и других певчих птиц.

— И зачем я далеко летала за певчими птицами? Вот они, в моем гнезде!— обрадовалась Ворона.— Голосистее их нет на свете!

Недолго думая, посадила Ворона в клетку своих воронят и повесила над изголовьем хана.

Еж обшарил всю землю в поисках самого мягкого и

нежного и усталый ни с чем возвращался в свою норку. Завидя отца, навстречу ему выбежали ежата. Он нежно ласкал их и думал о том, что во всем мире нет ничего мягче и нежнее его детенышей.

— Вот глупый, всю землю обошел напрасно. Нечего было ходить так далеко,— ругал себя Еж.

Не задумываясь, Еж собрал своих детей и поместил их на подушке спящего Сулеймена — мудрейшего из мудрых.

Настало утро. Воронята что есть мочи запищали, закаркали в своей клетке и разбудили хана. Хан обернулся в сторону клетки, но больно укололся о какие-то шипы. Тогда он поднял голову и увидел в клетке обыкновенных воронят. На подушке его удобно разместились ежата.

Разгневался Сулеймен. Приказал немедленно привести Ворону и Ежа и отсечь им головы.

— О хан! — взмолились виновные. — Прежде выслушай, что мы скажем, а потом уже делай с нами что хочешь.

Хан согласился, и Ворона с Ежом рассказали о своих поисках.

Задумался тогда Сулеймен и молвил:

— Каждому существу свое дитя кажется краше солнца, слаще меда, жарче огня и мягче пуха.

Еж и Ворона были помилованы.

ОБЕЗЬЯНА-СУДЬЯ

Жил на свете Охотник. Выкопал он на тропинке, что шла через чащу, глубокую яму-ловушку. Прикрыл сверху ветками, настелил травы, а потом еще землей присыпал. Ничего не заметишь — дорога как дорога. У него и в мыслях не было, что все это видела Обезьяна, сидевшая на дереве. Охотник ушел, а Обезьяна только весело посмеивается:

— Вот наловчился, гляди-ка, как устроил! Кабы не видела своими глазами, так тоже могла бы попасться. Вот интересно! Посижу-ка я здесь да погляжу, кто в яму угодит!

Прошло немного времени, видит Обезьяна: бежит по

тропинке Зайчиха. Все ближе, ближе к опасному месту. Пожалела ее Обезьяна.

— Стой!— закричала она во весь голос, спрыгнула с дерева и преградила дорогу Зайчихе. Зайчиха даже подскочила со страху. А когда разглядела, что это Обезьяна, забила себя лапками в грудь и проговорила:

— Ай-я-я! Сестрица Обезьяна! Как ты меня, бедную, напугала.

— Да я только спросить хотела — куда идешь?

— Бегу я в темный лес за молодой травкой для своих зайчат.

— Не ходи по этой тропинке, там Охотник выкопал ловушку,— сказала Обезьяна, показывая вперед.

Трижды поблагодарила Зайчиха Обезьяну и побежала в обход. Только она сделала несколько шагов,— вот беда-то!— навстречу ей голодный Волк — дорогу преградил.

— Повезло,— сердито разинув пасть, прорычал Волк,— меня прямо трясет от голода. Вот я тобой и полакомлюсь!

Перепугалась Зайчиха, но смекнула, набралась храбрости и давай браниться:

— Все мы в лесу живем, какие у тебя права съесть меня?

— Ха-ха-ха,— загоготал Волк,— у меня в брюхе урчит, есть хочу, не надо было попадаться мне — вот так!

— Давай поищем кого-нибудь, кто разрешит наш спор.— Тут как раз неизвесть откуда Лиса выскочила. Вот Волк и говорит Зайчихе:

— Ладно, спросим-ка Лису, она лучше всех разберется.

— Что тут говорить,— промурлыкала Лиса,— я давно уже разобралась в вашем споре. Ты, Зайчиха, должна с радостью отдать себя на съедение Волку.

Не согласилась Зайчиха и потребовала найти настоящего, справедливого судью. Согласился Волк. Пошли они. Видят, у развилки Обезьяна сидит. Выслушала Обезьяна обе стороны, поморгала глазами, подумала и говорит:

— Волк хочет съесть Зайчиху: конечно, Волк сильнее Зайца. Но пусть он сперва ответит, в чем его сила?

— Разве и так не видно? Мои острые зубы вмиг загрызут быка: ну, а быстрые ноги, они могут догнать мчащегося, как ветер, барана, да еще...

— Подожди,— перебила его Обезьяна,— что-то я не очень верю, что ты умеешь так быстро бегать.

— Сестрица Обезьяна,— подала голос Лиса,— ты не должна сомневаться в способностях братца Волка — это чистая правда, я могу поручиться!

— Кто верит словам?— замотала головой Обезьяна.— Пусть Волк сам покажет, на что он способен. Сделаем так: пусть бежит по этой тропинке до старого кипариса. Когда он отбежит на двадцать шагов, Зайчиха бросится ему вдогонку. Не догонит — отдаст себя на съедение Волку, а догонит — так что тут много говорить: значит, Волк просто болтун и обманщик.

«Ну, Зайчиха-то бегает не так быстро, как я, да у меня будет еще двадцать шагов в запасе, ей и подавно не догнать меня»,— подумал про себя Волк и согласился.

Лисица — востра на язык — тоже влезла в разговор:

— Хотя состязание в беге еще не началось, но я уже знаю, кто победит, а кто отстанет. Нечего и говорить о братце Волке, который славится быстрым бегом на весь наш лес, даже меня, коротконогую, Зайчихе не нагнать.

— Раз так,— засмеялась Обезьяна,— то ты беги с Волком. Коль ты и вправду сможешь победить, то и тебе достанется кусочек зайчатины.

— Идет! Что я, трусиха, что ли?— похлопала себя по брюху Лиса.

Итак, состязание началось. Обезьяна выпятила губы и свистнула, Волк и Лиса бросились вперед. Они неслись по тропинке прямо к старому кипарису. А Обезьяна громко кричала сзади:

— Поддай! Нагоняет! Поддай!

Потом послышалось бух-бух — это Волк и Лиса свалились в охотничью яму. Они так ударились, что в головах помутилось, в глазах круги пошли. Только немного погодя очухались Волк и Лиса и поняли, что случилось. Давай изо всех сил выкарабкиваться, да яма глубокая, только зря силы потратили. Делать нечего, сидят в яме и вздыхают: «Ху-чи, ху-чи!»

А Обезьяна с Зайчихой стоят рядом и заливаются: «Ха-ха-ха!»

КАК ИЗБЕЖАТЬ ЗЛА?

В давние времена жил в лесу один Человек. Звери и птицы не боялись его и разговаривали с ним на человеческом языке. Однажды вечером Человек расположился под большим деревом на отдых. Под соседним деревом собрались все звери и птицы, обитавшие в том лесу, и повели между собой разговор.

— Отчего на свете бывает зло? — спрашивали они друг друга.

Ворона сказала:

— Зло бывает от голода. Когда проголодаешься, совершаешь зло, не считаясь ни с чем. Как много погибло от голода моих родственников! Если не будет голода, не будет и зла.

Голубь сказал:

— Я думаю, что зло бывает от любви. Если бы мы жили в одиночку, мы никогда бы не злились. Мы живем парами. Когда преданно любишь свою голубку, нет тебе покоя. Все время думаешь, как накормить подругу, как лучше нарядить ее. Стоит ей куда-нибудь отлучиться, пока не вернется, тебя охватывает тоска. Если долго не возвращается, идешь искать ее и порою рискуешь погибнуть. Все зло бывает от любви.

Прошипела Змея:

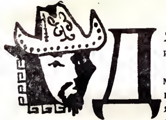
— А по-моему, зло бывает от раздражительности. Если бы мы жили дружно, все было бы хорошо. Бывает, что из-за пустяков начинаешь злиться. А когда разозлишься, так и хочется кого-нибудь ужалить. А ужалишь — убьют тебя.

— Нет,— сказал Олень,— зло на свете — от страха. Если бы не было страха, все было бы хорошо. Вот я бегаю быстро, сил у меня много. Маленьких зверюшек легко сбиваю рогами, а от крупных спасаюсь только бегством. Плохо быть боязливым: шелохнется ветка дерева, зашуршат листья — бежишь во всю прыть и не замечаешь, как летишь в овраг или хватают тебя собаки. Надо быть смелым.

Слушал, слушал Человек животных и вступил в разговор.

— Вы все по-своему правы,— сказал Человек.— Но дело не в голоде, любви, раздражительности или трусости. Все это переживаете не только вы, животные, но и мы, люди. Все живущие на земле должны стремиться делать друг другу добро. Тогда исчезнет зло.

ПОЧЕМУ ЧЕЛОВЕК ДРУЖИТ С ЛАСТОЧКОЙ

Давно это было. Собрала как-то Змея вокруг себя всех животных и птиц и расплакалась:

— Несправедливо поступил со мной бог, когда создавал мир. Он всем обделил меня: не дал ног, и я вынуждена всю жизнь ползать, не в силах даже оторвать от земли голову. У всех языки как языки — целые, а у меня — раздвоенный. Я самая несчастная на земле, а ведь страдальцы — всем это известно — всегда справедливы. О горе мне, горе! — и Змея залилась горючими слезами.

Пожалели животные горемычную, стали совещаться. Долго совещались, наконец решили:

— Обрадуем несчастную: объявим, что отныне считаем ее владычицей нашей.

Порешили и сделали так. Стала Змея царицей.

Проходили день за днем, год за годом. Хорошо жилось Змее: все почитали ее, низко кланялись. И вот однажды размечталась Змея:

«Хочу жить еще лучше. Я ли не владычица, я ли не повелительница: что захочу, то и сделаю! Хочу питаться существами, у которых самая сладкая кровь!»

Призвала Змея к себе всех насекомых — лучше их никто не разбирается во вкусе крови. Прилетел Комар, звеня крыльями, прилетел Овод, высунув жало, прилетели все, кто хотел угодить царице.

И приказала царица Комару и Оводу:

— Облетите всю землю, попробуйте на вкус все живое и неживое, все твердое и мягкое. О самом вкусном сообщите мне.

Полетели Комар и Овод выполнять задание повели-

тельницы. Комар не мог лететь далеко. Он боялся ветра и часто прятался в траве. Скоро он отстал от Овода и вернулся домой.

Прошло много дней. Овод облетел всю землю, попробовал на вкус сок всех растений, кровь всех животных и птиц и с песней возвращался назад. Повстречалась ему на пути Ласточка.

— Ну как, друг Овод? — остановила его Ласточка. — Я слышала, вы искали самую вкусную пищу для царицы? Нашли?

Но Овод не захотел отвечать Ласточке и полетел быстрее прежнего.

— А, понятно, понятно! — защебетала Ласточка вдогонку. — Вы нашли, что искали! Я всегда знала вас как самого ловкого и храброго. И теперь расскажу всем крылатым, что вы с честью выполнили задание царицы.

Слова Ласточки понравились Оводу, и он гордо спросил:

— А ты знаешь, кого я выбрал для пищи царице?

— Откуда мне знать? Я телом хоть и больше вас, но умом беднее — ведь вы советник самой царицы! Для меня, недостойной, достаточно знать, что вы выполнили задание нашей повелительницы — я и этим довольна,— отвечала Ласточка.

Еще пуще возгордился Овод и ответил хвастливо:

— А я скажу и тебе, чего мне бояться! Самая вкусная пища для нашей царицы — это кровь Человека.

«Так, значит, самое умное и самое доброе существо на земле — Человек — должен отныне служить пищей ползучей мрази»,— в ужасе подумала Ласточка. И моментально у нее созрел план, как отвести от человека беду.

— Дорогой Овод,— сокрушенно вздохнула Ласточка,— если я глупа, прости мне дерзость мою. Я никогда не пробовала человеческой крови. Моя мать не раз говорила: кто попробует самую сладкую кровь, у того на языке останется золотая печать. Как бы я хотела увидеть эту печать!

У Овода дух захватило от такого внимания к нему. И ответил он важно:

— Ну что ж, посмотри, бедняжка, мне не жалко,— и высунул свой язык. Ласточка вмиг вырвала у Овода язык и взмыла вверх. Заплакал Овод, да делать нечего, жужжа, полетел дальше.

«Посмотрим, как ты теперь без языка расскажешь ца-

рице о самой вкусной крови!»— весело подумала Ласточка и полетела вслед за Оводом.

Прилетел Овод к Змее, а та уже ждет не дождется посланца своего. Закружил Овод над владычицей, хочет что-то сказать, но изо рта вырывается только «Ж-ж-ж, ж-ж-ж».

Разгневалась Змея:

— Что такое? Или у него языка нет, или он умом тронулся? Может быть, вы объясните, что он говорит? — обратилась она к подданным своим.

— Я все поняла,— сказала Ласточка.— Он говорит: «Я жужжа облетел весь свет, но ничего не нашел слаще земли, которая породила различные растения».

Овод с ненавистью бросился на Ласточку... Потом подлетел к Змее и заплакал в отчаянии.

— А-а, ты лишила Овода языка! — догадалась Змея и, подскочив изо всех сил, кинулась на Ласточку. Только куда уж Змее угнаться за быстрокрылой Ласточкой! Ласточка молнией взметнулась вверх, и только за хвост успела схватить ее Змея. Стал хвост у Ласточки вилкой.

С тех пор змеи — вечные враги ласточек. Человек стал убивать змей, подружился с ласточками и позволил им вить гнезда под крышей своего жилища.

ХИТРАЯ ЛИСА

Однажды Лиса попалась в когти Льва. Повертела кумушка хвостом, подняла морду и говорит:

— Вы не смеете меня съесть! Я владычица над здешним лесом!

— Какая ты владычица?— не поверил Лев, примериваясь, с какой стороны приняться за Лису.

— Коль не верите, идемте в лес. Сами убедитесь, как будут убегать все птицы и звери, завидев меня.

— Ладно, идем,— согласился Лев.

Лиса важно зашагала впереди, а Лев — за ней. Звери и птицы, завидев Льва, в страхе разбегались по норам и гнездам. А хитрая Лиса еще выше подняла голову.

— Ну что, Лев, убедились? Есть ли птицы и звери, которые не боятся меня?

— Да, ты на самом деле сильна,— ответил Лев и пошел прочь.

КОШКА И ТИГР

Однажды Кошка шла по лесу и увидела издохшего Тигра. Рядом бегал тигренок. Сжалилась Кошка над сиротой, взяла его к себе и стала кормить своим молоком. Тигренок вырос в сильного хищника и стал сам себе добывать пищу. Однажды проголодавшийся Тигр набросился на Кошку, хотел ее съесть. Но Кошка раньше угадала намерение Тигра и бросилась наутек. Она быстро взобралась на дерево и стала смотреть вниз.

Подбежал Тигр к дереву и говорит:

— О кормилица, вскормившая меня своим молоком! Ты дорога мне, как родная мать. Ты научила меня всему. Но почему же не научила лазать по деревьям?

— Я приберегла это для себя,— ответила Кошка и забралась еще выше.

КОЗЛЯТА

Бегали по поляне два козленка: один Белый, другой — Черный. Посмотрели вокруг: с одной стороны — густой лес, с другой — густой бурьян. Кругом — ни коз, ни овец.

— Ты Белый козленок, ты глупый беленок. Водил меня по лесу, и вот мы заблудились. Сейчас же найди нашу отару,— заплакал Черный козленок и боднул Белого в бок. Белый козленок вскрикнул от боли.

Черный козленок старше Белого. На лбу у него рожки. Он большой шалун и забияка и не считается с тем, что

Белый ему братец, чуть что — дразнит его: «Белый — глупый». А рассердится — боднет того в бок. Ведь он сам привел Белого сюда, сказав:

— Бэ-э! Смотри, какая тут сладкая трава.— А теперь всю вину сваливает на брата.

— Белый козленок, глупый козленок, иди сейчас же вперед,— приказал Черный Белому.

Белый козленок долго вспоминал, где, по каким местам они ходили.

— Найдем ли мы теперь отару. Кто знает, может быть, она уже перешла гору и сейчас пасется на жайляу? А нам не только жайляу — дорогу найти нелегко. Ну что ж, все равно придется идти. Пойду я впереди. Найду я дорогу. Но вот тебе два условия: ни с кем не будешь ссориться и будешь слушаться меня. Если не будешь выполнять эти условия, мы заблудимся и погибнем,— сказал Белый. Услышав слово «погибнем», испугался Черный козленок. Дал он слово во всем слушаться Белого.

Белый козленок пошел вперед. Он раздвигал густую траву, очищал тропку. Встретится на пути арык — перепрыгнет, камень — перескочит. Так дошли козлята до подножия одной горы. Тишина. Никого не видно вокруг.

Вдруг откуда ни возьмись — Лиса. Завиляла хитрая хвостом:

— Ах ты, какой беленький, какой красивенький, так и хочется проглотить тебя. И братец твоей миленький. Вы, наверно, устали. Идемте ко мне, отдохнете, подкрепитесь. У меня есть такие же миленькие два лисенка, поиграете с ними,— говорила Лиса. А сама думала про себя: «Беленький еще маленький. Надо сначала его съесть. Но братец его может увидеть это и убежать».

Белый козленок уже заранее приготовился к ответу:

— Лиса, вон на той вершине около черного камня нас ждет Волк. Мы идем к нему в гости. Если Волк узнает, что мы ушли с вами, рассердится. А злоба Волка всем известна. Если не верите, идемте с нами.

— Ладно уж, идите,— сказала Лиса, а сама себе на уме.

Когда козлята пошли дальше, Лиса последовала за ними.

Много ли, мало ли шли козлята — вдруг перед ними вырос огромный, ростом с теленка, Волк. Лиса испугалась — только ее и видели.

— Как хорошо, что мы встретились! Я так голоден! — обрадовался Волк.

Взмолился Белый козленок.

— Ваша милость, вон на той вершине у черной скалы нас ожидает Тигр. Он явился вчера, чтобы стать ханом всех птиц и зверей этих мест. На завтрак он съедает двух телят, на обед — двух козлят, на ужин — двух ягнят. Если он узнает о вашем поступке, то рассердится, и вам несдобровать.

— Бэ-э! Эй, Волк, смотри, Тигр идет, смотри, он зовет нас,— вдруг закричал Черный козленок.

Волк сразу утратил весь свой геройский вид, затрясся от страха и кинулся в густые заросли.

— Подальше от беды! Уходите, пока живы!

Убежали козлята. Достигли вершины горы и увидели у подножия старика-чабана верхом на коне.

Обрадовались козлята, наперегонки побежали к отаре и смешались с овцами и козами.

Старик-чабан, увидев прибежавшего первым Белого козленка, поднял его на руки:

— Смотри-ка, сами явились! Молодцы. Молодец, Белый козленок! Теперь никто тебя не будет дразнить: «Белый козлик — глупый козлик».— И старик-чабан крепко обнял Белого козленка.

МЕДВЕДЬ И КОМАР

днажды Медведь поймал в лесу Зайца и ради потехи давай ему уши драть. Заплакал от боли и обиды Заяц, а Медведю шуточки — смеется да дерет. Натешившись вволю, отпустил косолапый косого и пошел дальше, переваливаясь с боку на бок.

Забился Заяц под куст, ни жив ни мертв от страха, сидит, слезы лапой утирает.

— За что такое издевательство? — говорил он неизвестно кому.— Ладно еще, что жив остался, уши заживут и слезы высохнут. И к кому пойдешь пожалуешься: ведь Медведь — самый сильный зверь в лесу. Волк и Лиса его

неразлучные друзья. Несчастное я существо — и сам мал и слаб, и друга у меня нет сильного, чтобы мог защитить.

— Я защищу тебя,— услышал вдруг Заяц писк из камышей.

Оглянулся косой на голос и увидел Комара. Вмиг высохли у него глаза — так весело ему стало.

— Ты?— еле сдерживая смех, спросил Заяц.— Куда тебе, мошке, тягаться с Медведем? Хвастунишка!

— Я сильнее медведя,— невозмутимо отвечал Комар.— Я могу его замучить до слез — вот не дам ему спать. Убедишься в этом завтра.— И Комар полетел вслед за Медведем.

День был жаркий, и Медведь не знал, куда деть себя от духоты. Прилег в тени густого дерева. Только было прикрыл глаза, как над самым ухом пронеслось:

— З-з-з-з!

«А, проклятая мошка!» — узнал косолапый Комара и стал ждать, когда тот сядет на нос.

Комар покружил, покружил над Медведем и, действительно, сел прямо на нос косолапому. Тот, недолго думая, как даст себе лапой по носу! А Комар — не будь глупым — не дремал, знал, что Мишка захочет прихлопнуть его. Он взлетел еще до удара и теперь, обрадованный успехом, решил не оставлять зверя в покое.

Медведь перевернулся на другой бок и только было задремал, как снова:

— З-з-з-з!

«Куда теперь сядет эта мошка?» — зверь притворился спящим.

Шум стих, и Медведь подумал, что Комар улетел. Но Комар и не думал улетать. Он осторожно влетел в ухо косолапому и сильно укусил. Медведь заревел от боли, вскочил, покружился на месте и ка-ак даст себе по уху — аж искры посыпались: будет знать Комар, как кусать Медведя! Потом потер ухо и улегся поудобнее, теперь можно спать. Но не тут-то было! Только закрыл Мишка глаза, как над головой опять раздался комариный звон.

— Ах, проклятый! Какой живучий!— Медведь поднялся и пошел искать другое место. Продирается сквозь кусты косолапый, почесывается, зевает на весь лес, а Комар — за ним:

— З-з-з-з!

Медведь побежал. Долго бежал, наконец усталый сва-

лился под одним деревом. Лежит и прислушивается. Тихо в лесу. Все звери и птицы спят давно. Темно — ничего не видать.

«Не слышно Комара, слава богу, наконец-то усну!»

Улегся Медведь поудобнее. Закрыл глаза, задремал. Даже сон приснился, будто нашел он пчелиный улей, полный меду. Только сунул в улей лапу, как вдруг раздалось над самым ухом:

— З-з-з-з!

«Нашла опять, проклятая мошка!»

Сел разгневанный вконец косолапый и стал икать: «Ик, ик». А Комар кружил, кружил над головой, жужжал, жужжал — то громче, то тише — и затих.

Сидел, сидел Медведь, прислушивался, опять стал моститься. Только пригрелся, задремал, как снова прилетел Комар.

Вылез из-под дерева зверь, сел и горько заплакал.

— Так и не отстал от меня, мерзавец! Ну, теперь берегись — хоть до утра просижу, но подкараулю тебя и убью!

Но не убил Медведь Комара, хоть извел тот зверя вконец. Косолапый так избил сам себя, что покрылся весь синяками. А Комар остался невредимым.

Взошло солнце. Проснулись птицы и звери. Все приветствуют новый день. Один только Медведь не рад солнцу. Взлохмаченный, с висящей клочьями шерстью, злой, идет-качается по лесу косолапый. Глаза слипаются от усталости, а в ушах все стоит комариный звон.

Увидел Заяц Медведя — подскочил в восторге.

— Ай да Комар! Ай да молодец!— прыгал Заяц и хохотал до слез.

А Комар — легок на помине — тут как тут.

— Видел Медведя?— спрашивает.

— Видел, видел!— ответил Заяц, а сам держится за живот — хохочет.— Как здорово ты отделал его! Спасибо, друг! Расскажи, как тебе, такому маленькому, удалось одолеть Медведя.

— Очень просто,— ответил Комар.— Дело в том, что мы, комары, никогда не живем в одиночку, как вы, зайцы. К тому же мы не трусливы.

Заяц задумался над этими словами, а Комар снова погнался за косолапым.

БЫТОВЫЕ
И
САТИРИЧЕСКИЕ
СКАЗКИ

ВОР И ЦАРЬ

прежние времена жил царь. Он не доверял своим визирям и телохранителям и поэтому у своей постели поставил ученую обезьяну, дав ей в руки обнаженную саблю.

— Кто бы ко мне ни приблизился, руби его!— сказал царь.

В этом же городе жил известный всем вор. Задумал вор обокрасть царскую казну. Решил он сделать подкоп во дворец. Сделав подкоп, он как раз попал в ту комнату, где спал царь. Смотрит, царь спит, а по нему ползет большой жук. Обезьяна уже приготовилась убить этого жука.

— Стой!— закричал вор на обезьяну.— Что ты делаешь?!

Царь проснулся от крика. Смотрит: перед ним стоит незнакомый человек.

— Кто ты такой? Зачем ты здесь?— спросил царь.

— О таксыр!— сказал вор.— Я знаменитый вор и не могу никак сдержать своих воровских порывов. Я забрался сюда, чтобы украсть твою казну. Но когда я вошел в эту комнату, то увидел, что по тебе ползет навозный жук. Обезьяна, твой телохранитель, завидя жука, уже замахнулась на него саблей, чтобы нанести удар. Я в этот момент вскрикнул: «Стой! Что ты делаешь?» Обезьяна испугалась и выронила из рук саблю. И вот таким способом я спас тебя от смерти.

— Спасибо тебе! Ты молодец!— воскликнул царь. Он дал вору много денег и отпустил домой.

ЖИРЕНШЕ

иренше был большой говорун и остряк. Он думал, что никого нет остроумнее его. Как-то об этом он сказал одному прохожему человеку:

— Нет никого в мире остроумнее меня!..

— Неправда,— сказал про-

хожий,— есть целая страна, где любой мальчик остроумнее и умнее тебя.

Взял Жиренше с собою несколько друзей-жигитов и поехал отыскивать эту страну. Долго они ездили. Наконец приехали. Вошли в первый аул и видят: сидит черноволосая женщина и доит черную корову. Одета она была в черное платье с разорванными подмышками; через эти порванные места была видна белая рубаха.

Подошли они к женщине, Жиренше спросил:

— Не видали ли вы черную корову, у которой белые подмышки?

Женщина ответила, что она видела, как за этой коровой шел рыжий бык. Жиренше понял, что она под черной коровой подразумевала себя, а под рыжим быком его, Жиренше.

Поехали они дальше. Встретили на дороге десятилетнюю девочку. Жиренше спросил ее:

— Ты какого аула?

Девочка ответила, что она и сама еще не знает, какого аула. Жиренше должен был сознаться, что получил очень умный ответ. Девочка действительно не знала, в какой аул ее отдадут замуж.

УЧЕНИК МУЛЛЫ И ХАН

Хан видел сон и забыл его. Он собрал тогда всех мулл и приказал им рассказать, какой он сон видел, а потом разгадать его.

Один из мулл пришел домой и плачет. А у него был ученик, которому было всего семь лет. Этот мальчик спросил:

— О чем плачешь, учитель?

— Хан велел нам, муллам,— сказал учитель,— рассказать забытый им сон и разгадать его.

— Не плачь, а скажи хану, что сон разгадаю за тебя я,— сказал ученик.

Хан согласился выслушать ученика муллы. Мальчик пришел к хану и стал рассказывать:

— Вы видели во сне, будто сели на лошадь, переехали

через мост, на другом конце моста увидели сорок драконов, которые хотели вас разорвать, но небольшая желтая птица спасла вас.

Хан повеселел.

— Именно это я видел во сне,— сказал он.— Теперь ты разгадай, что этот сон значит?

— Вы сели на лошадь,— сказал ученик муллы,— это значит, вы правите народом, мост — это ваше ханство, сорок драконов — это сорок ваших визирей, которые хотят вас убить. Желтая птица — это я.

Хан казнил всех своих визирей, набрал новых, а мальчика назначил главным.

ХАН И ЖИРЕНШЕ

днажды хан поехал на охоту на свое любимое озеро. Там он был поражен почти полным отсутствием камыша и спросил о причине такого явления у Жиренше.

Жиренше ответил, что здесь очень редки дожди и поэтому камыш не растет.

— Дождь тут ни при чем,— сказал хан.— Разве камыш пьет воду сверху? Он пьет с корня и по самый пояс стоит в воде.

— Если идет с неба дождь,— сказал Жиренше,— то он попадает на вершину камыша, и струя стекает по стеблю, отчего камыш распускает много листьев и делается густым.

Хан не согласился с таким ответом Жиренше. Поехали они дальше. По пути все остановились около воды и стали поить лошадей, а Жиренше, заехав в воду, крепко держал своего коня за поводья и не давал ему пить. Хан увидел, что лошадь Жиренше хочет пить, и велел ему напоить ее.

— Таксыр!— сказал Жиренше.— Ведь вы недавно сказали мне, что с головы можно и не пить, достаточно лишь с корня? Вот я и въехал в воду по брюхо лошади. Разве от этого жажда коня не утолится?

Тут хан расхохотался...

ЖАМАНКУЛ И КАРАБАЙ

или два казаха. Одного звали Карабаем, а другого Жаманкулом. Карабай был жадный и любил деньги, а Жаманкул не придавал деньгам никакого значения.

Однажды Жаманкул продал несколько овец и вез домой много денег. По пути он заехал к Карабаю. Карабай заметил у Жаманкула деньги и решил отнять их. Когда утром Жаманкул выехал из аула, Карабай опередил его и спрятался в овраге. Едва Жаманкул спустился в овраг, как Карабай наскочил на него с кистенем и хотел ударить, но уронил кистень. Жаманкул спросил Карабая:

— Что тебе нужно? За что ты хотел меня убить?

— Мне нужны деньги,— сказал сердито Карабай.

Жаманкул снял с себя сумку с деньгами и протянул ее Карабаю:

— Вот тебе деньги. Возьми их!

Жаманкул уехал домой, а Карабай направился в свой аул.

У Жаманкула долго не выходил из головы один вопрос: что будет делать Карабай с деньгами? И вот как-то раз он заехал к нему. Карабай перепугался, думая, что Жаманкул донес на него властям и приехал, чтобы увезти его в тюрьму. Карабай не хотел терять ни свободы, ни денег и опять задумал убить Жаманкула. Как только Жаманкул выехал за аул, Карабай — в овраг. Едва Жаманкул показался, как Карабай наскочил на него с кистенем и хотел ударить, но в это время за кустами кто-то выстрелил.

Карабай испугался и выронил кистень. Жаманкул уехал в степь, а Карабай поплелся в аул. Долго он не находил себе покоя: боялся, что Жаманкул его выдаст. Жена стала замечать беспокойство мужа и однажды спросила:

— Что с тобой?

Карабай рассказал ей, что он отнял деньги у Жаманкула и теперь боится.

— Он выдаст меня властям, отберет деньги. Надо его убить. Что ты, жена, скажешь?

— Хорошо сделаешь, если убьешь Жаманкула,— ска-

зала жена,— по крайней мере у тебя забота с плеч свалится, и ты не будешь бояться.

А Жаманкул опять решил заехать к Карабаю. Сел он на лошадь и отправился в путь. Приехал в аул Карабая, заночевал у друга, а утром рано отправился обратно в степь. И опять Карабай засел в овраге. Едва Жаманкул появился, как Карабай наскочил на него. Но и на этот раз ему помешали: по верху оврага шли пешеходы. Они бросились на помощь Жаманкулу. Карабай перепугался и упал. До аула довез его Жаманкул.

Когда Карабай очнулся и вспомнил о случившемся, он решил вернуть деньги Жаманкулу. Ночью Карабай приехал в степь, где кочевал Жаманкул, и положил сумку с деньгами возле юрты друга. Жаманкул нашел сумку утром и был удивлен: почему Карабай вернул ему деньги? Почему он не воспользовался ими? Взял сумку Жаманкул и отвез обратно к Карабаю. Спрятал под постель. Жена нашла деньги и отдала мужу.

Опять запечалился Карабай. Теперь-то он был уверен, что Жаманкул выдаст его. Ночью поскакал Карабай в степь и подбросил деньги в юрту к Жаманкулу. Утром Жаманкул нашел сумку и повез к Карабаю:

— Почему ты не хочешь воспользоваться моими деньгами?

— Боюсь я,— сказал Карабай— что ты выдашь меня властям, а они лишат меня свободы. Не хочу я этого.

— Я не собираюсь тебя выдавать властям. Но деньги могут тебя лишить всего. Возьми их,— и Жаманкул уехал.

Карабай успокоился, взял деньги. Но вскоре он лишился сна и покоя. У него появились какие-то заботы, хлопоты. Он продавал, покупал, обменивал и обманывал. Деньги у него отняли весь досуг. Карабай не спал по ночам, а днем сидел на запоре. Но вот все это ему надоело. Взял он сумку с деньгами и бросил в омут, а жене сказал:

— Деньги меня едва с ума не свели. Вчера я их бросил в омут и сегодня всю ночь проспал спокойно.

ЖИРЕНШЕ И БАЙЕКЕ

Ехал как-то хан. С ним был Жиренше. Увидели они старика, обрабатывающего землю кетменем. Когда подъехали, хан попросил у него нюхательного табаку. Разговорились. Жиренше видит, что старик неглупый, спросил его:

— Байеке! Вставали ли вы рано по утрам?

Старик ответил:

— Вставал да падал, вставал да падал!..

— А сколько лет прошло с того времени, когда бежала вода из черных пещер?— спросил Жиренше.

— Тридцать лет,— ответил старик.

Хан ничего не понял из этого разговора и попросил Жиренше пояснить ему: что все это значит?

Жиренше сказал:

— Первый мой вопрос: «Вставали ли вы рано по утрам?» означает: есть ли у старика дети. На это он мне ответил: «Вставал да падал, вставал да падал». Это значит: рождались да умирали. Потом я спросил: «Сколько лет прошло с тех пор, как текла вода из черных пещер?». Он ответил, что прошло тридцать лет. Этими словами старик дал мне понять, что из глаз его текли слезы тридцать лет тому назад.

Выслушав это, хан назначил Жиренше своим главным визирем.

АХМЕТ И ХАН

В давние времена жил один бедный человек. У него был единственный сын по имени Ахмет. Ахмет занимался охотою и слыл среди народа очень ловким и хитрым. В это же время жил один хан. Прослышал хан, что у бедняка такой сын, и решил проверить: правда ли он ловкий и хитрый. Однажды пришел хан к бедняку и спрашивает:

— Где твой сын?

— Ушел охотиться,— ответил бедняк.

— А правда ли, что твой сын ловкий и хитрый?— спросил хан.

— Видно, правда, коль говорят в народе!— ответил бедняк.

— У меня есть хорошая лошадь,— сказал хан.— Пусть твой сын уведет ее. Но так, чтоб никто не видел.

К вечеру Ахмет вернулся домой. Отец передал ему, что сказал хан. А сын и говорит:

— Легче этого нет ничего!..

Ночью Ахмет незаметно пробрался в кибитку хана. Хан спокойно спал. Ахмет надел ханскую шубу и, захватив вина, вышел к караульщикам.

— Ночью придет вор. Вы как следует караульте лошадь!— сказал он.

Напоил он их вином и удалился. Караульщики приняли его за своего хана. Через некоторое время они заснули опьяненные. Вернулся Ахмет. Видит, что караульщики заснули, взял лошадь и — домой.

Привел он лошадь хана домой, зарезал ее. К утру караульщики известили хана, что лошадь кем-то украдена.

Хан на это ничего им не ответил. «Хорошо!» — сказал он тихо. А через некоторое время опять пришел к бедняку и спросил, действительно ли сын его украл у него лошадь. Тот ответил:

— Да! И даже, хан, зарезал ее!

Тогда хан сказал:

— Теперь пусть украдет у меня золотое кольцо со стола!..

Когда Ахмет вернулся домой, отец передал ему, что сказал хан. Ахмет на это ему ответил:

— Это дело вовсе легкое!..

Нарисовал Ахмет свой портрет и пошел к хану. Поставил портрет перед окном хана, а сам спрятался. Хан увидел портрет, вышел из юрты, а Ахмет в это время вошел в дом с другой стороны и взял кольцо со стола.

Вернулся хан — нет кольца. На другой день он пришел к бедняку и спрашивает:

— Взял твой сын у меня кольцо?

— Да!— ответил бедняк.

Тогда хан предложил украсть у него золотой нож.

— Если твой сын и нож украдет,— сказал хан,— тогда

я признаю, что он ловкий и хитрый, и выдам за него свою дочь.

Вечером вернулся сын с охоты. Отец передал ему предложение хана. Он опять ответил:

— Это дело пустое!..

У Ахмета была собака, которая могла отыскать спрятанное. Вот ее-то он и взял с собой к хану. Пустил ее, собака стала искать и через некоторое время принесла в зубах нож хана. Заметил хан, что ножа нет, и догадался: взял его Ахмет. Тогда он пошел к бедняку. Сын его был дома. Хан и говорит Ахмету:

— Ты действительно замечательный вор: ловкий и хитрый. Я выдам за тебя свою дочь.

И хан по этому случаю устроил большой пир, который продолжался несколько дней.

МУДРОСТЬ ЖИРЕНШЕ

Хан устроил той и, пропуская по одному мимо себя приближенных, гладил себя по голове. Никто не мог догадаться, что это означало.

Но вот пошел Жиренше. Хан также стал гладить себе голову. Жиренше, видя это, показал хану язык. Тогда хан сказал:

— Сколько вас прошло мимо меня, и перед каждым я гладил голову, как бы спрашивая вас: «Чем голова может навлечь на себя беду», но никто из вас не понял этого. Жиренше же, как только я повел рукою по голове, сейчас же высунул язык. Этим он пояснил, что на голову может навлечь беду язык. И я теперь вижу, что никто из вас не может равняться с Жиренше.

И хан наградил Жиренше...

МУДРАЯ ДЕВУШКА

ил когда-то один князь. Он был очень стар, но страстно полюбил простую, прекрасную, как молодая луна, девушку и послал своих сановников к отцу девушки сватами.

Выслушал отец девушки сановников и грустно сказал дочери:

— Очень уж стар князь, а ты молода, надо тебе найти свое молодое счастье, поэтому я не могу согласиться отдать тебя князю.

— Но ведь нет власти выше, чем власть князя, он может увести меня силой,— ответила старику дочь и сама вышла к сватам.

— Я не могу отказать князю, я стану его женой. Но пусть он даст калым в двадцать горных козлов, тридцать быков, сорок жеребцов, пятьдесят верблюдов и шестьдесят старых коней.

Вернулись посланцы к князю и рассказали обо всем.

Думал правитель, думал и сказал:

— Да, правильны слова девушки. Придется согласиться с ней. Двадцатилетний юноша горяч, как горный козел, тридцатилетний — как бык, сорокалетний, как жеребец, пятидесятилетний, как взрослый верблюд, а шестидесятилетний разве не похож на старого коня?

Князю в тот год было под семьдесят, а девушке не было и двадцати. Проклял правитель свою старость, а девушке велел самой выбирать жениха, какой ей понравится.

БОГАЧ И ОБМАНЩИК

дин богатый человек много слыхал об обманщике, который умел перехитрить весь свет, и сказал:

— Хочу сам убедиться, как это он делает, меня-то уж он наверное не проведет.

Сел бай на лошадь и отправился в путь. Обманщика он встретил в степи у колодца, где тот стерег овец.

— Это ты обманываешь весь свет? — спросил бай обманщика.

— Я!.. — ответил сидящий у колодца.

— А как ты делаешь это? — спросил бай.

— Я охотно покажу тебе, только не теперь, — сказал обманщик.

— Почему не теперь? — спросил бай.

— Видишь ли, для обмана мне необходима моя палка, а я ее оставил дома, — ответил ему на это обманщик.

— Ну беги и принеси ее, — сказал бай.

— Не могу. Я должен стеречь своих овец, — сказал обманщик.

— Возьми мою лошадь, — сказал бай, — отправляйся домой и скорей возвращайся с палкой, а я тем временем постерегу твоих овец.

— Согласен, — сказал обманщик, — стереги моих овец.

Вскочил обманщик на лошадь и уехал, а бай остался у колодца стеречь овец. Говорят, он до сих пор сидит там.

РОЖДЕНИЕ АЛДАРА

Отец Алдара — Алдан был бедным. Всю жизнь он пас байских овец. Когда еще он впервые нанимался в пастухи, то обратился к баю:

— По воле аллаха я становлюсь зависимым от тебя и буду пасти твоих овец. Но скажи, какая плата будет мне за труд?

— Есть о чем спрашивать, бедняга!.. Богатства у меня — море! Ты будешь есть и стоя, и сидя, и даже лежа. К тому же и скот получишь. Лишь знай работай хорошо. А уж я не подведу. Есть аллах — есть я. Ты, конечно, прольешь много пота, но я не обижу тебя. Как говорят: «К меду пристанет — от богатого перепадет». Погонишь одного — уведешь сотню, — отвечал ему бай.

И на самом деле: утомленный тяжелой работой Алдан был в состоянии есть только лежа.

Так прошло много времени, и вот настал день расплаты.

— Захотел уйти — иди, что заслужил, то и получи, —

равнодушно ответил Алдану бай и дал ему за труд одну козу.— Коза принесет тебе двух козлят, а на следующий год будет четыре. Не успеешь опомниться, как их окажется сто. Вот что означали мои слова: «Погонишь одного — уведешь сотню». Теперь можешь идти.

Заплакал Алдан от горя, да нечего делать: с баем спорить — только беду нажить. Пошел Алдан с жалобой к хану, но тот, не выслушав, прогнал его. «В шариате написано так»,— обманул его и мулла.

Не нашел Алдан ни у кого правды и смирился с горем.

Но бывает и у бедняков в жизни радость. Послал аллах Алдану сына.

— Я назову моего мальчика Алдаром[1], ведь он родился во времена, когда развелось много мошенников. Может быть, он не позволит обманывать себя,— сказал Алдан.

Убаюкивая сына, посланного ему на старости лет аллахом, Алдан жаловался:

Много их, плутов, развелось, мальчик мой,
Нету честным от них житья.
Не найдя справедливости, мальчик мой,
Не признал законы и я.

Я измучен насилием, мальчик мой.
За народ всей душой скорбя,
Чтобы стал ты заступником, мальчик мой,
Я Алдаром назвал тебя.

Мальчик быстро рос и радовал отца своей смышленостью. Однажды, слушая отца, он спросил:

— Отец, кто тебя обманул?

— Обманул меня бай — не заплатил за труд.

— Я накажу его.

— Не помог мне хан с черствой душой.

— Я ему отомщу.

— На базаре купцы и мошенники меня, беднягу, обманывали много раз.

— И на базар я проберусь, все золото у них отберу.

— Есть ходжа, есть мулла, шаманы и шайтаны. Воры, лекари, колдуны. Все они обманывают честных людей.

---

[1] Алдар — обманщик.

— Когда я выросту, буду ездить по аулам и мстить всем мошенникам!— сказал Алдар.

Мальчик вырос, возмужал. И действительно: он стал мстить ворам и мошенникам всех мастей.

КАК АЛДАР СТАЛ АЛДАРОМ-КОСЕ

Когда Алдар состарился, то покинул свой край и переехал во владения другого хана. Принял народ Алдара с почетом и отвел ему хорошее угодье.

Разоренные баи, купцы, ишаны и ханы покинутой Алдаром страны решили отыскать насмешника и наказать его. Отобрали они самых хитрых и бывалых плутов, одели их в пестрые чапаны и отправили искать Алдара.

Услыхал Алдар, что ездят какие-то люди из аула в аул, тайком наводят справки о нем. Зарезал он семь баранов, собрал к себе всех людей и стал угощать их.

— Люди добрые,— обратился Алдар к собравшимся.— Занесла меня судьба в ваши края, и вы оказали мне большую честь. Но явился ко мне утром посланец всевышнего и сказал: «Жить тебе осталось полтора дня. Готовься!» А как готовиться? На том свете в котлах и треногах нужды, видимо, не будет. Хочу только приготовить себе могилу. После моей смерти не обмывайте меня, я сам омоюсь, надену смертный саван. Сегодня перед рытьем могилы я зарезал семь баранов, это будет погребальное. Поминки через семь и сорок дней проведут мои дети, это не входит в мои обязанности. А теперь пойдемте со мной копать мне могилу.

Собравшиеся были удивлены.

— Пусть моя могила будет здесь,— сказал Алдар и указал на поляну, обсаженную деревьями.— При моей жизни жилищем моим была юрта с тундуком, пусть же и могила моя будет похожа на юрту.

Могилу Алдар сделал круглую, сбоку устроил дверь, а сверху — отверстие. Ночью он принес пищи, воды, топлива на десять дней, кремень, фитиль и захватил косеу. На

следующий день зарезал еще семь баранов, собрал народ, угостил и распрощался. Снял свою одежду, надел саван, простился с женой и детьми и вошел в могилу.

— Теперь заделайте дверь, почтите меня кораном и возвращайтесь к себе,— сказал Алдар.

Исполнили люди погребальный обряд и вернулись домой. Через семь дней устроили Алдару поминки. Как раз в это время появились байские и ханские люди.

— Что тут происходит?— спросили они.

— Был у нас добрейший человек по имени Алдар. Прошло семь дней, как он умер, и мы устраиваем поминки,— ответили собравшиеся.

— Досадно!— сказали пришельцы.— Не попался он в наши руки живым!.. Давайте посмотрим его могилу...

И они пошли к могиле Алдара. Взошли наверх и увидели отверстие.

— О всемогущий аллах!— сказали они.— Из его могилы идет дым. Многих достойных людей обидел он, а теперь за это горит в аду. Давайте каждый поиздеваемся над могилой этого нечестивца. Ну, начинай,— сказали они одному из своих.

Только тот подошел к отверстию, как раскаленный косеу, шипя, прижег ему тело. Прикусил бедняга губу и как бешеный сбежал вниз.

— Ну как?— спросили его остальные.

Тот ничего не сказал, а указал лишь на отверстие могилы. Обжегся второй, третий, все байские и ханские люди, посланные за Алдаром. Не могли они даже сесть на своих коней и пришли к озеру. Зарезали коней и, питаясь их мясом, прожили на берегу озера до тех пор, пока не зажили ожоги. Потом пришли к хану, где жил Алдар. Стали они ему жаловаться и показали письмо своего хана. В это время вошел разодетый в шелковый халат неизвестный бай и попросил разрешения сесть. Усадил хан гостя на почетное место и за обильным угощением стал расспрашивать его о причинах визита.

— Почтеннейший великий хан! Я бай из страны Копжургена, зовут меня Косеу. В числе других несметных богатств осталось мне в наследство от отца шестьсот рабов. Из них шестьдесят отъявленных смутьянов сбежали и, грабя путников на больших дорогах, превратились в разбойников. Приехал я к вам по следам этих разбойников. Вот они сидят здесь. Все они имеют пометки на ягодицах

раскаленным косеу. Если не верите мне, то разденьте их, проверьте. Вот этого я купил в стране такого-то хана, а тех вот у такого-то хана. А косеу, которым я сделал пометки, вот он,— и Алдар положил косеу перед ханом.

Вызвал хан слуг и приказал раздеть «разбойников». У каждого из них была пометка. Хан разгневался и посадил всех в глубокий зиндан.

— Что теперь с ними будешь делать, бай?— спросил хан.— Связать их и доставить в твою страну или продать и возвратить тебе золото?

— О великий хан! Если эти разбойники приедут обратно, то все равно не будут вести себя спокойно. Лучше продайте их и отдайте мне деньги,— сказал Алдар.

Хан продал байских и ханских людей, а деньги отдал Алдару. Довольный Алдар вернулся в свой аул. С тех пор он получил прозвище Косеу.

БАЙ УТЕЖАН И АЛДАР-КОСЕ

одружился Алдар-Косе с баем Утежаном. Как у друга Алдар-Косе взял у бая много скота и другого разного добра. В свою очередь и Утежану по дружбе пообещал дать то, что ему понравится.

Как-то раз Утежан пришел в гости к Алдару-Косе. Еще до его прихода Алдар поймал двух зайцев. Одного из них взял с собою в степь, а другого оставил дома. В степи он пас скот. Пришел Утежан и спрашивает у жены Алдара:

— Где Алдар?

— Алдар пошел в степь скот пасти,— сказала жена.

— А в степи он один?— спросил Утежан.

— Нет,— сказала жена Алдара.— Он не один, с ним заяц.

Отправился Утежан искать своего друга. Нашел его. Поздоровались. Алдар-Косе берет зайца и говорит:

— Иди, зайка, домой и скажи моей жене, чтобы нам приготовила обед...

Выпустил Алдар-Косе зайца, и тот побежал в степь.

Друзья присели, поговорили о том о сем и пошли обедать к Алдару. Пришли в юрту, а там уже все готово и заяц сидит.

Удивляется Утежан и думает: «Попрошу-ка я у него этого зайца. И у меня будет послушный заяц, как у моего друга».

Пообедали. Напились кумыса. Утежану пора и домой. Алдар-Косе и говорит другу:

— Бери у меня, что хочешь!..

— Мне ничего не надо,— сказал Утежан.— Дай мне только твоего зайца.

— Ну что же! Для друга не жалко и зайца,— согласился Алдар.

Утежан идет домой и радуется: какой у него хороший друг, не пожалел для него зайца.

Через некоторое время Алдар-Косе отправился в гости к Утежану. Тот был в степи. Алдар-Косе разыскал его. Поздоровались, поговорили. Утежан рад другу. Он посылает зайца домой сказать, чтоб жена приготовила обед. Заяц выскочил — и айда в степь, только его и видели.

Приходят Утежан и Алдар-Косе в юрту, а там ничего не приготовлено.

— Заяц разве не прибегал?— спрашивает жену Утежан.

— Нет, не прибегал,— отвечает жена. А сама-то она не догадалась, что надо приготовить обед для гостя.

— Э, друг, ты, видно, не так кормил зайца,— сказал Алдар-Косе.— Надо было давать ему жапрак, а ты не давал. Вот он и побежал искать эту траву. Подожди немного, он вернется. Я сейчас пойду и найду его.

Алдар-Косе еще по дороге к Утежану поймал на всякий случай зайца и привязал его в траве. Теперь он и отправился за этим зайцем и принес его Утежану. Успокоился Утежан, увидя своего зайца, и снова дал своему другу и лошадей, и коров, и верблюдов. Алдар-Косе со всем богатством отправился домой.

Опять заскучал Утежан и решил пойти к другу в гости. Алдар-Косе уже приготовился встретить Утежана. Он сделал сыбызгу. Жене сказал:

— Я зарежу барана и его требуху привяжу к твоему животу. Когда придет Утежан, ты лежи, словно больная. Я тебе буду говорить, чтобы ты поставила самовар, приготовила еду, но ты не вставай.

Пришел Утежан.

— Вставай,— обратился Алдар-Косе к жене,— поставь самовар и приготовь мясо для гостя.

Жена не встает. Тогда Алдар-Косе снова повторил свою просьбу, но она не встала, а продолжала охать и стонать. Рассердился на нее Алдар, бросился с ножом и пропорол ей живот. Испугался Утежан, что из-за него друг зарезал свою жену. Он не знал, что Алдар обманул его и пропорол баранью требуху, а не живот жены. Утежан стал упрашивать друга не сердиться на жену. Алдар-Косе отошел от жены, сделал вид, что успокоился, и сказал Утежану:

— Ну, хорошо, будь по-твоему, я ее вылечу.

Он взял из сундука сыбызгу и давай дуть в рот жены. Жена вскочила совершенно здоровая и стала готовить обед: мясо и чай. Удивился Утежан чудесному свойству простой дудочки, еще больше позавидовал другу, который имеет такую сыбызгу.

Скоро зашумел самовар. Друзья напились чаю, а спустя небольшое время наелись бараньего мяса. Пора Утежану домой.

— Бери у меня, что хочешь,— сказал Алдар-Косе другу.

Утежан взял сыбызгу и, довольный своим другом, отправился домой.

Через несколько дней Алдар-Косе пошел в гости к Утежану. Тот обрадовался и говорит жене:

— Вставай!

Жена у него была больна.

— Приготовь самовар и свари мясо,— повторил Утежан.

Но жена не могла встать. Тогда Утежан взял нож и бросился на жену. Жена тут же умерла. Сыбызга не подействовала, как ни старался Утежан.

— Эх, друг, что же ты наделал,— сказал Алдар-Косе.— Посмотри-ка на сыбызгу. Ведь вот тут находился маленький язычок, сделанный из жилы Кара-дяу, а ты его потерял. Иди скорей ищи Кара-дяу, убей его и принеси жилу, я сделаю новый язычок в сыбызге.

Огорченный и обездоленный Утежан отправился искать Кара-дяу. Долго он блуждал в степи и наконец нашел Кара-дяу, бросился на него, чтоб убить. Но дяу был сильнее Утежана и убил его самого.

Алдар-Косе заранее знал, что так должно случиться, и как только ушел Утежан, он забрал его скот и отправился к себе домой.

КАК АЛДАР-КОСЕ ПЕРЕМУДРИЛ ЖИРЕНШЕ

то лет было Алдару-Косе, когда мудрец Жиренше увидел его впервые. Случилось это так.

Сидел Жиренше в раздумье на холмике за аулом. Поднял он глаза и видит: бредет по степной дороге древний старик, опираясь на посох. Подошел ближе, поздоровался, сел рядом. Тут Жиренше и узнал в путнике Алдара-Косе: ведь и в глубокой старости не было у хитроумного Алдекена ни волосинки на подбородке. Обрадовался Жиренше такой встрече и повел разговор:

— Алдар-Косе, ты прожил на свете сто лет, исходил всю землю, побывал во всех странах; верно, не найдется места, где бы ты не оставил следа. Так расскажи мне, прошу тебя, что посчастливилось тебе видеть за долгую жизнь. Буду благодарен тебе за рассказ.

Ничего не ответил Алдар-Косе. Сидел и молчал. Жиренше подумал, что старик его не расслышал, и громче повторил просьбу. Тогда Алдар-Косе посмотрел на него с лукавой улыбкой и заговорил, да так складно, точно читал по книге:

— Премудрый Жиренше, справедливы твои слова, везде я побывал, куда только достигала моя мысль, и что бы я ни затевал, все мне удавалось совершить. Но тебе хочется знать, что я видел в жизни. Ладно, отвечу на твой вопрос. Видел я десять козлят, да двадцать волков, да тридцать медведей, да сорок львов, затем пятьдесят тучных баранов, за ними шестьдесят спутанных и семьдесят стреноженных лошадей, потом восемьдесят тухлых яиц и, наконец, девяносто черных курганов, меж которых протекал мутный ручей. Вот что я видел. А сверх того ничего не видел.

С этими словами поднялся Алдар-Косе с земли и поплелся дальше, опираясь на посох.

Долго глядел ему вслед Жиренше и повторял вслух и про себя сказанное старцем, однако ничего не мог понять в странных речах Алдара-Косе: то ли выжил совсем из ума столетний дед и несет бессмыслицу, то ли слишком он умен, так что самому мудрому не под силу постигнуть его мысли.

Раздосадованный пришел Жиренше домой, молча сел у очага и уронил на грудь голову.

— Чем ты так расстроен, душа моя? — спросила у него жена, красавица Карашаш. Стыдно было Жиренше признаться в своем поражении, но все же он не удержался и рассказал жене о встрече и разговоре с Алдаром-Косе.

— С тех пор, как помню себя, никто еще не одолел меня в словесных состязаниях. А вот Алдар-Косе своими словами сбил меня с ног. Потому-то я и печалюсь, милая Карашаш.

Тогда красавица улыбнулась и сказала:

— Успокойся, дорогой, я, кажется, разгадала головоломку старого Алдара. Вот как, по-моему, следует ее истолковать.

В первые десять лет дитя резвится и прыгает, словно беззаботный козленочек. Двадцатилетний жигит рыскает по степи, что поджарый волк, набрасываясь на все радости, как на добычу. В тридцать лет человек, если не обделила его природа, обретает силу и упорство медведя. В сорок лет он доблестью и отвагой спорит со львом. К пятидесяти годам тот, кто еще недавно был похож на льва, теряет подвижность и жиреет, как откормленный баран. В шестьдесят лет он подобен спутанному коню, а в семьдесят — ковыляет, точно стреноженный. На восьмом десятке человек становится бесплоден и бесполезен, как тухлое яйцо: не годится оно в пищу и не будет уже от него птенца. Девяностолетний же старец — что черный курган за аулом, а мутный ручей — это слезы, что точатся беспрестанно из его тусклых глаз. Как видишь, мой супруг, Алдар-Косе поведал тебе в затейливых словах всю свою жизнь.

— Да,— сказал пораженный Жиренше,— это так. Но почему же старик не обмолвился ни звуком о своем столетии?

— Потому, что в сто лет наступает пора и для самого долговечного уйти из жизни, как ушел от тебя в неведомый путь Алдар-Косе,— отвечала Карашаш.

— Благодарю тебя, моя жена! — радостно воскликнул Жиренше. — Велик разум Алдара-Косе. Велик и твой разум, Карашаш. С вашей помощью и у меня сегодня прибыло ума и убавилось гордыни.

КАК АЛДАР ВЫЛЕЧИЛ БАЯ

алемалейкум! — поклонился Алдар одному человеку, пасшему стадо овец. Подслеповатый, в лохмотьях, с паршивой головой пастух держал в руках две длинные палки.

— Эй, скажи мне, не пасутся ли впереди тебя овцы? — спросил пастух Алдара, поднося ладонь ко лбу, как бы вглядываясь вдаль.

— О бедняга, коль уж состарился и не видишь ничего, лучше бы не нанимался пасти овец. Так ты напасешь на свою голову. Если потеряешь хоть захудалого козленка, бай с тебя шкуру сдерет!

— Что ты болтаешь! Почему я должен наниматься? Овцы-то мои...

— Разве они твои?.. А сколько их у тебя?

— Никак стадо не прибавляется. У меня всего четыре палки[1] овец. Здесь пасется ровно половина.

— Видать, аллах щедро наградил тебя... А кто же пасет остальных?

— Одну палку овец пасет сын, другую палку коз и козлят пасет моя младшая жена.

— А старшая жена сидит дома?

— Почему дома?! Лошадей пасет старший сын, верблюдов — сноха, а коров пасет старшая жена.

— Владеешь таким несметным богатством, а пастуха боишься нанять?

— Ах, чтоб змея гнездилась на твоем языке! Разве чужой человек будет пасти даром. Почему я должен разоряться, выплачивая пастухам ежегодно по одной козе с козленком? Одно только несчастье огорчает меня — от болезни я потерял зрение и не вижу отары своих овец

---

[1] Бан на палках делали насечкн по количеству овец. Обычно на каждой палке умещалась тысяча насечек.

— Почему же тогда не найдешь лекаря и не вылечишь глаза?

— Чтоб ты онемел! Разве лекарь вылечит без платы. Будет говорить: «Зарежь овцу, чтобы прогреть глаза ее легкими, а ляжки и грудинку заверни в шкуру и унеси ко мне домой. У вас буду жить неделю и есть остальное мясо». Чем так лечиться и разоряться, лучше обойдусь без лечения. С наступлением холодов слепота сама пройдет. Говорят, есть шаман, который лечит травами лишь за одну чашку айрана. Но он мне не попадается,— жаловался бай.

— Байеке, вы говорите обо мне, я тот самый шаман,— сказал Алдар.

— Это хорошо. У тебя есть травы?

— Еще какие! Есть трава и от болезни головы и от болезни глаз.

— Да сохрани тебя аллах. Лечи меня этими травами,— пристал к нему бай.

— Я должен смазать лекарством голову и глаза твои и обвязать их. Но кто будет пасти твоих овец?

— Кто же как не сам! — ответил бай.

— Тебе нужно полежать, а это время позволь мне пасти их,— предложил Алдар.

— Откуда тебе, бродяга, знать, как пасти овец? Они могут проголодаться. Но так и быть, согласен. Только сначала выслушай меня. В отаре есть козел, который все время норовит отбиться от стада, еще есть собака, которая не отстает от овец. Чтобы мне было спокойнее лечиться, поймай их и привяжи к веревкам, концы их дай мне. Лечи быстрей, выпей за это одну чашечку кислого молока и убирайся своей дорогой.

— Хорошо,— ответил Алдар. Глаза бая он смазал смолой вонючего курая, голову намазал пометом собаки и туго завязал ее длинным полотняным поясом. Козла и собаку привязал и конец веревки отдал баю. Овец же Алдар пригнал в свой аул...

АЛДАР-КОСЕ И ДВА ЧЕРТА

Ходили по степи два черта и сеяли раздор в аулах — давнишние друзья ссорились между собой, мужья избивали своих жен, а черти пировали на угощениях, приготовленных в честь примирения поссорившихся.

Однажды черти пришли к Алдару-Косе.

— Эй, Алдар, ты уже научился у нас кое-чему. Займись-ка нашим ремеслом,— предложили ему шайтаны.

— Ойбой, светики мои, ничего из сказанного вами не понимает моя задубелая голова. Вы лучше научите меня, как нужно обманывать, но только обманите меня же — так я лучше усвою науку.

— Разве мы можем тебя обмануть?

— Я дам совет, как это сделать. Люди начали сеять. Давайте и мы тоже засеем пашню, а во время дележа урожая вы меня и обманите.

— Хорошо,— согласились черти,— хотя мы раньше этим делом не занимались, но попробуем.

— Пока мы не приступили к посеву, давайте договоримся: что вы возьмете — вершки или корешки? Надо заранее условиться. Чтобы после не было обиды, пусть будет ваш выбор,— сказал им Алдар.

— Хорошо, мы сперва посоветуемся, потом скажем тебе,— ответили черти и пошли за советом к пахарю.

— Мы хотим объединиться с одним человеком и сеять. Он предлагает нам выбор, что взять: вершки или корешки? Как ты посоветуешь?

— Ох, какие вы глупые, у посева зерно бывает на стебле, зачем вам корешки, берите вершки,— ответил им пахарь. Черти вернулись к Алдару.

— Мы берем вершки,— ответили они твердо.

— Хорошо, пусть будет выбор ваш, я сдержу свое слово... и беру корешки. Сажать будем морковь, лук, чеснок. Участок для посадки, воду для полива и обветривание обеспечу я. Проложить арык, пахать землю пусть берет на себя Кылтын, а Сылтын пусть обеспечит нас семенами и засеет участок,— предложил Алдар.

— Так и быть,— согласились черти.

Пришли они в поле и поставили свою лачугу. Кылтын провел арык и разбил грядки. Сылтыи достал семена и посеял их.

Алдар изредка приходил в поле и каждый раз притворялся усталым и измученным.

— Мы устаем оттого, что работаем кетменем и беспрестанно поим наше поле. Отчего же ты устаешь? — упрекали его черти.

— Это вы говорите вправду?

— Да, вправду.

— О, какие вы бессовестные! Я ие хотел вам говорить, но вынужден. Вся тяжесть работы на мне лежит. Вы думаете, вода легко приходит на наше поле? Я день и иочь силой едва удерживаю и сворачиваю сюда буйную воду. Если бы не ветер, могли бы так колыхаться вершки? Разве вы не видите, как весело шелестят их цветки? Я уже разбил пальцы, расчищая каждый день отверстие в далеких высоких горах, откуда вырывается ветер. Вы думаете, на этом кончается моя работа?.. Вот вы, черти, вырастили большой урожай, а о том не думаете, что теперь земля от этого потяжелела. Каждый день я хожу к белому быку, который держит землю иа рогах, и глажу ему грудь, чтобы он не сбросил землю. Никому не желаю мук, которые переношу я!..

Черти подумали, что Алдар на самом деле мучается, и пожалели его.

— Ты ие обижайся, Алдар, мы вдобавок дадим тебе немного вершков из причитающейся иам доли.

— Зачем мне это, как я могу иарушать наш уговор? Уж берите себе. Так и быть, я возьму корешки,— ответил им Алдар-Косе рыдая.

Осенью вершки со стеблями взяли черти, а корешки — клубни — остались Алдару. Он выкопал морковь, лук, чеснок, отвез их на базар и деньги положил себе в карман. Чертей, пришедших на базар с сухими ветками на спине, люди подняли на смех и прогнали с базара. Тут глупцы поняли, что Алдар обмаиул их, и пришли к нему.

— Из урожая следующего года теперь корешки возьмем мы,— сказали оии.

— Пусть будет по-вашему. Только давайте иа следующий год посеем пшеиицу и ячмень,— предложил им Алдар-Косе. Черти согласились. Весиой оии посеяли пшеиицу и ячмень.

Когда урожай поспел, Алдар собрал зерно, а солому отдал чертям. Как поняли они правду, рассердились и решили подраться с Алдаром-Косе.

— Пусть будет по-вашему,— согласился Алдар.— Только скажите, драться будем дома или на улице?

— Мы трудились сообща, будет позорно, если кто увидит нашу драку на улице. Будем драться дома,— ответили черти.

— Я согласен. Только я возьму маленькую палку, а длинную берите вы,— предложил Алдар. Черти обрадовались и схватили по длинной палке. Началась драка. Как только черти замахивались, длинный шест упирался в стенки юрты. Тем временем Алдар короткой палкой крепко отдубасил их.

— Нет, так нельзя. Будем драться на улице, короткую палку ты отдашь нам! — закричали черти.

— Пусть будет по-вашему.

Черти с Алдаром обменялись палками. На улице Алдар-Косе даже и не подпустил к себе их. Длинной палкой он избил чертей так, что те попадали без памяти.

КАК БАЙ ПОЗНАКОМИЛСЯ С АЛДАРОМ-КОСЕ

Один спесивый бай разглагольствовал перед одноаульцами:

— Вся степь твердит: Алдар-Косе, Алдар-Косе... Не верю я россказням про его ум и хитрость. Поглядеть бы мне на этого бродягу хоть разок. Я б его вмиг самого одурачил.

Рассмеялись молодые, закачали головами старики.

— Не хвастай, бай, не срамись. Еще никому на свете не удалось одурачить Алдакена.

— А вот я одурачу! — раскипятился бай. — Обещаю вам заколоть кобылицу и устроить пир на весь аул, коли не перехитрю при случае хитреца. Только бы мне с ним повстречаться!..

Как-то раз — по делу ли, без дела ль — выехал этот бай на верблюде в степь. Смотрит: неподалеку от дороги, точно он ищет что-то, ходит и ходит по кругу туда и обратно какой-то человек.

— Эй, приятель,— крикнул бай,— что потерял?

Незнакомец остановился и озабоченно отвечал:

— Ничего не потерял, а все-таки ищу.

— Что же ищешь?

— Ищу начало Земли. Хорошо знаю, что оно где-то здесь, да никак не могу отыскать. Глянуть бы на степь с высоты — сразу нашел бы. Да вот беда — ни холмика, ни бугорка кругом. Но все равно достигну своего. Громкая слава, вечный почет ждет того, кто найдет начало Земли.

С удивлением выслушал бай слова незнакомца, потом спросил:

— А с верблюда, скажи, друг, мог бы ты увидеть начало земли?

— Еще бы с верблюда не увидеть! Конечно, увидел бы. Да ведь у меня нет не то что верблюда, даже паршивого ишака.

Бай заерзал в седле.

— Полезай на моего верблюда! — предложил он. — Но уговор такой: всюду будешь теперь говорить, что мы вместе нашли начало Земли. Поделим славу и почет. Согласен?

Махнул незнакомец рукой:

— Так и быть, согласен!

Слез бай с верблюда, посадил на него незнакомца и, выпучив глаза, ждет не дождется, что тот скажет.

— Ну как, видишь ли начало Земли?

— Нет,— вздохнул незнакомец, поудобнее усаживаясь в седле и подбирая поводья,— не вижу. Вижу только, что ты, бай, большой дурак. Ну да не горюй: зато с этого дня ты можешь всем хвалиться, как вместе с Алдаром-Косе искал начало Земли!

— Алдар-Косе! Так это ты?! — взревел бай и кинулся к всаднику. — Отдай верблюда, разбойник!

— Отдам, если догонишь! — крикнул Алдар-Косе и пустил верблюда напрямик во весь опор, так что только трава у него из-под ног полетела. А бай с раскрытым ртом остался на месте.

Лишь на закате доплелся он пешком до аула. Навстречу жена:

— Что повесил голову? Где верблюд?

— Нет верблюда. Отнял Алдар-Косе,— хмуро отвечает бай.

Завыла жена бая. Сбежался народ, узнав в чем дело:

— Как отнял,— спрашивают,— силой или хитростью?
— Хитростью,— признался бай.

Зашумел аул. Молодые хохочут, посмеиваются и старые.

— Так тебе и надо, хвастун! Режь кобылу, зови людей на пир. Ты проиграл спор.

Куда деваться баю? Против народа не устоишь. Зарезал кобылицу, глотая слезы, потчует мясом весь аул.

В разгар пира подъезжает на верблюде Алдар-Косе.

— Получай, бай, своего верблюда,— говорит со смехом,— да не тягайся вперед умом с бедняками и не гонись за чужой славой!

Рад бай верблюду, а народ Алдакену. Подняли бедняки своего любимца на руки, усадили на почетное место, поднесли ему лучший кусок. До утра шел пир. И не было, сказывают, пира веселее этого.

РЕВНИВЕЦ

ил на свете ревнивый человек. Зашел как-то к нему путник и попросился переночевать. Делать нечего — гостю не принято отказывать.

До утра не сомкнул ревнивец глаз, думая о путнике: «Что это за человек? Не было бы худа от него».

Наконец настало утро, и гость засобирался в путь. У самой двери он вдруг закашлялся, стал чихать. В это время закашляла и зачихала жена хозяина.

«Э-э, тут что-то неладно,— подумал ревнивец,— неспроста же они закашляли и зачихали вместе».

Когда гость ушел, хозяин приступил к жене и потребовал, чтобы она объяснила, что означали ее кашель и чиханье. Бедная женщина растерялась и ничего не могла ответить. Тогда хозяин сказал:

— Между тобой и гостем был какой-то уговор. Ты не хочешь мне открыться. Лучше я уйду от тебя, чем жить в мучениях.

Собрался и ушел.

Долго он бродяжничал по белу свету. Однажды попро-

сился на ночь в один дом. Ревнивец простудился в дороге и ночью кашлял и чихал, не мог спать. Всю ночь кашляла и чихала жена хозяина. Ревнивец задумался. «Что же это такое? — думал он. — Почему женщина кашляет вместе со мной? Ведь мы даже словом не обмолвились!» Ревнивец догадался, что женщина, как и он, сильно простужена.

— Ах, глупый я, глупый! — стал ругать себя ревнивец. Ведь тогда и моя жена была простужена — и только. А я-то обидел ее!

И ревнивец наутро отправился прямо домой. Он умолял жену простить его и клялся, что никогда не будет ее ревновать.

БАЛГАК-УПРЯМЕЦ

Жил-был упрямец, какого и свет не видывал. Все он делал по-своему: перечил и людям, и животным, и самому богу.

Случилось Балгаку-упрямцу заболеть — да так, что его перепуганные братья стали в слезах молиться:

— Доверимся богу, доверимся богу...

Услыхал эти молитвы больной, воспротивился:

— Рано мою душу доверять аллаху. Уж лучше я выздоровею.

И выздоровел.

Пас Балгак на лугу овец. Погнал он их к реке напоить. Животные остановились на берегу как вкопанные, не хотят идти в воду. Вспомнил тут Балгак, что упрямее овцы нет животного...

— Ах, несчастные,— вскричал он,— вы боитесь замочить копыта! Выходит, они вам не нужны. — И с этими словами он принялся обрубать у овец копыта.

Люди помнят и такой случай. Увидев похоронное шествие, Балгак-упрямец запричитал:

— Пусть увеличится число покойников!

Шедшие за гробом испугались. Обрадовался только мулла:

— Ловите его и поскорее тащите к могиле. Пусть увеличится число покойников. Справим и по нем пышные похороны.

— Эй, мулла,— крикнул Балгак в ответ,— чему радуешься: или мало ты душ загубил? — Хлестнул упрямец коня и ускакал в степь.

И уже совсем люди были сбиты с толку упрямством Балгака, когда умер его отец. Надо было этому случиться в день кан сонар — день первого снега и первой охоты.

Балгак-упрямец простился с покойником, кликнул собак и поехал стрелять дичь. Родичи покачали головами и стали терпеливо ждать возвращения упрямца, чтобы при нем предать тело отца земле. Возвратился Балгак через три дня. Аксакалы встретили его возмущением:

— Умер отец, а ты не хочешь его и похоронить?!

Балгак ответил седобородым:

— Каждый день хороним то верблюда, то старца. Но не каждый день бывает кан сонар.

МУЛЛА И УЧЕНИК

муэдзина Семипалатинской мечети жил ученик из аула. Каждую ночь до слуха мальчика доносилось бульканье, будто в стакан наливали воду. Любопытно мальчику, что это такое? Но он не решался открыть глаза.

Однажды учитель заболел, и уроков не было. Мальчик пришел домой, улегся раньше обычного и вдруг услышал голос хозяина:

— Жена, подай сюда это самое. Да не бойся, мальчик крепко спит.

Опять что-то забулькало. Ученик открыл глаза и увидел в руках муллы полный стакан водки.

— Молдеке, разве правоверные пьют напиток кафыров? — спросил мальчик.

Мулла, растерявшись, ответил:

— Вон какой мороз на улице. Попробуй без водки покричать на минарете, созвать людей на молитву!

НАХОДЧИВЫЙ ЖИРЕНШЕ

Однажды хан подъехал к юрте Жиренше и сказал:

— Я хочу у тебя переночевать. Кого ты зарежешь, чтобы накормить меня?

Жиренше ответил:

— Богатый зарежет одно животное, а бедный загубит двух.

Хан не понял, что сказал Жиренше, и ничего не ответил на это. Расположился он в юрте Жиренше, а слуг отправил в соседнюю юрту — там жил богатый казах. Жиренше заколол овцу, которая вот-вот должна была принести ягненка. Вынул он из утробы овцы ягненка и повесил его на кереге, а мясо овцы положил в котел. Когда мясо сварилось, Жиренше стал прислуживать знатному гостю.

За обедом хан спросил у Жиренше, что означали его слова: «Богатый зарежет одно животное, а бедный загубит двух»?

Жиренше пояснил хану:

— Хозяин той юрты, где гостят твои люди, выбрал и заколол барана, а так как у меня по бедности не из чего выбрать, то я зарезал последнюю овцу, которая должна была принести мне ягненка.

И Жиренше показал на кереге, где висел ягненок.

ЛОВКОСТЬ

Отец, хитрец и ловкач, вечно был недоволен сыном-подростком.

— Ты не достоин отца. Вот я, например, могу вытащить яйцо из-под утки, сидящей в гнезде, и она этого не заметит,— сказал отец сыну.

Сын однажды попросил отца показать ему, как он это делает. Пошли на берег озера. Отец приказал сыну бесшумно следовать за ним. Они поползли по весеннему лугу к утке, только что присевшей на свое гнездо. Отец и в самом

деле вытащил яйцо, а птица как ни в чем не бывало продолжала сидеть на своем месте.

— Вот видишь! — похвастался отец.

— Вижу, вижу! Посмотри, отец, на свои ноги!

Отцовы сапоги оказались без подошв — сын успел их срезать, пока они ползли к гнезду.

БРАТЬЯ-СТРАННИКИ

ил в старину добродетельный и ученый человек, и было у него три сына. Говорят: сын охотника точит стрелы, сын портняжки кроит халат. А сыновья ученого с младенческих лет все свое время проводили над мудрыми книгами. Старший из них еще не умел взобраться на коня, а уже стали приходить к братьям люди на суд и за советом.

Однажды явились к ним два человека с двумя верблюдицами и верблюжонком.

— Дело наше таково,— сказали они,— каждый из нас имеет по верблюдице. Они всегда вместе паслись в степи. На днях мы пришли и увидели двух новорожденных верблюжат. Один был живой, другой — мертвый. И вот мы не знаем теперь, кому должен принадлежать верблюжонок, какая из верблюдиц их мать. Обе они ласкают и кормят малыша, и он одинаково ластится к обеим.

Старший брат сказал:

— Ведите верблюдиц к реке.

Средний сказал:

— Перевезите верблюжонка в челне на другой берег.

А младший прибавил:

— Тогда ваше дело решится само собой.

Сделали так, как посоветовали мальчики.

Когда верблюжонок остался один на берегу, он заметался в страхе и жалобно закричал. Верблюдицы тоже встревожились и заревели. Одна стала беспокойно бегать вдоль берега, а другая вдруг ринулась с обрыва в воду и поплыла к верблюжонку. Тут все сразу поняли, что это и была его мать.

Слух о великом разуме необыкновенных детей от всадника к всаднику, от прохожего к прохожему распространился по всей степи, и старый ученый был счастлив и горд.

Про мудрость братьев прослышал и хан. Он пригласил их к себе и сказал:

— Оставайтесь у меня. Будете по очереди разбирать тяжбы моих людей, и если я признаю суд ваш справедливым, то сделаю своими визирями.

Услышав это, старые визири возненавидели трех юных мудрецов и решили мстить им.

В первый день суд вершил старший брат. К нему привели двух человек. Один сказал:

— Я бедный пастух. Вчера из нужды зарезал своего лучшего барана, а сегодня весь день продавал мясо на базаре. Всю выручку я положил в кошелек, а этот человек вытащил его у меня из кармана.

Другой с возмущением отрицал свою виновность:

— Пастух лжет. У меня есть кошелек с деньгами, но это мой собственный кошелек. Плут возводит на меня напраслину и хочет отсудить чужое.

Судья сказал:

— Дай сюда кошелек. Мы в минуту выясним, кому принадлежат деньги.

Он приказал ханским слугам принести чашу с кипятком и высыпать в нее из кошелька монеты. Вода тотчас покрылась слоем жира, точно в ней варили баранину. Теперь не оставалось сомнения, что пастух был прав. Судья отдал ему деньги, а вора приказал заключить под стражу.

На второй день судил средний брат.

На суд пришел бай, толстый, как набитый мешок, таща за рукав какого-то оборванного горемыку.

Бай сказал:

— Этот оборванец выплакал у меня взаймы фунт мяса, сказав, что у него умирает ребенок. Он клялся вернуть долг через неделю, даже если бы для этого ему пришлось вырезать мясо из собственной икры. Ребенок давно умер, недели идут, а хитрец не собирается отдать мне мясо или заплатить за него.

Судья спросил у бедняка:

— Почему ты не вернул баю долг?

— У меня ничего нет,— дрожа от страха отвечал бедняк,— раньше осени я не смогу расчесться с баем.

— Но я не намерен ждать до осени! — вскричал бай.

— Тогда,— сказал судья,— я решу дело так. Возьми, бай, нож и вырежь из икры ответчика фунт мяса. Ровно фунт! А если кусок будет хоть на просяное зерно тяжелее или легче, я велю исполосовать тебя плетьми.

Бай разинул рот от недоумения и вдруг, путаясь в полах халата, бросился наутек. Все посмеялись над ним, а бедняк стал благодарить судью за милостивый приговор.

На третий день судить досталось младшему брату. Приехали к нему двое молодых людей. Тот из них, что был выше ростом и шире в плечах, оказался истцом, и он стал жаловаться:

— Мой приятель отнял у меня золотой.

Ответчик оправдывался:

— Я заработал золотой честным трудом. У меня и в мыслях никогда не было обижать людей.

Судья спросил у истца:

— А был ли свидетель, когда твой приятель напал на тебя?

— Нет, свидетеля не было.

— В таком случае,— сказал судья,— спор ваш будет решить нелегко. Я подумаю над ним. А вы покамест потешьте меня борьбой. Победитель в борьбе получит от меня подарок.

Судья погрузился в размышления, а жигиты схватили друг друга за кушаки и начали бороться. Не прошло и четверти часа, как истец трижды повалил ответчика.

— Довольно,— сказал судья. — Решение мое готово. И неразумному ясно, что тот, кто так легко три раза подряд одолел противника, не мог поддаться слабейшему и в схватке за монету. Ответчик ни в чем не виноват, а тебя самого, наглый истец, следовало бы сурово наказать за клевету и вымогательство. Но я дарю тебе, как обещал, прощение за твое искусство в борьбе. Идите, помиритесь и постарайтесь снова стать друзьями.

Весь народ приветствовал справедливый суд трех братьев, и хан тоже остался ими доволен. Только старые визири злобствовали и негодовали. Они пытались на ухо внушить хану, что братья — темные проходимцы, что безрассудно доверяться неведомым пришельцам, что скорее всего они подосланы к хану врагами и замышляют против него нечто недоброе. Но хан прикрикнул на наушников и объявил во всеуслышание:

— Назначаю трех юных мудрецов своими визирями.

Днем они будут помогать мне в делах правления, вечером — развлекать рассказами, а ночью — охранять мой сон.

Потекли дни. Хан все больше привязывался к юношам. Целыми часами по вечерам он слушал их речи и засыпал, убаюканный диковинными историями. Братья по очереди прислуживали хану, и всем им он оказывал внимание, но особенно отличал младшего. Потому-то старые визири и ожесточились так против юноши: изнывая от зависти, они сговорились его извести.

В один из дней, когда младшему брату выпала очередь быть неотлучно при хане, визири тайком впустили в дворцовую спальню ядовитую змею. Они надеялись, что хан, увидев змею, заподозрит в злом умысле своего любимца, и тогда легко будет склонить его расправиться со всеми тремя братьями.

Наступила ночь. Хан лежал в постели, а молодой визирь рассказывал ему одно за другим древние предания, не сбиваясь ни в слове, точно держал перед собой невидимую книгу. Только за полночь хан уснул. И тут юноша, намереваясь погасить светильник, увидел ужасную змею, ползущую к ложу хана. Не растерявшись, он выхватил меч, отсек змее голову и лезвием кинул разрубленное змеиное тело под постель. Он уже готов был вложить меч в ножны, как потревоженный шумом хан пошевелился и открыл глаза. Увидев перед собой своего молодого визиря с обнаженным мечом в руке, он вскочил на ноги и закричал:

— Караул! Меня хотят убить!

Тотчас в спальню вбежали телохранители, схватили юношу и бросили его до утра в темницу. А наутро хан созвал на совет всех визирей, чтобы разобрать дело и решить участь заключенного.

Визири говорили по старшинству, но все одно и то же: они, не скупясь на слова и соревнуясь в красноречии, обвиняли юношу в измене, вероломстве и покушении на жизнь своего владыки и благодетеля, а в заключение требовали для него самой жестокой и мучительной казни. Слушая их, хан все более мрачнел и после каждого выступления кивал головой в знак согласия. Визири ликовали в душе, не подавая в том вида, уверенные в успехе своего бессовестного умысла.

Но вот очередь дошла до старшего брата обвиняемого.

— Позволь, великий хан,— начал он,— вместо судебной речи рассказать тебе старинную притчу, как это делал я с братьями столько ночей у твоего изголовья.

Жил в незапамятные времена могущественный падишах. Больше всех существ мира любил он говорящего попугая, который сидел в золотой клетке в его покоях. Мудрый попугай и наставлял падишаха в затруднительных случаях, и утешал в печали, и веселил на досуге.

Однажды падишах подошел к клетке и увидел, что попугай нахохлился и загрустил.

— Что с тобой, мой пернатый друг? — спросил падишах.

И попугай отвечал:

— Ко мне под окно прилетали мои товарищи с далекой родины. Они принесли весть, что моя сестра выходит замуж и хочет видеть меня на своей свадьбе. Позволь мне слетать на родину, повелитель! За эту милость я принесу тебе драгоценный подарок.

— Сколько же дней тебе потребуется для полета? — спросил падишах.

— Сорок дней, повелитель. На сороковой день я снова буду с тобой.

Падишах распахнул дверцу клетки, и птица с радостным криком выпорхнула через окно на волю.

Присутствовавший при этом визирь сказал:

— Готов поручиться чем угодно, властелин, что хитрая птица обманула тебя и не вернется больше в клетку.

Злые люди недоверчивы и подозрительны, мой хан, а этот визирь был злой человек.

Но миновало сорок дней, и попугай, не нарушив данного слова, прилетел обратно. Падишах очень обрадовался ему и шутя спросил:

— Какой же подарок принес ты мне с родины?

Птица раскрыла клюв и положила на ладонь падишаха небольшое зернышко.

Падишах удивился, но, зная мудрость попугая, кликнул своего седобородого садовника и приказал ему посадить зернышко. Через день выросла из зернышка стройная яблонька, через два — зацвела, а через три украсилась множеством душистых плодов.

Садовник сорвал самое румяное яблоко и понес его падишаху. Но по дороге его остановил визирь. Он разбранил садовника за то, что тот несет яблоко в руках, и велел

ему сходить за золотым блюдом. Старик ушел, визирь же той порой обмазал плод ядом, а дождавшись садовника, вместе с ним пошел к падишаху. Садовник рассказал о необыкновенном дереве, поставил блюдо с яблоком на стол и удалился. А визирь сказал:

— Повелитель, яблоко это с виду прекрасно, но часто красота бывает обманчива. Сдается мне, что оно ядовито. Прикажи привести сюда из тюрьмы убийцу, приговоренного к смерти, и пусть он прежде тебя отведает кусочек яблока.

Падишах послушался визиря. Привели разбойника в цепях, заставили его съесть ломтик яблока, а через мгновение этот человек был уже мертв.

Падишах рассвирепел. Он кинулся в соседнюю комнату, вытащил попугая из клетки и свернул ему голову.

Ты спросишь, великий хан, почему же так поступил визирь. Злые люди завистливы, недоброжелательны, коварны и безжалостны, а он, этот визирь, был злой человек.

Через некоторое время падишаху самому вздумалось взглянуть на яблоню. Он вышел в сад и стал кликать садовника. К нему подбежал юноша, стройный станом и прекрасный лицом.

— Кто ты? — спросил падишах.

— Я твой садовник, повелитель.

— Но мой садовник был дряхлый старик! — удивился падишах.

— Это я и есть,— сказал молодой красавец. — После того, как ты убил попугая, я подумал, что и мне не уберечься от твоего гнева. Тогда, чтобы не терпеть напрасных мук, я решил покончить с жизнью, съев ядовитое яблоко. Сорвал одно, откусил немного, и в тот же миг ко мне вернулась молодость.

Пораженный падишах, как зачарованный, приблизился к чудесному дереву, сорвал яблоко и поднес его ко рту. Невыразимое блаженство разлилось по его телу, и он почувствовал себя снова молодым и сильным, каким был в восемнадцать лет.

Понял он тут, что напрасно погубил верного попугая, зарыдал от горя и раскаяния, но было уже поздно: отнять жизнь правители могут, а вернуть жизнь они не в силах.

Старший брат замолчал, и хан сидел молча, в глубоком раздумье. Потом он знаком приказал говорить среднему брату. И тот сказал:

— Великий хан, хочу и я рассказать тебе подобную историю. Случилась она в то же давнее время, но в другой стране и с другим падишахом. Этот падишах с детства увлекся охотой. Днями и месяцами он носился на горячем скакуне по степи за дикими зверями и птицами. Был у падишаха любимый беркут, какого не имел ни до него, ни после него ни один охотник.

Раз падишах, погнавшись за сайгой, очутился в безжизненной пустыне. Нещадно жгло солнце, нигде не было воды, падишаха томила жажда. Неожиданно он увидел скалу, из-под которой тонкой струйкой вытекал родничок. Падишах достал золотую чашу, набрал воды и уже хотел напиться, как вдруг беркут бросился на чашу и расплескал всю воду. Падишах рассердился, прикрикнул на беркута и снова зачерпнул воды. Но опять беркут грудью налетел на чашу и выбил ее из рук падишаха. В ярости падишах схватил пустую чашу и ударил ею беркута по голове. Беркут упал мертвый. А падишах подошел к роднику — и замер от страха: из расщелины скалы выползала огромная змея. Не вода, а смертельный яд гадины сочился по камням. Падишах вскочил в седло и умчался прочь. Но с этого дня он понял, что осмотрительность лучше поспешности, что высокий сан не спасет от роковых ошибок, что добро от зла отличить может мудрый, а не могущественный.

— Довольно! Замолчи!— вскричал хан и, грозно сверкая глазами, поднялся с места. — Вы оба в заговоре со своим братом, вы хотите обелить злодея, чтобы уйти от возмездия и выручить его и себя. По-вашему выходит, что он не виноват передо мной, а я безрассуден и несправедлив к нему. Но если это так, то зачем же он занес меч над спящим своим господином!

— Это нам неизвестно,— ответили братья.— Спроси у него самого.

— Введите узника! — крикнул хан страже.

И вот младший сын ученого предстал перед ханом и советом визирей. Он держался скромно, но гордо и смотрел на всех без страха.

Испытующе глядя в глаза юноше, хан произнес:

— Скажи без утайки, ибо никакие хитрости не могут избавить тебя от беспощадной казни,— с какой целью ты вчера ночью обнажил свой меч у моей постели?

— Чтобы спасти тебя от смерти, хан,— спокойно отвечал юноша.

— Кто же, как не ты, мне угрожал смертью?

— Змея, которая готова была ужалить тебя и которую я разрубил мечом.

— Змея? Что ты выдумываешь? Как же змея могла попасть в мою опочивальню? — в недоумении спросил хан.

— Твои многоопытные визири, хан, на которых ты так полагаешься, лучше меня могут ответить на твой вопрос.

Хан бросился в спальню, заглянул под ложе, а через некоторое время медленной походкой вернулся в зал судилища, опустив голову, со слезами на глазах. Он подошел к младшему брату, обнял его и проговорил взволнованно:

— Прости меня, мой верный друг и спаситель! Теперь я знаю истину. Проси чего хочешь в награду за обиду,— клянусь перед всеми, я ни в чем не откажу тебе и твоим мудрым братьям.

И юноша сказал:

— Отпусти нас троих, великий хан, освободи от службы. Позволь нам продолжать свое странствие. Путь наш не кончен, еще не прочтена и до середины книга жизни, мудрейшая из книг.

Хан не ждал такой просьбы. Он опять вспылил, кровь бросилась ему в лицо, но уже невозможно было отречься от данной клятвы.

И братья ушли из ставки хана.

Много с тех пор прошли они дорог, много видели разных людей и стран и вернулись на родину, к своему народу, к престарелому отцу лишь тогда, когда изведали все, что только может выпасть на долю человека, и постигли все, что только в состоянии обнять человеческий разум.

СЕМЬ СКОРПИОНОВ

У бая Нурума было три сына — Асан, Усен и Ануарбек.

Когда Ануарбеку исполнилось шесть месяцев, умер отец, а еще через полгода — мать. И остались братья круглыми сиротами.

Скот, слитки серебра, красивые белые юрты — все перешло во владение старших братьев.

Вскружило им голову богатство, забыли они совесть и честь: разленились, перестали ухаживать за скотом, стали пьянствовать и играть в карты. Через два года только у них и осталось, что рубаха на теле. Приуныли братья. Да как тут не приуныть, когда в животе пусто! Вот и решили они идти в батраки. А совестно: все-таки сыновья известного бая! Люди смеяться будут. Что делать? Судили — рядили и надумали уйти подальше от родных кочевий, туда, где их никто не знает. И в великом легкомыслии своем решили не брать с собой маленького Ануарбека. Украдкой, за полночь выбрались они из юрты, и только предрассветный туман провожал их в путь.

Малыш Ануарбек, проснувшись, терпеливо ждал братьев, потом ему стало жутко одному, и он с плачем стал звать Асана и Усена, хотел выскочить из юрты, но не тут-то было — кошму братья снаружи чем-то подперли.

Ануарбек плакал все громче, пока не услыхала старушка-соседка. Она вызволила бедного мальчугана, утерла ему слезы и увела к себе.

Добрая женщина была уверена, что братья скоро приедут, но шли дни, а за ними недели и месяцы, а братья как в воду канули.

Прошел год. Кормить сироту не под силу бедной старухе, и решила она попросить муллу Омара взять мальчика к себе.

— Молдеке,— взмолилась она, придя к мулле вместе с Ануарбеком,— помогите сироте, я бедна и больна, себя едва кормлю. Примите мальчика в свой дом, научите его уму-разуму, он будет вам вместо сына, а аллах вознаградит вас за доброе дело.

Мулла отдыхал после сытного обеда. Вкусный бесбармак и ароматный чай настроили его благожелательно. Не дал ему аллах сына, а разве в хозяйстве мужские руки лишние? Ведь через несколько лет мальчик сможет и за скотом ухаживать, и в юрте помогать, и с поручениями ездить.

— Ладно,— молвил он,— оставляй малыша.

Горько плакал Ануарбек, расставаясь со своей благодетельницей, и только ласки доброй жены муллы осушили его слезы.

Понемногу мальчуган привык к новой своей семье. Жена муллы была с ним по-матерински добра, а маленькая Куляида, дочь муллы, сразу привязалась к нему как

к родному. Славное создание была эта Кулянда — веселая, добродушная, ласковая. Всей душой полюбил ее Ануарбек.

Когда Ануарбеку пошел восьмой год, мулла взялся обучать его корану. К тому времени мальчик уже помогал немного и по хозяйству. Смышленый и расторопный мальчуган пришелся ко двору в семье муллы. К пятнадцати годам Ануарбек уже постиг всю нехитрую науку, которой владел его учитель, и стал задумываться, как жить дальше.

Приемные родители постарели, и пора было взять заботу о них на себя. Ануарбек решил пойти в город искать работу.

Надо сказать, что к этому времени Кулянда стала красавицей-девушкой и интересовала его не только как товарищ по детским играм. Поэтому уходить из аула не хотелось. Но делать нечего. Мулла не стал его удерживать, и молодой жигит, распрощавшись с приемными родителями и любимой, отправился в дорогу.

Неисповедимы пути аллаха! Случай привел Ануарбека во дворец к хану Малику, и стал он просить повелителя дать ему работу.

Кто может познать течение мыслей великих мира сего! Кто предусмотрит их немилость и милость! Коротко ли, долго ли, а стал безвестный мальчишка Ануарбек по ханской прихоти важным лицом — ему поручили выслушивать жалобщиков и разбирать тяжбы.

На счастье, одарила природа нашего жигита живым умом и добрым сердцем, а труда своего он не жалел. Деньденьской Ануарбек выслушивал и разбирал жалобы, и не было случая, когда бы он вынес несправедливое решение. За короткое время он сделался любимцем народа.

Удивился как-то хан: никто не идет к нему с жалобами. «Неужто мой народ стал жить мирно?» Пошел он в комнату к Ануарбеку и вышел оттуда довольный: все тяжбы жигит решал сам, справедливо и умно. Жалобщикам незачем было ходить к хану.

С тех пор не мог нахвалиться своим новым помощником хан.

Но кто сказал, что на белом свете перевелись завистники? Было у хана Малика семеро мулл. До прихода Ануарбека они карали и миловали жалобщиков по своему

усмотрению. Не брезговали и взятками. Успехи молодого человека черным коршуном терзали их сердца.

А приемный отец Ануарбека, мулла Омар, увидев, как далеко пошел юноша, решил, что неплохо бы иметь такого зятя.

Мулла всегда мулла! Лукавый Омар украдкой от Ануарбека взимал с просителей скот за то, что якобы устраивал им свидание с Ануарбеком. Простодушные степняки легко попадались на удочку хитреца.

Ну как тут не постараться закрепить с таким жигитом родственные связи!

К великой радости Куляиды и Ануарбека мулла объявил их женихом и невестой.

Тем временем семеро скорпионов, как прозвали в народе мулл за их жадность, плели паутину, в которую должны были попасться Ануарбек и Куляида.

Посудив-порядив, решили они воспользоваться для своих целей естественной мужской слабостью хана — тягой к красивой женщине. Узнает хан о красоте Куляиды — захочет овладеть ею. Это, конечно, придется не по вкусу ее жениху, он станет противиться. А противиться хану — головы не сносить!

Окольными путями, через одну женщину, сообщили хану о Куляиде. Засверкали очи властелина, порозовели скулы. Вскочил хан на коня и поскакал в аул муллы Омара. Как увидел он Куляиду, так понял, что не встречал девушки красивее. С первого взгляда влюбился хан. Горе Ануарбеку!

Вернувшись домой, хан Малик тотчас же послал сватов к Омару.

О нечестивый мулла! Вскружили ему голову ханские сваты. Шутка ли, такого высокородного зятя посылает аллах! Перед его мысленным взором поплыли косяки коней, отары овец, белые юрты, ковры, слитки золота и серебра.

А когда сверкнула ему в грезах жемчужной улыбкой молодая токал, он совсем забыл и о преданности Ануарбека, и про любовь его к Куляиде, и какое горе он причинит дочери,— все забыл!

Плачем встретила его добрая жена жестокое решение отнять Куляиду у Ануарбека и отдать хану. Тщетно она умоляла мужа не делать этого. Какой мужчина станет слушать речи женщины!

Каков же был ужас Кулянды, когда она узнала, что не быть ей женою Ануарбека, что отец дал согласие хану! Горько плакала она, валяясь вместе с матерью в ногах отца! Но тот остался непреклонен.

Обрадованный хан тут же велел начать приготовления к свадьбе.

Узнал о своей беде и Ануарбек. Прискакал бедняга в дом муллы. Женщины совершенно убиты горем, мулла смотрит на него злыми глазами.

Ночью Ануарбек пытался пройти к Кулянде, но мулла караулил ее. Нечего делать, убрался бедный жигит восвояси и оттуда с верным человеком послал девушке письмо.

А тем временем семеро мулл раскрыли глаза хану, что не он один мечтает о прекрасной Кулянде, да заодно и прибавили то, чего и не было,— очернили Ануарбека.

Разгневался хан.

Ануарбек тем временем скрывался у одного друга, поджидая ответа Кулянды. Он ждал целый день, и только под вечер посыльный вручил ему письмо любимой. Вот что она писала:

Одна кровля над головой,
И одна была у нас мать.
С детства мы дружили с тобой,
Кто же вправе тебя отнять?
Счастья я от судьбы ждала,
А оно бежит от меня.
Но пока, Ануар, я жива,—
Я с тобой до последнего дня.
Что мне жизнь, коль не будет тебя?
Ненавистен немилого кров.
Лучше смерть, чем его рука,
Лучше казнь, чем его любовь.

Бьется сердце в моей груди
Все взволнованней день ото дня.
Ты скажи, что нас ждет впереди,
Моя жизнь, любовь моя?!

Несколько раз перечитывал бедняга письмо несчастной девушки, ломая голову, как быть дальше.

На следующий день Ануарбеку удалось увидеть жену муллы — свою нареченную мать, которая всей душой была

на его стороне. А еще через несколько суток ночью добрая женщнна, рнскуя навлечь на себя гнев мужа, привела к нему Кулянду.

Кто опншет свнданне влюбленных!

Но как ни прнкндывали они, от хана нигде не спрячешься, видно, не судьба жнть нм вместе. Тогда решили, что Кулянда не вернется домой, н сколько даст нм аллах— столько онн проживут вместе — день, два нлн три.

В бешенство пришел хан Малнк, узнав о похищенин невесты. Тотчас же снаряднлн погоню с прнказаннем не возвращаться без беглецов. Каждый дом в городе, каждую юрту в степн обыскивалн ханскне нукеры.

Три дня наслаждалнсь Кулянда н Ануарбек своей свободой н любовью, а на четвертый донес ветерок утром до слуха Ануарбека конскнй топот. Прнник он ухом к земле — так н есть: скачут!

Тогда решнл он ндтн сам навстречу опасности, а Кулянде велел спрятаться. Сначала Кулянда н слушать не хотела, но Ануарбек сумел ласковыми речамн убедить ее.

Сталн прощаться несчастные влюбленные.

Дрожал голос у Ануарбека, когда он говорнл прощальные слова:

Ты прекрасна, умна н добра.
С детства ты была мне сестрой.
Но изменчива злая судьба:
Разлучнть хотят нас с тобой.

Ополчился вражескнй стан,
И ликует недругов рать.
Проклят будь ненавистный хан,
Что поклялся тебя отнять!

Потускнели от слез глаза,
Сохнет грудь, горнт голова.
О жена моя, Кулянда,
Где найтн утешенья слова?

В слевах отвечала Кулянда:

О зрачок глаз монх, горе мне,
Вижу смерть над твоей головой,
Лучше б я сгорела в огне,
Чем расстаться навек с тобой.

Счастье было в наших руках,
Но исчезло пылинкой в степи.
Нет пощады во вражьих сердцах,
Коли хану стать на пути.

Без тебя мне, любимый, не жить.
Коль плохое случится с тобой,—
Нужно будет меня убить,
Чтобы сделать ханской женой.

Ануар несколько раз вскакивал на коня, но через сотню шагов возвращался, и прощанье начиналось снова. Однако, надо было спешить. Поручив Кулянду добрым людям, он скрепя сердце пустил коня наметом и, не оглядываясь, помчался на верную смерть.

Хан Малик встретил его с почерневшим от злобы лицом.

— Подлый развратитель, где ты спрятал мою невесту? Отвечай!

Ануару терять было нечего, все равно от хана пощады не будет, поэтому он, усмехаясь, возразил хану:

— Не я, а ты развратитель. Кулянда моя жена, а не твоя невеста! Да падет кара аллаха на твою голову.

От гнева хан некоторое время не мог ни слова выговорить, а когда опомнился, то, захлебываясь от бешенства, завопил:

— Вяжите его! В темницу злодея и распутника!

— Я и так пойду, таксыр,— насмешливо возразил Ануарбек,— не бойся — не убегу. А вы, облезлые шакалы,— кивнул он в сторону семерых мулл,— за мою кровь ответите своею,— и гордо зашагал впереди нукеров в тюрьму.

Скора ханская «милость»! В тот же день приговорил хан Ануарбека к смертной казни и велел оповестить народ, что завтра на площади перед дворцом повесят похитителя ханской невесты.

Ануар мужественно встретил суровый приговор. Не о своей жизни, а о судьбе бедной Кулянды думал он. Его появление во дворце только на короткий срок задержало розыски, теперь небось ханские нукеры опять, как собаки, обнюхивают каждое жилье.

О казни дошел слух и до Кулянды. Как рассказать о горе несчастной женщины!

Решила Кулянда покончить счеты с жизнью, и только

благодаря вмешательству хозяина дома, где она скрывалась, осталась жива. Он вынул ее бездыханную из петли. К счастью, смерть еще не успела схватить свою жертву.

Горько упрекала Кулянда своего спасителя: зачем ей жить без Ануарбека?

В то время как жизнь младшего из трех братьев была так близка к концу, старшие братья Асан и Усен возвращались на родину. Они, занимаясь торговлей, разбогатели, обзавелись семьями.

Образ брошенного малютки Ануарбека не раз тревожил их ночной сон, и они твердо решили разыскать его. И, такова воля аллаха, братья вернулись на родину в тот злосчастный день, когда Ануарбека заточили в темницу.

Пришли братья на базар, а там только и разговору, что о казни.

— Бедный Ануарбек,— сетовали люди. Многие женщины плакали.

Заинтересовались Асан и Усен, что это за Ануарбек, которого хотят казнить и которого так жалеет народ. Какой-то дервиш взялся им разъяснить и, к ужасу братьев, рассказал им историю о бае Нурыме и его сыновьях.

— Вот теперь,— закончил он,— будут казнить младшего брата за то, что ханскую невесту украл. Но не невеста она хану, а волею аллаха жена Ануарбеку. Да разве пойдешь против хана!

Заплакали братья. Потом стали совет держать, как вызволить Ануара. Пуще прежнего заговорила в них совесть — зачем бросили малютку! И решили они прийти на казнь и напасть с топорами на стражников. Стражников много, они, конечно, убьют братьев.

— Вот и умрем в один день с Ануарбеком.

Так и сделали. Взяли по топору и пошли на площадь. Большая толпа стояла у виселицы.

Вот привели стражники связанного Ануарбека. Зашумел народ, запричитали и заплакали женщины. Да и мужчины не могли удержаться от слез

Слезами разве отменишь ханский указ?

Бледно, но спокойно было лицо Ануарбека, когда он заговорил с народом на прощанье:

Я сегодня встретил зарю
Своего последнего дня.
Я в последний раз говорю.

О народ! Ты послушай меня.
На прощанье увидеть хочу
Ту, что мне заменила мать.
И свою дорогую жену,
Куляндy, я б хотел увидать.
Братья где-то есть у меня,
Я и их повидать бы хотел...
Очень жалко мне оставлять
Длинный ряд незаконченных дел.
Расставаться и с солнцем мне жаль,
И с луной, что над степью плывет.
Жаль мне мать оставлять, и жену
И тебя, мой добрый народ.
Все, что лучшее было во мне —
Это все от тебя, мой народ,
Мне недолго дышать на земле.
Я в долгу у тебя, мой народ.
Пусть трепещут семеро мулл —
Близок злобных последний час.
И коварный насильник хан —
Верю я — не уйдет от вас.
Смерти я не боюсь —
Лишь одна дума горькая зреет во мне:
Я не все, что мог, совершил
Для людей на любимой земле.

Заволновался народ. Да и кого не проймет справедливое и умное слово!

Недовольно поморщился хан Малик, а семеро скорпионов-мулл закорежились, как кора на огне.

— Прервите, таксыр, его крамольные речи,— зашептали они. — Велите палачу приступить к делу!

Хан сделал знак рукой.

Палач накинул петлю на шею осужденного и уже было потянул за другой конец, как подоспевший Усен ударом топора убил его. Асан, воспользовавшись поднявшейся свалкой, кинулся на стражников. Отчаянный поступок братьев подхлестнул народ. Вмиг были отброшены стражники, смяты нукеры, а хану Малику отрубили голову.

И стал с того дня ханом Ануарбек. Счастливо зажил он во дворце со своей Куляндой. Мудро и справедливо правил он народом и дожил до глубокой старости.

МАХМУТ И ЕГО ПОПУТЧИК

давние времена в одном торговом городе жил купец по имени Арзы. Не так славился купец богатством, как добротой. Народ уважительно называл его за это Арзы-мирза, то есть Арзы-щедрый.

Шли годы, стар стал купец, не мог вести свои дела. И решил он передать торговлю сыну. Молод был Махмут, но сметлив и умен. Говорит он:

— В первую поездку, отец, дай мне караван поменьше да людей понадежнее, что преданы тебе.

Услыхал отец разумные речи Махмута — обрадовался и успокоился. Навьючил он верблюдов товарами, дал в провожатые пятерых верных людей. Перед дорогой сказал напутственное слово.

— Сын дорогой, свет очей моих, дождем земля зеленеет, благословением юнец зреет, помни совет:

Не останавливайся на ночлег в глубоких долинах, если даже застигнет тебя там ночь.

Не ночуй также и в покинутых зимовках. У меня большой опыт, я знаю, что в долинах и в покинутых зимовках любят укрываться воры.

Пообещал Махмут блюсти наказ отца и тронулся в дорогу.

Едут торговцы день, едут другой, на третий день повстречался им старец на коне, к поясу его была прицеплена короткая сабля.

— Счастливый путь вам, далеко ли едете?— обратился встречный к Махмуту.

Объяснил Махмут все, как положено, и сам спросил, откуда старец и куда путь держит.

— Дом мой отсюда недалеко, полдня езды. Еду я в тот же город, что и вы. Конь подо мной слабый, одному с таким конем в дороге небезопасно, возьмите меня с собою в попутчики.

«Отправляя неопытного сына с караваном, Арзы надеялся на нас... У встречного оружие, у нас же — голые руки. Поди узнай, что у него на уме! А ну как потеряем товары, что скажем хозяину?»— рассуждали подручные Махмута.

Пока они совещались, юноша распорядился по-своему.

— Я согласен, ага, взять вас в попутчнкн, вы хорошо знаете дорогу до города, будете нашнм провожатым! «Зачем отталкнвать человека, если еще не известно — друг он мне нлн враг?» — решнл про себя Махмут.

А тут, как нарочно, н солнце стало клоннться к закату, пора останавлнваться на ночлег. Осмотрелнсь путннкн: онн в глубокой долнне, н конца ей не видно. Что делать?

Тут нх попутчнк н говорнт:

— Рнскнем. Заночуем здесь. Что бы нн случилось, за все ответ беру на себя.

Переглянулнсь людн Махмута — делать нечего, ночь опустнлась над землей. Да н хозяин уже согласнлся с попутчиком:

— Кто,— говорнт,— слушается старших — не пропадет. Да будет по-вашему, ага, заночуем здесь.

И расположнлся караван на ночлег.

Под утро, когда все крепко спалн, до слуха попутчнка донесся неясный свист. Звук все блнже, ближе. Прилетел огромный крылатый змей — дракон. Схватнл старец свою короткую саблю, поднял над головой. Сабля стала все удлнняться, удлиняться... И, когда змей проглотнл человека, волшебная сабля разрезала брюхо чудовища. Оттащнл попутчнк части тушн в сторонку, сжег нх, горсть пепла завязал в платок. Управнвшись, он лег на свое место н уснул.

Утром встали все с зарей, позавтракали н снова тронулнсь в путь. Шлн целый день, к вечеру оказалнсь около какой-то заброшенной знмовки. Опять опасення торговцев развеял попутчнк.

— Рискнем,— сказал он,— заночуем здесь.

Делать нечего — опустилась темная ночь. Расположилнсь на ночлег.

Средн ночн слышнт старец: доносятся нз знмовкн днкие крнки и вопли. Поднялся он, взял свою саблю и пошел к зимовке. Подошел — перед нним ннкудышная нзбенка, в которую ведут одна за другой трн дверн. Прошел две дверн, у третьей остановнлся н вндит: сндят в нзбе семь дяу — семь цнклопов безобразных, в середнне плачет девушка-красавнца. Дяу с воплями, рычаньем н крнками спорнлн между собою, кому нз нних должна прннадлежать девушка.

Вышел попутчик на улицу н прнтанлся у входа в нзбу. Вскоре один дяу н говорит другим:

— Что-то человеком запахло, выйду посмотрю, не занесло ли какого нечистого?

Только он наклонил голову, чтобы пройти в последнюю дверь, как старик отрубил ему голову, туловище оттащил в сторонку и стал на прежнее место. Не дождавшись старшего дяу, за ним вышел другой. И этого, и третьего, и четвертого — всех семерых чудовищ постигла одна участь: зарубил их старик своей необыкновенной саблей. После этого вошел он в избу... Увидала его девица, заплакала.

— Неужели наступил светлый день, и я снова вижу человека?! Или это наваждение?

— Не бойся, дочь моя, я самый настоящий человек. Скажи, как ты попала сюда?

Ответила девушка:

— Я дочь главного визиря хана. Берег меня отец от стороннего глаза, лишь шесть месяцев назад люди услышали впервые имя мое. Прослышали об этом и семеро дяу. Налетели они на нашу землю, выкрали меня и увезли сюда. Здесь я уже три дня. И три дня эти семеро дяу-братьев спорят между собою, чьей женой я должна стать. Уходи поскорее отсюда, добрый человек. Чудовища почуяли твой запах и пошли искать тебя. Если удастся спастись от них, доберись до родных моих, расскажи о моей горькой участи. Передай привет отцу с матерью. Больше у меня нет к тебе просьбы...

И сказал ей старец:

— Дочь моя, ты свободна. Врагов твоих, семерых дяу, я убил. Бояться теперь тебе некого. Поживи здесь. Через две недели я возвращусь за тобой и увезу отсюда.

Обрадовалась девушка, когда увидела мертвыми всех семерых чудовищ, поверила старцу во всем и согласилась ждать его.

Ни Махмут, ни его товарищи даже не догадывались о случившемся ночью.

Утром, как обычно, тронулись в путь. Через три дня заехали в диковинную страну. Все в ней выглядело обычным, необычными были сами жители: у каждого было только по одной руке и ноге. Другая нога и рука беспомощно волочились, как плети.

Расспросил попутчик Махмута людей об их несчастье, и рассказали они старцу страшную историю.

Когда-то жители Калекии жили в привольной долине, что за шесть дней пути отсюда. Каждую ночь налетал на

них кровожадный дракон и сжирал по человеку. Обреченные вынуждены были откочевать из родных мест. Но и здесь злой рок не оставил их: у каждого отнялось по руке и ноге...

Выслушали торговцы историю, сокрушенно опустили головы, поняли они, что речь идет о той долине, где шесть дней назад ночевали они. Но тут услышали они голос своего нового попутчика.

— О несчастные!— обратился он к калекам.— Знаете ли вы хотя бы, чем исцелиться можете?

— Только яд, добытый из пепла того самого дракона, поможет нам. Все свои драгоценности, все серебро и золото страны мы отдали бы человеку, который спасет нас от недуга.

— Да исполнится воля аллаха, я обещаю исцелить вас.

Удивились торговцы словам попутчика. Спрашивает его Махмут:

— Отец, ты, наверное, великий лекарь, раз берешься за такое дело. А я до сих пор не знаю твоего имени. Скажи мне его.

— Жолдас (попутчик, однодорожник) мое имя. Больше тебе, сын мой, ничего не надо знать.

Семь дней и ночей лечил Попутчик жителей Калекии, на восьмой все они стали здоровыми. Со слезами благодарности преподнесли счастливцы своему исцелителю самое драгоценное, что было в их стране.

Обратился Попутчик к Махмуту:

— Сын мой, не ради богатства вылечил я этих людей. Все, что они преподносят мне, по праву принадлежит тебе. Не напрасно в народе говорят: «Не слово человека дорого, а дело». Когда-то, это было давно, еще тебя не было на свете, я дал слово отцу твоему отплатить добром за его доброту. Я был беден — он сделал меня богатым. И вот слово мое стало делом. С чистым сердцем прими от меня этот дар.

Вьюки всех верблюдов наполнили серебром и золотом. Махмут и его люди на радостях подарили свои товары местным жителям.

Через две недели отправились купцы домой, и Попутчик поехал с ними. Три дня провели они в дороге, наконец подъехали к заброшенной зимовке. Диву дались путники, когда увидели, что из трубы избушки дым валит, окна избушки приветливо светятся, а на пороге стоит девушка-

красавица и зазывает их в гости. Как родного отца, обняла она Попутчика, с нежностью посмотрела на Махмута. И юноше девушка понравилась: стройна, как осока, глаза, как у верблюжонка, скромна и приветлива.

Подвел ее Попутчик к Махмуту, сказал:

— Вот тебе и невеста, сын мой. Вижу, что по сердцу вы друг другу. Мир вам да любовь.

И не удивляйся, Махмут, моему поступку. Когда-то, тридцать три года назад, я был молод, как ты. У визиря моего хана была юная жена. Мы полюбили друг друга. Об этом узнал старый муж. Нам грозила смерть. Вот тогда-то и сделал мне отец твой добро во второй раз: он помог нам скрыться.

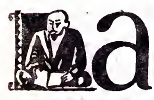
С тех пор я живу далеко от родной страны. Сейчас аллах помог мне отблагодарить добром за доброту отца твоего. Теперь позволь мне удалиться. Путь тебе добрый!

Обнял по-сыновьи Махмут Попутчика, и поехали каждый своей дорогой: старец в свой аул, Махмут — в страну отца.

Обрадовался купец удаче сына. Тут же сыграли свадебный той.

Махмут, жена его и отец жили до конца дней своих счастливо и мирно. Торговлей больше уже не занимались.

ПЕСНЯ АЛДАРА-КОСЕ

Алдар-Косе и его друг дьявол отправились путешествовать. Дорогой Алдар-Косе говорит:

— Вот если б ты посадил меня к себе на спину, то я спел бы тебе песенку. А как только песня моя кончится, то ты сел бы ко мне на спину, и я понес бы тебя.

Дьявол согласился. Сел Алдар верхом на своего друга и затянул, что на ум пришло. Долго они так шли, Алдар-Косе все тянул свою песенку. Утомился дьявол и говорит:

— Ну что, скоро кончится твоя песенка, Алдар-Косе?

— Да я только еще третью часть пропел,— ответил хитрец.

МЕТКОСТЬ ЖИРЕНШЕ

— Таксыр! — сказал Жиренше хану.— Я стрелял в одного кулана и прострелил ему одним выстрелом заднюю ногу и ухо.

— Как это могло случиться? — сказал хан.— Ведь у кулана уши выше ног.

— О, это очень просто, таксыр,— ответил Жиренше.— В то время, когда я стрелял, кулан ногою чесал ухо.

ЗАЧЕМ НАМ НУЖЕН ВАШ БОГ

Давным-давно один мулла татарин приехал в аул. Он беседовал с аулчанами. И между прочим спросил их:

— Как казахи молятся после еды?

Аулчане ответили:

— Обычно казахи произносят после еды, обращаясь к богу:

— На этом свете дай нам добра, а на том — милость божию.

Мулла тогда заметил:

— Так говорить нельзя. Этого не воспримет бог. Есть особая молитва на татарском и арабском языках!

— Тогда на кой черт нам нужен ваш бог, который не понимает по-казахски, а мыслит только по-татарски или по-арабски,— сказали ему на это казахи.

ЦЕНА КОШКИ

Один бай приехал на верблюде в город. Справившись с делами, он зашел в чайхану. Выходит на улицу — нет верблюда!

Схватился за голову:

— Ойбай, что теперь делать?

Кинулся туда, заглянул сюда, побежал по улицам с расспросами: никто не видел верблюда, пропал верблюд, точно на крыльях улетел.

Весь день метался бай по городу, совсем выбился из сил. Тогда он говорит с досады:

— Если б нашелся верблюд, клянусь аллахом, продал бы его первому встречному за рубль!

Только сказал — идет из-за угла верблюд. Бай к нему, схватил за повод. Но тут его окружила толпа, и все загалдели:

— Мы слышали, что ты поклялся продать верблюда за рубль. Неужели нарушишь клятву? Каждый из нас готов купить верблюда за назначенную тобой плату.

Бай растерялся, но только на одну секунду. Возведя взор к небу и сложив молитвенно руки, он произнес со смирением:

— Велик аллах, и страшен его гнев! Пусть покарает меня всевышний, как последнего нечестивца, если я откажусь от святой клятвы. Берите, кто хочет, верблюда за рубль. Но да будет всем вам известно, что я продаю его за эту цену не иначе, как вместе с кошкой, что осталась у меня в юрте.

— А что хочешь за кошку?

— Тысячу рублей, почтенные, всего тысячу рублей! Не просите, не уступлю ни копеечки!

Долго смеялись люди, расходясь в разные стороны:

— Ох, и мошенник же ты, бай! Самого аллаха надул. Верно говорится: богатей и по земле на лодке проплывет.

ВАМ-ТО Я ВЕРЮ

Один человек попросил у Ходжи взаймы денег.

— Деньги у меня есть, но дать их вам я не могу,— ответил сокрушенно Ходжа.

— Неужели вы мне не верите!— удивился человек.

— Ну что вы! Вам-то я верю, но в то, что получу свои деньги обратно, не верится.

ХОДЖА И ЛЕНТЯЙ

Как-то Ходжа встретил лентяя и стал расспрашивать его о жизни. Лентяй рассказал:

— Подадут что-нибудь — ем, а не подадут — сижу смирно.

— Видно «смирение» твое похоже на «смирение» городской собаки,— заметил Ходжа,— она тоже надеется только на подачку.

ХОДЖА И ЖЕНИХ

Молодой человек собрался жениться. Перед свадьбой он решил посоветоваться с Ходжой.

— Во сколько лет вы женились? — спросил жених у мудреца.

— Сколько мне было лет, когда я женился, этого я не помню, но то, что был тогда глупцом, это хорошо запомнил на всю жизнь,— ответил Ходжа.

Я НЕ СКУПОЙ...

Зашел как-то Ходжа в трактир. Сытно пообедав, он не заплатил денег трактирщику, а вдобавок еще унес с собой ложку с тарелкой.

На другой день, когда Ходжа проходил мимо, трактирщик остановил его и стал ругать.

— Ты прав, а я виноват,— согласился Ходжа.— Вчера, пообедав, я не уплатил тебе денег и прихватил с собой ложку с тарелкой. Не подумай, что я скупой, просто в моих карманах не нашлось денег. Сегодня я продал ложку с тарелкой и пришел рассчитаться с тобой за обед.

КАК ХОДЖА БЫЛ СУДЬЕЙ

Когда Ходжа был судьей, у него спросили:

— Много ли у вас друзей?

— Сейчас им и числа нет. Вот когда я не буду судьей, будет точно известно, сколько их,— последовал ответ.

ЕСЛИ ОТ ЧЕТЫРЕХ ОТНЯТЬ ЧЕТЫРЕ...

Когда-то Ходжа учился в школе.

— Что останется, если от четырех отнять четыре? — спросил его учитель. Ходжа задумался.

— Давай это решим на примере,— сказал учитель.— Пускай у тебя в кармане будет четыре монеты, и они выпадут. Что же тогда останется в кармане?

— Дырка,— ответил Ходжа.

ЧТО ТЯЖЕЛЕЕ: ПУД ВАТЫ ИЛИ ПУД ЖЕЛЕЗА?

Ходжа как-то спросил у своего ученика:

— Скажи мне, что тяжелее: пуд ваты или пуд железа?

— По-моему, вес и того и другого одинаков,— ответил ученик.

— Да, сынок. Твой ответ похож на истину, но жена вчера доказала на моих боках, что железо куда тяжелее, чем вата.

ХОДЖА УТЕШАЕТ

Однажды Ходжа не пришел на урок. На другой день учитель спросил его:

— Почему ты вчера не был в школе?

— Занят был.

— Чем?

— Да брат ходил к врачу удалять зуб.

— Ну и что же?

— Я с ним ходил.

— Зачем же? Ведь зуб удалял не ты, а брат?

— Я утешал брата, когда он кричал от боли.

ХОДЖА И УЧИТЕЛЬ

Как-то учитель спросил Ходжу:

— Сколько часов в сутках?

— По-моему, двадцать пять.

— А не двадцать четыре?

— Ну как же двадцать четыре? Ведь вы сами вчера говорили, что день удлинился на целый час.

МУДРЫЙ ОТВЕТ ХОДЖИ

Ходжа шел по улице. Навстречу выбежала собака и укусила его за ногу. Обозленный Ходжа стукнул собаку топором и зарубил. Хозяин собаки закричал:

— Неужели ты не мог ударить не острием, а обухом, тогда бы собака не сдохла!

— Помилуй, ведь собака меня укусула своими острыми зубами. Если бы она меня лягнула, то и я ударил бы ее обухом,— ответил Ходжа.

ОТКУДА БЕРУТСЯ ЗВЕЗДЫ

Один человек спросил у Ходжи Насыра:

— Как ты думаешь, куда девается старая луна, когда рождается новый месяц?

— Вот чудак! Неужели непонятно? Ведь из старой луны делают звезды,— ответил Ходжа.

ХОДЖА ПРОГОЛОДАЛСЯ

Ходжа проголодался и попросил у жены поесть.

Жена возмутилась:

— Вместо того, чтобы любоваться моей небесной красотой, ты говоришь о земной пище!

— Красотою сыт не будешь,— вздохнул Ходжа.

ТОЖЕ МНЕ ОЗЕРО!

Ходжу мучила жажда. На пути показалось большое озеро. Его волны с шумом разбивались о берег. Обрадованный Ходжа решил напиться, но вода в озере оказалась горько-соленой. Рассерженный Ходжа воскликнул в сердцах:

— Тоже мне озеро! Только и знаешь, что плещешься. Лучше бы позаботилось о вкусе своей воды...

ПОЧЕМУ В МОРЕ ВОДА ГОРЬКАЯ?

— Почему морская вода горькая?— спросили у Ходжи Насыра.

— Потому что она не течет никуда, стоит на одном месте — вот и испортилась,— последовал ответ.

ЕСЛИ СЫН ОБЖОРА...

— Сын ваш объелся на тое и лежит при смерти,— сообщили Ходже.

— Если мой сын умирает от обжорства — туда ему и дорога.

ГДЕ ЖЕ ПРАВДА?

Голодный Ходжа пришел домой и попросил у жены:

— Дай-ка мне немного простокваши, она так полезна для пищеварения...

— Простокваши нет, последнюю гости выпили.

— Что ты наделала!— сказал испуганно Ходжа.— Ведь простокваша вредна для зубов и желудка.

— Только сейчас ты хвалил простоквашу, говорил, что она полезна. Теперь ты хаешь ее... Где же правда?— удивилась жена.

— Правда — первое, если нет, то — второе.

ИЗ-ЗА МОЕГО ЧАПАНА БЫЛ ШУМ...

Ночью за окном послышались крики. Ходжа проснулся спросил жену:

— Что за шум?

— Какое тебе дело до этого, спи,— рассердилась жена, недовольная, что ее разбудили.

Однако Ходжу разбирало любопытство. Он встал с постели, накинул на плечи чапан и вышел из дому. Тотчас к нему подбежали люди, стащили чапан и скрылись.

Ходжа возвратился домой.

— Из-за чего там шумели?— спросила жена.

— Из-за моего чапана,— последовал ответ.

ВОЗЬМИ У СОБАКИ

Ходжа нес с базара кусок мяса. Навстречу выскочила собака, вырвала у него из рук мясо и убежала. Расстроенный Ходжа осмотрелся вокруг. Невдалеке он заметил человека, тоже купившего и несшего с базара мясо. Недол-

го думая, Ходжа подскочил к нему, выхватил покупку и бросился удирать.

— Ходжа, не шутите, верните мясо!— закричал человек.

— Можешь вместо своего взять мое — вон у той собаки,— последовал ответ.

ОСЛА НЕТ ДОМА

Пришел к Ходже сосед и просит:

— Одолжите вашего осла съездить в город.

— С удовольствием бы одолжил, но осла нет дома,— ответил Ходжа. В это время во дворе закричал осел.

— Как вам не стыдно, Ходжа! У вас белая борода, а вы лжете.

— О глупец!— возмутился Ходжа.— Как же ты можешь верить не мне, у которого уже борода белая, а глупому ослу?!

КАК ХОДЖА БАРАНА ЗАРЕЗАЛ

Увидев на улице барана, Ходжа Насыр поймал его, привел домой и зарезал. Узнав об этом, один из друзей сказал ему:

— Как же ты греха не боишься? Ведь в день страшного суда хозяин этого барана перед богом потребует его у тебя.

— А я откажусь, скажу, что не видел и не брал,— ответил Ходжа.

— Нет, дорогой, отказаться не сможешь. Баран, которого ты зарезал, сам предстанет перед тобой — так повелит бог.

— Тем лучше!— воскликнул Ходжа.— Раз баран предстанет предо мной, я возьму его и тут же верну хозяину.

НЕ СПЕШИ ОТДАВАТЬ ДОЛГИ!

— Я много должен людям. День и ночь страшусь одного: придет за мною Азраил и заберет мою душу на небо раньше, чем я успею рассчитаться с долгами,— сознался один человек Ходже Насыру.

— Напрасно беспокоишься,— ответил Ходжа,— долгов у тебя столько, что пока рассчитаешься, сам Азраил успеет состариться и не в состоянии будет взять твою душу. Так что не спеши отдавать долги.

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ПОЦЕЛОВАТЬ ПЕРИ...

Однажды в мечети мулла расхвалил народу прелести рая. Особенно расписывал райских дев — пери.

— Девушки эти так красивы, что сказать даже невозможно. Они излучают свет, и всюду, где они проходят, становится светло как днем...

— А ростом какие они: высокие или нет?— спросил Ходжа Насыр.

— Конечно, высокие!— поторопился мулла.

— Значит и на том свете есть неудобства,— заметил Ходжа.

— Это какие?

— Ну как какие? Если захочешь поцеловать пери, откуда взять лестницу?

ОБИДА ХОДЖИ НАСЫРА

Ходжа Насыр решил на свою свадьбу пригласить весь аул. В приготовлениях и хлопотах к пиршеству он ничего не успел поесть. Несмотря на голод, он и на тое ничего не ел — боялся, что гостям не хватит. Про себя Ходжа думал: останется же что-нибудь после гостей, вот я и поем. Но по бедности Ходжа выставил угощения мало, а гостей, по доброте, созвал много. На столе после них не осталось еды.

Тут терпенье жениха кончилось: он поднялся из-за стола и вышел на улицу...

Гости разошлись, невобрачным постелили постель. Хватились жениха и нашли его прохаживающимся вокруг юрты.

— Чего же ты не идешь в дом? Тебя ждет молодая жена!

— Не пойду. Пусть к ней идет тот, кто пообедал.

НУ ДАВАЙ ХОТЬ ДЕВЯТЬ ТАНЬГА

Однажды приснилось Ходже Насыру, что у него есть петух и один человек просит его:

— Ходжа, продай петуха!

— Покупай, коль денег много,— отвечает Ходжа.

— Сколько просишь?

— Двенадцать таньга.

— Нет, дорого. Даю восемь таньга.

Покупатель прибавил еще: сказал, что предлагает девять таньга. Но Ходжа стоял на своем...

Неожиданно проснувшись, он осмотрелся вокруг и увидел, что у него нет ни петуха, ни денег, ни покупателя. Поспешно закрыв глаза, Ходжа протянул руку и сказал:

— Ну хорошо, я согласен: бери петуха хоть за девять таньга.

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

— Что это такое?— спросили у Ходжи Насыра, показав на минарет.

— Это перевернутый вверх дном колодец,— последовал ответ.

РАЗНИЦА МЕЖДУ МЯСНИКОМ И ЗНАХАРЕМ

— Какая разница между мясником и знахарем?— спросили у Ходжи Насыра.

— Разница в том,— ответил Ходжа,— что мясник сначала зарежет скотину, а потом снимет шкуру, знахарь же наоборот: сначала семь шкур спустит, а потом уже заставит испустить дух.

ХОДЖА НАСЫР И МУЛЛА

Увидев слезы на глазах у совершающего намаз Ходжи Насыра, мулла обратился к народу, собравшемуся в мечети:

— Смотрите, как плачет преданный богу человек во время молитвы. Объясни, правоверный, причину слез твоих.

— О святой отец, вчера у меня подохла коза. Ее белая борода была точь-в-точь как ваша. Увидел я вашу бороду, вспомнил свою козу и заплакал от жалости,— отвечал Ходжа рыдая.

ХОДЖА НАСЫР И ЕГО ОТЕЦ

Отец поручил Ходже напоить осла.

— Нет, не могу, у меня губы потрескались,— возразил Ходжа.

— А при чем тут губы?— удивился отец.

— Как при чем? Если я не буду подсвистывать, разве осел догадается, что ему надо пить воду? А свистеть с такими губами я не могу!

И СМЕХ И СЛЕЗЫ

Один человек нашел в степи компас. Вертел, вертел — не знает, что такое. Принес в аул. Судили, гадали — никто не поймет, что за штука. Позвали Ходжу Насыра, показали ему компас и попросили:

— Объясни, уважаемый, что это за вещь?

К удивлению всех, ни слова не вымолвив в ответ, Ходжа залился безудержным смехом.

— Что с тобой, Ходжа?— спросили люди.— Чему ты смеешься?

— О несчастные! Это вы рассмешили меня: неужели и вправду не знаете, что это такое?!— И Ходжа захохотал пуще прежнего... Еще больше удивились люди, когда мудрец так же неожиданно расплакался. Он схватился за голову и запричитал рыдая:

— Горе мне, горе!

Кинулись его уговаривать:

— Не плачь, Ходжа, успокойся и объясни причину слез твоих!

— Как же мне не плакать?— отвечал тот сквозь слезы.— Я вспомнил, что и сам не знаю, что это за вещь!..

ДЫРЯВАЯ МОНЕТА

Ходжа от природы был лысым. Лишь иа висках и кое-где иа затылке кустились жесткие волоски. Ходжа пришел в цирюльию и попросил:

— Обрейте меия.

Цирюльник, иедолго думая, намылил голову Ходжи и ловко обработал ее бритвой.

— Платите,— сказал он.

Ходжа подал дырявую моиету.

— Что вы даете, уважаемый? Монета-то дырявая!— возмутился цирюльиик.

— Вот когда у меня иа лысиие вырастут волосы,— тогда я дам вам целую,— ответил Ходжа.

Д

